

С.В. Тютюкин
В.В. Шелохаев

**МАРКСИСТЫ
И РУССКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ**

**С.В. Тютюкин
В.В. Шелохаев**

**МАРКСИСТЫ
И РУССКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ**

**Москва
РОССПЭН
1996**

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект № 96-01-16116

С.В. Тютюкин, В.В. Шелохаев

Марксисты и русская революция.

- М.: "Российская политическая энциклопедия"
(РОССПЭН), 1996. - 240 с.

В книге сделана попытка показать на широком историческом фоне, с привлечением большого количества документальных источников основные аспекты деятельности российской социал-демократии в один из переломных периодов отечественной истории.

Книга рассчитана на специалистов, преподавателей высшей и средней школы, всех интересующихся историей политических партий России в начале XX века.

ISBN 5-86004-041-5

© "Российская политическая
энциклопедия" (РОССПЭН), 1996
© С.В.Тютюкин, В.В. Шелохаев, 1996

Оглавление

К читателю

4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Первый революционный вихрь над Россией (1905 - июнь 1907)

Глава I. Кризис империи

1. "Кровавое воскресенье"	5
2. Как Россия пришла к революции	16
3. Расстановка сил на арене политической борьбы	21
4. Основные этапы первой народной революции	36

Глава II. Выработка марксистского курса в революции

1. Российская социал-демократия в начале 1905 г.	41
2. Стратегия и тактика большевиков	47
3. Меньшевистская линия в революции	60
4. Теория "перманентной" революции	69

Глава III. Марксистская партия в действии

1. Перестройка партийных рядов	78
2. РСДРП и массовое движение	91
3. Марксисты и массовые демократические организации	104
4. Думская арена политического противостояния	117
5. Итоги и уроки революции	124

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Между двумя революциями (июнь 1907— февраль 1917)

Глава IV. Перегруппировка сил для продолжения борьбы

1. Россия на распутье: реформы или новая революция?	129
2. "Веховство"	136
3. Кризисная ситуация в РСДРП	144
4. Социал-демократия в условиях нового революционного подъема	160

Глава V. Испытание войной

1. Характер мировой войны и отношение к ней рабочих	186
2. Большевизм и война	190
3. Меньшевизм: проблемы войны, мира и революции	211
4. Назревание общенационального кризиса	219
5. Свержение самодержавия	229

Послесловие

233

К читателю

Едва ли в мировой практике найдется другая идеологическая доктрина, которая так круто переломила бы судьбу целых стран и народов, как это сделал в XX веке марксизм. И первыми этот опыт проделали в 1905—1917 гг. русские (точнее российские) марксисты. Этим и определяется научная и политическая значимость тех сюжетов, которые рассматриваются в настоящей книге.

Ее авторы не претендуют на глубокое философское осмысление теории и практики русского марксизма. Они представляют на суд читателя свое, неизбежно ограниченное и в чем-то субъективное, видение истории большевистской и меньшевистской фракций РСДРП на этапе их борьбы с царским самодержавием. В советской историографии ее освещение страдало, как известно, большой тенденциозностью: большевизм и ленинизм безмерно идеализировались, причем из их истории сознательно убиралось все негативное, что могло "исказить" светлый образ этих высших достижений социальной мысли и революционной практики, тогда как деятельность меньшевиков подвергалась всяческому очернительству и рассматривалась как цепь ошибок и заблуждений, как ярчайший пример социал-реформизма и злостной ревизии революционного марксизма. Стремление отойти от этих идеологических штампов и приблизиться к научной истине и побудило авторов взяться за настоящую работу.

При этом они отлично сознавали, что смогут выполнить данную задачу только частично, ибо для сколько-нибудь полного ее решения потребуются усилия многих историков, новые методологические подходы и тщательный анализ и непредвзятое прочтение огромного количества источников — материалов отечественных и зарубежных архивов, периодической печати, эпистолярной литературы, мемуаристики. Тем не менее авторы надеются, что проделанная ими работа будет определенным шагом вперед в намеченном ими направлении, а из таких шагов и складывается в конечном счете поступательное развитие исторической науки.

В основу данной книги положены прежде всего опубликованные источники, новейшая отечественная и зарубежная литература по истории российской социал-демократии, некоторые новые архивные материалы. Слабая разработка истории меньшевизма предопределила и соотношение соответствующих разделов книги, посвященных истории меньшевистского и большевистского течений, в пользу последнего. Кроме того, повышенное внимание авторов к истории большевизма объяснялось и необходимостью более глубоко разобраться в предыстории Октябрьской революции 1917 г., ставшей для России ключевым, а для всего мира — одним из важнейших событий XX века.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВИХРЬ НАД РОССИЕЙ (1905 —июнь 1907)

ГЛАВА 1. КРИЗИС ИМПЕРИИ

1. Кровавое воскресенье

В истории государств и народов бывают годы и даже дни, которые вслед за знаменитым русским поэтом Ф.И. Тютчевым можно назвать "роковыми" или, как теперь часто говорят, судьбоносными. Именно в такие моменты происходят резкие качественные сдвиги в социальной психологии и сознании масс, круто меняющие не только темп, но часто и само направление развития исторического процесса. К их числу, несомненно, относятся и кровавые события 9(22) января 1905 г., положившие начало первой российской революции.

В этот день в Петербурге войска расстреляли мирное шествие рабочих, направлявшихся с портретами царя и иконами к Зимнему дворцу, чтобы вручить Николаю II петицию об улучшении своего невыносимо тяжелого положения. "...Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук"*, — так говорилось в этом документе, который и сегодня трудно читать без волнения. И как знать: не прояви царь явно неуместного в этот драматический момент "спокойствия", не откажись он по оставшимся неясным причинам от встречи с рабочими, — может быть, последующие события в России выглядели бы совсем иначе. Ведь 9 января правительство в очередной раз упустило шанс отсрочить взрыв народного гнева и тем самым продлить время существования самодержавного режима.

Более чем стотысячная манифестация, в которой участвовали рабочие, их жены, дети, престарелые родители, была организована находившимся под покровительством полиции "Собранием русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга", созданным в феврале 1904 г. Характеризуя первоначальные цели этой организации, директор Департамента полиции А.А. Лопухин писал: "Собрание это имело целью предоставить своим членам возможность разумно и трезво проводить свободное от работ время, а также распространять среди рабочего населения, на нача-

*Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь-март 1905 г. М., 1955. С.28 (далее: Начало первой русской революции).

лах русского национального самосознания, просвещение и способствовать улучшению условий труда и жизни рабочих"*.

Члены "Собрания" — а их к концу 1904 г., по ориентировочным подсчетам, было уже около 10 тыс. человек — собирались для обсуждения своих нужд, устраивали лекции, концерты. У них были свои чайные, касса взаимопомощи, потребительская лавка. Однако постепенно у части рабочих обозначился поворот в сторону политики, что отнюдь не входило в планы властей и заметно изменило облик всего "Собрания".

Возглавлял эту организацию хитрый, изворотливый и по-своему талантливый 34-летний священник Георгий Гапон, который пытался служить одновременно и царским властям, и рабочим, но больше всего — собственному тщеславию. По сути своей это был азартный политический игрок, образ которого совершенно не укладывается в наши привычные представления о церковнослужителях, полицейских провокаторах и тем более о революционерах.

Гапона часто называют харизматическим лидером, т.е. человеком, пользующимся у своих последователей высочайшим авторитетом, основанным на исключительных качествах его личности — мудрости, аскетизме, способности принести себя в жертву интересам народа. Думается, что в подобных оценках есть немалая доля преувеличения, хотя Гапон, видимо, действительно обладал некоторыми экстрасенсорными качествами. Как явствует из мемуарных источников, рабочим и их женам нравилось, что во главе организации стоит красивый молодой священник, который просто и с неподдельным сочувствием говорит о жизни простых людей. Гапон был незаурядным проповедником и неплохим организатором, но никогда не отличался ни необходимой священнику высокой нравственностью, ни последовательностью и принципиальностью своих взглядов.

Выходец из зажиточной украинской крестьянской семьи, Гапон закончил сначала Полтавскую семинарию, а потом Духовную академию в Петербурге и в 1903 г. получил место священника при столичной пересыльной тюрьме, которое и занимал до 31 января 1905 г., когда после событий "Кровавого воскресенья" Синод лишил его сана. Еще в 1902 г. Гапон вошел в контакт с петербургской полицией, а затем близко познакомился и с С.В. Зубатовым — жандармским полковником, начальником особого отдела Департамента полиции, духовным отцом "полицейского социалиста" в России. Связи с полицией сохранялись у Гапона и после отставки Зубатова в 1903 г. На протяжении всего 1904 г. он регулярно брал в Департаменте полиции деньги на расширение и нормальное функционирование своей организации, хотя и возражал против прямого вмешательства властей в ее дела. При этом официально во главе "Собрания"

*Цит. по: Красная летопись. 1922. № 1. С. 330.

стояло правление, а четыре его члена (И. Васильев, бывшие социал-демократы Д. Кузин и А. Карелин, а также Н. Варнашев) составляли "штаб", или "тайный комитет", как выражался сам Гапон.

У этих рабочих вожakov складывались с Гапоном довольно сложные отношения. Они были настроены гораздо радикальнее своего "пастыря", с подозрением относились к его связям с полицией, предлагали ему полностью порвать с властями. В итоге Гапон оказался в очень щекотливом положении: он чувствовал, что рабочее движение становится неуправляемым и идет уже как бы помимо него, увлекая за собой все новые и новые массы столичных пролетариев. Поэтому, чтобы сохранить свой авторитет, Гапон вынужден был маневрировать, политизировать свою программу, делать ее все более и более радикальной, вести двойную игру уже не только с рабочими, но и с полицией.

Осенью 1904 г., когда в России заметно активизировалось земское либерально-оппозиционное движение и началась так называемая "банкетная кампания", в гапоновском "Собрании" тоже заговорили о составлении петиции к царю, где были бы намечены основные контуры экономических и политических реформ, отвечающих интересам рабочего класса. Скоро эта идея стала в деятельности "Собрания" доминирующей и дала новый, и притом довольно сильный, импульс процессу расширения его влияния на народные массы. Несмотря на то, что сам Гапон недолго любил интеллигенцию, он вынужден был вступить в контакт с некоторыми деятелями левого крыла либерального "Союза освобождения", отдельными социал-демократами и эсерами, которые помогали ему в составлении петиции.

В успехе Гапона сыграли свою роль многие факторы и, прежде всего, включение в движение не искушенных в политике масс пролетариата, еще не затронутых революционной пропагандой и веривших царю. Как ни значительны были успехи петербургских социал-демократов на рубеже веков, они смогли включить тогда в орбиту своего влияния лишь очень узкий слой рабочих, значительно обогнавших в своем развитии основную часть пролетариата. Пролетарская же масса шла в революцию своими, далеко не всегда прямыми путями, в том числе и через религию с ее проповедью равенства, братства и человеческого единения.

С другой стороны, гапоновская петиция, в которой громко прозвучали широкие общедемократические требования (в нее вошли и программа леволиберальных кругов из "Союза освобождения", и почти вся программа-минимум РСДРП), носила достаточно радикальный характер и могла привлечь к себе даже многих революционно настроенных рабочих. Текст петиции широко обсуждался на рабочих собраниях, причем в него было внесено много дополнений и уточнений. В итоге этот яркий, выдер-

жанный в духе церковной риторики документ представлял собой поразительную смесь смиренных просьб и почти ультимативных требований, адресованных правительству.

Среди рабочих "просьб", включенных в петицию, были:

1) "меры против невежества и бесправия русского народа" (предоставление гражданам России политической свободы; амнистия всем пострадавшим за политические и религиозные убеждения, участие в стачках и крестьянских волнениях; введение всеобщего, обязательного и бесплатного народного образования; созыв Учредительного собрания; установление ответственности министров перед народом; отделение церкви от государства и т.д.);

2) "меры против нищеты народной" (введение прогрессивного подоходного налога, отмена выкупных платежей, передача земли народу, прекращение войны по воле народа);

3) "меры против гнета капитала над трудом" (введение 8-часового рабочего дня и государственного страхования рабочих, право на создание профессиональных союзов и проведение стачек, повышение заработной платы, учреждение фабрично-заводских комиссий для разбора трудовых конфликтов с участием рабочих и т.п.).

"Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе, — заканчивали рабочие свою петицию. —...Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой, и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не поверишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее!"*

Таким образом, петиция отнюдь не была таким "безобидным" для царского правительства документом, как ее нередко изображали в прошлом в нашей исторической литературе. Кроме того, многие рабочие откровенно говорили, что не верят в царскую милость, но хотят испытать любую, даже самую призрачную возможность мирного решения конфликта, а в случае неудачи готовы будут идти даже на баррикады.

Следует подчеркнуть и еще один очень важный момент: событиям 9 января предшествовала по существу первая общегородская забастовка не менее 150 тыс. петербургских рабочих. Поводом к ней послужило довольно рядовое по тем временам событие — увольнение на Путиловском заводе четырех членов гапоновского "Собрания", но вскоре стачка приняла отчетливо выраженный антиправительственный характер. Если

* Начало первой русской революции. С.31.

учесть, что она происходила в разгар русско-японской войны, то ее политическая окраска станет еще более очевидной. В ход событий вмешались, хотя и с запозданием, Петербургский большевистский комитет и меньшевистская группа РСДРП, призвавшие рабочих расширить стачку и дополнить экономические требования бастующих политическими.

В последние дни перед 9 января Гапон фактически вырвался из-под контроля полиции и, чтобы соответствовать чрезвычайно импонировавшей ему роли народного вождя, вынужден был пойти гораздо дальше своих первоначальных планов.

Однако и в этой обстановке Гапон оставался верен себе, продолжая вести двойную игру. По свидетельству либерально-народнического литератора В.А. Поссе, беседовавшего с Гапоном в 1905 г., последний признался ему, что предвидел два возможных варианта развития событий: либо он уговорит царя пойти на уступки рабочим и станет первым советником Николая II, а фактически правителем России, либо возглавит народное восстание и превратится в нового, мужицкого царя*.

Характерно, что накануне 9 января царские власти отдали распоряжение об аресте зарвавшегося "проповедника", но было уже поздно.

Все попытки социал-демократов доказать бессмысленность и подозрительность затеи Гапона остались безрезультатными. Идея доверительного разговора между царем и его "детьми" — рабочими оказалась на какое то время сильнее революционных лозунгов. В этих условиях большевистский Петербургский комитет РСДРП 8 января 1905 г. выпустил листовку к солдатам, в которой призывал их не стрелять в рабочих и переходить на сторону народа. В тот же день ПК РСДРП издал еще одну листовку "Ко всем петербургским рабочим", где, в частности, говорилось: "Такой дешевой ценой, как одна петиция, хотя бы поданная попом от имени рабочих, свободу не покупают. Свобода покупается кровью, свобода завоеывается оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя, и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку — только таким путем можно завоевать свободу"**. Однако влияние большевиков на рабочую массу было тогда еще очень невелико, тем более что гапоновцы призывали не верить революционерам и рвать их листовки.

Одновременно видные представители демократической и либеральной интеллигенции пытались воздействовать на царских сановников, включая председателя Комитета министров С.Ю. Витте, и предупредить их о возможных последствиях расстрела рабочих. Однако они натолкну-

*См. Поссе В.А. Воспоминания. Пг., 1923. С. 48

**Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905-1907 гг.: Сб. в 3 ч. Ч.1, М., 1956. С.213.

лись на глухую стену непонимания и враждебности, а некоторые члены делегации, в том числе и А.М. Горький, подверглись после 9 января аресту.

Накануне шествия, 8 января, Гапон отправил в Царское село, куда выехала из столицы царская семья, письмо Николаю II, в котором предлагал ему прибыть 9 января в столицу и лично принять на Дворцовой площади петицию от рабочих. В противном случае, говорилось дальше в письме, "ты порвешь нравственную связь, существующую между тобой и твоим народом. Доверие, которое он питает к тебе, исчезнет. И на этом месте между тобой и народом прольется невинная кровь. Я, представитель рабочих, и мои мужественные товарищи — мы гарантируем неприкосновенность твоей личности"*.

Письмо с заверениями в полной личной безопасности царя было направлено в тот же день Гапоном и министру внутренних дел П.Д. Святополку-Мирскому.

Однако 9 января вместо монаршей милости рабочие получили пули и казацкие нагайки. Это была вполне сознательная акция властей (не случайно накануне "Кровавого воскресенья" Петербург превратился в настоящий военный лагерь), рассчитанная на то, чтобы запугать народ и отбить у него охоту к подобным выступлениям.

Корреспондент английской газеты "Daily Telegraph" Диллон вспоминал о разговоре, который произошел у него 9 января с одним из придворных. Англичанин спросил его, почему войска убивают безоружных рабочих и студентов? Придворный ответил: "Потому что гражданские законы отменены и действуют законы военные... Прошлой ночью его величество решил отстранить гражданскую власть и вручить заботу о поддержании общественного порядка великому князю Владимиру, который очень начитан в истории Французской революции и не допустит никаких безумных послаблений. Он не впадет в те ошибки, в которых были повинны многие приближенные Людовика XVI; он не обнаружит слабости. Он считает, что верным средством для излечения народа от конституционных затей является повешение сотни недовольных в присутствии их товарищей... Чтобы ни случилось, он будет укрощать мятежный дух толпы, даже если бы ему пришлось для этого послать против населения все войска, которыми он располагает"***.

Откровенно провокационный характер носили накануне 9 января и действия полиции, которая совершенно не препятствовала подготовке к манифестации, как бы поощряя рабочих к участию в шествии.

Все очевидцы кровавого побоища, устроенного царскими властями 9 января, единодушны в том, что шествие рабочих к Зимнему дворцу носило совершенно мирный характер. Петербургский корреспондент фран-

*Вперед. 1905. 31 (18) января.

**Цит. по: Красная летопись. 1922. № 1. С. 43.

цузской социалистической газеты "L'Humanite" писал: "Сказать, что манифестация 9 января была мирной, недостаточно. В ней было что-то наивное, душевное, религиозное, и в ней невольно видишь характерное и глубокое проявление русского народного духа"*. Тем не менее власти были поистине беспощадны, сочинив затем легенду о том, что рабочие первыми напали на воинские части. Все последующее, согласно этой версии, было логическим результатом "агрессивных" действий толпы.

Правительство пошло на сознательный подлог, сообщив в печати смехотворно заниженные данные о 96 убитых и 333 раненых, из которых затем умерли еще 34 человека. Точное количество жертв неизвестно, но по подсчетам петербургских журналистов, проводивших независимое расследование событий 9 января, число убитых и раненых составило в тот страшный день около 4600 человек. В газетах появлялись также сообщения о 1000-1200 убитых**. Так или иначе, это была страшная, кровавая трагедия. Среди погибших были старики, женщины, дети, заплатившие своей жизнью за веру в царя. Жертвами оказались и некоторые представители левых партий, включая социал-демократов, которые шли в колоннах вместе с рабочими или сопровождали шествие, считая своим нравственным долгом в трудный час быть вместе с народом.

Смятение и ужас быстро сменились у рабочих взрывом ненависти к палачам, желанием бороться. На Васильевском острове появились 12 баррикад. В ряде мест происходили стычки рабочих с войсками и полицией.

Сам Гапон, который шел во главе одной из рабочих колонн, в самом начале расстрела выбрался из толпы и скрылся. В полночь 9 января с помощью эсера П.М. Рутенберга он написал воззвание к рабочим, в котором клеймил "зверя-царя" и его министров, звал народ на баррикады, разрешал от имени церкви применять бомбы и динамит, освобождал солдат от присяги царю. Этот документ получил большой общественный резонанс. Он был перепечатан в ряде эмигрантских революционных периодических изданий и распространялся в виде листовки некоторыми социал-демократическими организациями***.

В январе-феврале 1905 г. за подписью Гапона, который вскоре после 9 января скрылся за границей и вступил там в контакт с лидерами русских революционных и оппозиционных партий, были изданы воззвания к рабочим, крестьянам и солдатам. В сотнях тысяч экземпляров они распрост-

*Цит. по: Красная летопись. 1922. № 1. С. 41.

**См. Там же. С. 5.

***См.: Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее РЦХИДНИ). Ф. 25. Оп. 1. Д. 112. Л. 93.

ранялись революционно-демократическими организациями, студенческой молодежью и интеллигенцией по всей стране.

Особенно большое воздействие на массы оказало воззвание Гапона "К петербургским рабочим и ко всему российскому пролетариату", опубликованное в социал-демократических и эсеровских газетах*. В нем содержался призыв к рабочим не падать духом и объединяться "без различия партий, веры и национальности" с учащейся молодежью, интеллигенцией, солдатами и крестьянами. Воззвание призывало рабочих взять на себя инициативу в подготовке вооруженного восстания — создавать боевые дружины, собирать средства на закупку оружия, тайно изготавливать его на заводах и в мастерских. Подготовка восстания должна была сопровождаться организацией массовых забастовок в городах, крестьянских выступлений в деревне, переходом солдат на сторону рабочих и крестьян. Целью вооруженного восстания, по мнению Гапона, было свержение самодержавия, создание временного революционного правительства, немедленное освобождение всех борцов за политические и религиозные убеждения, созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, передача земли крестьянам. В феврале 1905 г. Гапон обратился с новым письмом к Николаю II, предлагая ему добровольно отречься от престола и отдать себя на суд русскому народу.

19 января 1905 г. Николай II принял в Царском селе тщательно подобранную полицией "депутацию" от петербургских рабочих, причем император не нашел ничего лучшего, чем обвинить их в преступном, с его точки зрения, покушении на бунт против основ существующего строя. Царь откровенно заявил, что "стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это — неизбежно вызовет и неповинные жертвы". В заключение Николай лицемерно простил рабочим их "вину" и призвал вернуться к мирному труду. Коснувшись вопроса о тяжелом положении пролетариата, он признал, что "много надо улучшить и упорядочить", но добавил: имейте терпение, будьте справедливы к вашим хозяевам и считайтесь с теми условиями, в которых находится русская промышленность**. Содержание беседы царя с рабочими не оставляло сомнений в том, что отстаивать свои права пролетариат, как и весь народ, сможет лишь путем борьбы.

Российские марксисты, которые не вели за собой массы ни накануне событий 9 января, ни в день "Кровавого воскресенья", немедленно заполнили, однако, политический вакуум, образовавшийся после провала га-

*См.: Вперед. 1905. 21 (8) февраля; Искра. 1905. 10 февраля; Революционная Россия. 1905. 23 (10) февраля.

**См.: Правительство вестник. 1905. 20 января.

поновской затеи и его бегства за границу. Тот факт, что они с самого начала выступали против идеи обращения к царю, придавал им дополнительный авторитет в глазах рабочих и побуждал последних прислушаться теперь к советам революционеров. Между тем и большевики, и меньшевики расценили все происшедшее 9 января как начало демократической революции в России. Петербургским комитетом РСДРП было выпущено несколько листовок, носивших резко антиправительственный характер и призывавших рабочий класс и весь народ к открытой борьбе с преступным самодержавным строем, фактически развязавшим в стране гражданскую войну. Откликнулись на события в столице Московский, Тверской, Рижский, Самарский, Саратовский, Казанский, Бакинский, Одесский, Екатеринославский и другие комитеты РСДРП, выпустившие по этому поводу специальные прокламации. Не молчали также меньшевики и эсеры. Все они призывали рабочих к забастовкам протеста, к сплочению вокруг РСДРП и партии социалистов-революционеров.

Горячо и гневно осудила царские власти демократическая интеллигенция. А.М. Горький в воззвании "Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств" обвинил царизм в преднамеренном и бессмысленном убийстве множества ни в чем не повинных людей и заявил, что "далее подобный порядок не должен быть терпим". Он призвал народ к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием*. Открыто заявили о своем сочувствии народу писатели Л.Н. Толстой и В.Г. Короленко, ученый К.А. Тимирязев, композитор Н.А. Римский-Корсаков, художники В.А. Серов и В.Д. Поленов и многие другие представители творческой интеллигенции.

В издававшемся за границей либеральном журнале "Освобождение" появился ряд статей П.Б. Струве ("Палач народа", "Анархия самодержавия" и др.), где подчеркивалось, что Николай II стал врагом и палачом своего народа**. В высказываниях некоторых "освобожденцев" появились даже нотки сочувствия идее цареубийства. Так, в дневнике А.В. Тырковой имеется запись от 23 февраля 1905 г., где она откровенно выразила те чувства, которые охватили ее после "Кровавого воскресенья". "Убить его, — писала Тыркова, — убрать, чтобы не душил Россию окровавленными цепями***.

Драма 9 января дала богатый материал для размышлений о механизме подготовки народного взрыва, о соотношении стихийности, сознательности, организованности в историческом процессе, о роли в нем вождей,

*См.: Горький А.М. Собр.соч.: В 30 т. Т. 23. М., 1953. С.335-336.

**См.: Освобождение. 1905. № 64. С.233; № 66. С.259.

***Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф.629. Оп. 1.Д.16. Л.10.

партий, трудовых масс. Революция в России началась не штурмом Бастилии, как Великая французская, и не открытым восстанием народа, как германская 1848 г. Понадобилось почти двенадцать месяцев, чтобы в декабре 1905 г. события здесь дошли в ряде мест до точки кипения, причем и тогда многие "медвежьи уголки" страны еще продолжали спать беспробудным сном, наглядно демонстрируя тем самым колоссальную неравномерность в развитии исторического процесса. Основными очагами революции вслед за Петербургом стали сначала национальные районы страны, особенно западные, а потом уже центр России. При этом город вел за собой деревню и явно лидировал в процессе общественно-политического пробуждения народа.

Заметно сказывалось на ходе революции отсутствие в России парламентских учреждений и демократических свобод, в том числе свободы печати. Не выдвинула русская революция в 1905 г. и лидера общенационального масштаба: Гапон быстро сошел с политической сцены, вожди революционных партий находились в подполье или в эмиграции, а руководители либеральной оппозиции не пользовались популярностью в широких народных массах. Что касается политических партий, то они в основном еще находились в процессе становления и чаще всего отставали от хода общественно-политических процессов в стране. Довольно медленно шел в России и процесс организации масс по профессиональному признаку.

Особенно остро отставание субъективного фактора от стихийного хода событий ощущалось в начале революции.

События 9 января обнаружили гигантский запас социальной энергии пролетариата, с одной стороны, и явную недостаточность организации социал-демократов — с другой, что вынужден был признать и лидер большевиков В.И. Ленин*. Спустя годы, оглядываясь на пройденный путь, Н.К. Крупская честно напишет: в острые, переломные моменты развития рабочего движения "возможность руководства со стороны партии слабее. Разве наша партия руководила рабочей массой перед 9 января 1905 г., во время Февральской революции влияние партии тоже было невелико. Вопрос не в одних лозунгах, а в возможности их провести**.

И большевики, и меньшевики (они, кстати говоря, больше контактировали накануне 9 января с гапоновцами) сильно запоздали с реакцией на деятельность "Собрания русских фабрично--заводских рабочих", не выработали четкой оценки поведения Гапона и вначале не сумели противопоставить его лозунгам собственной программы конкретных действий, понятной рабочим. В докладе Петербургского комитета III съезду РСДРП

*См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.9. С.264.

**Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С.208.

отмечалось, что накануне 9 января столичная большевистская организация находилась "в крайне плачевном состоянии": среди членов городского комитета партии не было ни одного рабочего, связи с массами были нарушены, дело доходило до избивания рабочими партийных агитаторов и уничтожения листовок комитета*.

Столичные социал-демократы просмотрели рост гапоновских организаций, с большим запозданием увидели их превращение в своеобразные рабочие политические клубы. Подозрения о сотрудничестве Гапона с полицией, доходившие и у большевиков, и у меньшевиков до прямых обвинений его в провокаторстве, заслонили для них тот объективный факт, что Гапон, в отличие от марксистов, нашел путь к умам и сердцам простых рабочих. Когда же успех Гапона был осознан социал-демократами, то было уже поздно, тем более что силы обеих фракций РСДРП в значительной мере уходили не столько на работу в массах, сколько на ожесточенную борьбу друг с другом.

Первый бой за умы и сердца рабочих был социал-демократией фактически проигран. Разумеется, эта невыгодная для РСДРП ситуация отнюдь не носила необратимого характера. Но для того, чтобы поправить дело, социал-демократам необходимо было значительно расширить контакты с рабочими, лучше учитывать их социальную психологию, повседневные нужды и заботы. Появление на политическом горизонте такой фигуры, как Гапон, который прекрасно владел искусством общения с рядовыми рабочими и членами их семей, особенно с женщинами, ставило РСДРП перед необходимостью искать новые приемы агитационной работы, идти не только к наиболее грамотному, политизированному слою пролетариата, но и к недавним выходцам из деревни.

По иронии истории переломить настроение рабочей массы 9 января помог сам царь, пулями ответивший на мольбу рабочих о помощи. В итоге "гапонада" оказалась лишь проходным, кратковременным эпизодом в истории рабочего движения, прелюдией к революции. Рабочие, еще недавно не желавшие даже слушать революционных агитаторов, жадно ловили после 9 января каждое их слово**.

Рабочие, студенты, демократическая интеллигенция ответили на "Кровавое воскресенье" волной стачек, демонстраций, митингов, собраний.

Не останавливаясь подробно на международных откликах на события 9 января 1905 г., следует отметить, что реакция мировой общественности на этот варварский акт русского самодержавия носила очень бурный

*См.: Третий съезд РСДРП: Протоколы. Апрель-май 1905 г. М., 1959. С.544-545 (далее: Третий съезд РСДРП: Протоколы).

*См.: Третий съезд РСДРП: Протоколы. С.545.

характер. Митинги солидарности, сборы средств в фонд помощи жертвам "Кровавого воскресенья" и русским революционерам, демонстрации протеста у зданий царских посольств и миссий, собрания, многочисленные статьи в демократической и социалистической печати — таковы лишь наиболее яркие формы поддержки зарубежным пролетариатом и прогрессивной мировой общественностью начавшейся в России революции. В январе-феврале 1905 г. волна выступлений солидарности с русским народом прокатилась по Германии, Франции, Италии, Австро-Венгрии и многим другим странам.

"Кровавое воскресенье" всколыхнуло всю Россию.

Активно выступил пролетариат Польши, Прибалтики, Москвы, Украины, Поволжья. В Риге, Ревеле, Варшаве, Лодзи вновь пролилась кровь рабочих. Кривая забастовочного движения резко пошла вверх: в январе 1905 г., по далеко не полным официальным данным, бастовало более 440 тыс. рабочих (из них почти 60% по политическим мотивам), а в феврале — около 300 тыс. человек. Таким образом, общее количество бастующих за первые два месяца революции примерно на 200 тыс. человек превышало число участников забастовочного движения за предреволюционный период XX века (1901-1904 гг.). Особенно опасные для царизма очаги революционной борьбы возникли в начале 1905 г. в Петербурге, Царстве Польском, Прибалтике, на Украине. В активизации пролетариата национальных районов большую роль сыграли Социал-демократия Королевства Польского и Литвы, Польская социалистическая партия (ППС), Латышская социал-демократия, Бунд.

К рабочим стало присоединяться крестьянство, поднимавшееся на борьбу с помещиками. Пришли в движение национальные окраины. Оживалась либеральная оппозиция.

В России началась первая в ее истории народная революция.

2. Как Россия пришла к революции

В наши дни нередко можно услышать мнение о том, что все три российских революции — это своего рода страшное наваждение, "бесовщина", результат безответственных деструктивных действий революционеров, в первую очередь марксистов-большевиков, бездумно раскачавших великий государственный корабль и выпустивших из бутылки поистине страшного Джина — зависть, злобу и мелкие амбиции миллионов темных, находящихся во власти низменных инстинктов людей. Но при этом как бы остается в тени многовековая предыстория революционных катаклизмов, тот поистине страшный раскол, который стал системообразующим фактором всей нашей общественной жизни задолго до появления революционных и социалистических учений. Конфликт между об-

ществом и государством, народом и властью, богатством и бедностью, городом и деревней, центром и окраинами — все эти явления, присущие в той или иной мере, на том или ином этапе исторического развития едва ли не всем цивилизованным странам, приобрел в России такую остроту и привел к таким последствиям, для которых трудно подыскать аналогии во всемирной истории.

Вот почему, говоря о первой из российских революций, мы не можем не начать с краткой характеристики тех социально-экономических, политических и духовных процессов, результатом которых она стала. Ибо не будь этой объективной, "заминированной" разного рода противоречиями почвы, никакие революционеры не смогли бы поднять на дыбы огромную многонациональную страну.

В начале XX века в России уже достаточно отчетливо обозначился тот всеобъемлющий "кризис империи", всех ее экономических, социальных, политических, национальных и идеологических структур и институтов, который в 1917 г. привел старый императорский режим к краху. Важным промежуточным этапом на этом драматическом пути стал великий кризис 1905-1907 гг., от которого Россию не спасли ни реформы 60-70-х годов XIX в., ни реформаторские начинания Витте 1890-х и начала 1900-х годов.

Накануне революции в нашей стране были представлены самые разные ступени социального развития — от патриархальной общины до капиталистических монополий, все стадии общественного производства — от самых примитивных его форм до высших достижений машинной техники. Таким образом, Россия напоминала мифологического кентавра: его головой была современная индустрия, банки, железные дороги, туловищем — отсталая, унаследованная от средневековья, забитая деревня. Это была страна поистине разительных контрастов, где причудливо соединялись сказочная роскошь знати и кричащая нищета масс, неграмотность большинства народа и выдающийся вклад российской интеллигенции в мировую культуру, имперские претензии правящих "верхов" и прогрессирующее разложение старого механизма власти, стремление угнаться за новейшими достижениями западного прогресса и восточная неподвижность.

Острое малоземелье, сословная неполноправность и разорение крестьянства превращали деревню в очаг постоянного социального возбуждения, чреватого мощным социальным взрывом. Большинство крестьян находилось на грани голодного существования, поскольку для обеспечения прожиточного минимума обычной крестьянской семье требовалось примерно вдвое больше, чем фактически приходилось в среднем на одно мужицкое хозяйство. Бедняки составляли в России половину общего чис-

ла крестьянских дворов, а середняки — лишь около 30%. В 1900 г. в европейской части страны насчитывалось около 30 млн. "избыточных" рабочих рук, не находивших применения в деревне. И хотя "черный передел" помещичьих имений между крестьянами сам по себе не мог сделать российскую деревню сытой и процветающей, в глазах мужиков он был самым желанным и, как им казалось, справедливым выходом из сложившейся ситуации.

Росли также противоречия между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией. Жизненный уровень рабочих в России был намного ниже, чем в развитых западных странах. По оценке специалистов, хуже рабочих жила в России лишь крестьянская беднота. В итоге рабочий вопрос стал в стране одной из самых больных проблем общенационального масштаба.

Кроме того, социальный гнет тесно переплетался в России с национальным. В огромной империи проживало в общей сложности более ста наций и народностей, причем население национальных районов страдало не только от местных угнетателей, но и от русских чиновников, помещиков и капиталистов. Нищета и бесправие были уделом и самого русского народа, составлявшего 43% населения страны. Заметно ускорившийся во второй половине XIX века процесс национальной консолидации различных народов Российской империи сопровождался интенсивным ростом их национального самосознания, что вело к обостренному восприятию любых проявлений этнической и религиозной дискриминации и гнета. Поэтому разного рода движения на национальной почве стали неотъемлемой составной частью складывавшегося в России в начале 900-х годов нового всеобъемлющего политического кризиса.

Тем не менее самодержавие упорно не хотело идти ни на какие серьезные уступки народу. В России отсутствовали элементарные демократические свободы, социальное неравенство дополнялось сословным, власть царя оставалась практически неограниченной.

Сильно продвинувшийся вперед в 60-70-х годах XIX в. процесс модернизации России в дальнейшем замедлился, явно отставая от бурного роста социальных противоречий в стране. Это грозило ей дальнейшим отставанием от Запада, полным падением авторитета самодержавной власти в глазах народа, усилением поляризации нищеты и богатства, национальным сепаратизмом, а в перспективе и распадом империи. Новый импульс процесс модернизации мог получить в начале XX века в России либо от самой власти (радикальная либерализация политического режима и полный простор рыночной экономики в городе и деревне), либо от народной революции "снизу".

Независимо от того, рассматриваем ли мы события 1905-1907 гг. в России в рамках старого, формационно-классового подхода как ликвида-

цию пережитков феодализма или нового, цивилизационного как смену доиндустриальной цивилизации индустриальной, как борьбу западного и восточного начала в процессе развития нашей страны, ясно одно: без основательной общенациональной встряски и обновления стране было не обойтись. Проблема "революция или реформа?", пожалуй впервые заявила о себе в России так грозно, властно и альтернативно. При этом и сама революция, как подсказывал опыт всемирной истории и анализ самой российской действительности, могли пойти и по более радикальному, "французскому", и по более умеренному, "немецкому", пути, т.е. закончиться или победой демократических сил и установлением республиканского строя, или верхушечным компромиссом между старой властью и буржуазией при некотором улучшении положения трудящихся масс в рамках парламентарного или скорее квазипарламентарного "конституционного самодержавия".

Наличие этого "всера альтернатив" в той или иной мере осознавали и наиболее дальновидные представители правящего дворянского класса, и идеологи либеральной буржуазии, и революционеры. Во многом способствовала этому и русско-японская война 1904-1905 гг., которая показала всю гнилость самодержавного режима и бездарность его руководителей. Они безответственно пошли на обострение отношений с Японией, полагая, что маленькая победоносная война станет реальной альтернативой назревающей революции и укрепит позиции царизма. Однако в реальной действительности все вышло по-иному: поражения русской армии и флота в Порт-Артуре, на полях Маньчжурии и у Цусимы стали вехами политического пробуждения народных масс и углубления кризиса "верхов". Правда, на первых порах русско-японская война сбила пламя открытой революционной борьбы, однако в конечном счете, она ускорила процесс перерастания революционной ситуации 1901-1904 гг. в первую в истории России революцию.

Часто задают вопрос: была ли в начале XX в. революция в России неизбежной? Ведь обошлись же без революционных потрясений Скандинавские страны, Канада, Индия, Япония, Австралия. Да и в самой России два острейших политических кризиса на рубеже 50-60-х и 70-80-х гг. XIX века не вылились, как известно, в революцию. Надо сказать, что во второй половине прошлого столетия царизм еще имел исторический шанс на проведение таких крупномасштабных структурных реформ, которые могли бы предотвратить события 1905 г. Есть основания полагать, что "увенчание" земской реформы 1864 г. созданием в России представительного законодательного учреждения типа Государственной думы и радикальная аграрная реформа по образцу столыпинских преобразований, проведенная на несколько десятилетий раньше, чем это произошло в

действительности, могли бы существенно видоизменить ход отечественной истории. Однако ее опыт свидетельствует о том, что российские самодержцы шли на серьезные реформы только под давлением чрезвычайных обстоятельств — крупных военных поражений или мощных народных восстаний, поскольку такой важный фактор модернизации существующего строя, как либерально-оппозиционное движение буржуазии в России действовал очень слабо. Сравнительно благополучная для царизма ситуация, сложившаяся в первые пореформенные десятилетия, привела к тому, что на рубеже XIX–XX вв. реформаторские тенденции оказались в России заглушенными. Царизм хронически запаздывал с проведением необходимых преобразований, особенно политических. Достаточно вспомнить царский указ от 12 декабря 1904 г. (до "Кровавого воскресенья" оставалось меньше месяца!), где в очень туманных выражениях было обещано уравнивать крестьян в правах с другими сословиями; ввести государственное страхование рабочих; пересмотреть законодательство о раскольниках и евреях и т.д. Однако ни о земле, ни о парламенте, ни о конституции — а это были ключевые проблемы русской жизни — в указе не говорилось ни слова. Вот почему естественно напрашивается вывод о том, что начавшаяся в январе 1905 г. революция была в известном смысле наказанием за косность, неповоротливость и эгоизм правящих российских "верхов".

С другой стороны, в условиях резкого обострения всех социальных противоречий, революционная идея обрела в России прочную социальную базу в лице пролетариата, деревенской бедноты и главное — радикально настроенной демократической интеллигенции. Времена, когда народники тщетно пытались побороть апатию и царистские иллюзии крестьян, остались позади. Теперь, в начале XX века почва для революции в России была уже достаточно подготовлена, и "Кровавое воскресенье" стало последней каплей, переполнившей чашу народного терпения.

Но прогнозировать дальнейший ход событий было довольно трудно. В самом деле, будет ли правительство действовать только силовыми методами или им спешно будет запущен механизм реформ? Как поведут себя либералы? Соединится ли революция в городе с революцией в деревне? Ответ на эти и многие другие вопросы могла дать только практика политической борьбы.

С одной стороны, многое говорило в пользу предположения о том, что революция в России, как и Великая французская революция конца XVIII века, будет развиваться по восходящей линии: слишком велик был запас озлобления и агрессивности в рабоче-крестьянских массах, слишком велико недоверие всего общества к властным структурам, слишком неблагоприятно складывалась для правительства внешнеполитическая и фи-

нансовая ситуация. Далеко идущие последствия могло иметь и наличие в России двух весьма энергичных и дееспособных политических организаций — революционной марксистской партии и партии эсеров. Кроме того, против царизма легко могло обернуться и наличие крупных очагов напряженности в национальных районах Российской империи.

Вместе с тем приходилось считаться с тем, что царизм был пока еще достаточно силен, а российская буржуазия не заинтересована в решительной победе революции над старым порядком. Неизбежно должны были дать знать о себе социальная и национальная неоднородность демократических сил, острое соперничество между различными революционными организациями, недостаточная политическая культура масс и многие другие факторы. Неясно было также, какими темпами пойдет демократическое и социалистическое движение в других странах.

Сейчас, в исторической ретроспекции, наиболее вероятным исходом революции 1905-1907 гг. представляется частичная модернизация царского режима и его дальнейшая постепенная эволюция в сторону буржуазной монархии. Но это отнюдь не означает, что в 1905 г. силы демократии не имели в России никаких шансов на успех. Ведь налицо была крайне сложная, обоюдоострая для противоборствующих сторон ситуация, исход которой во многом зависел от действия субъективных, социально-психологических факторов, в том числе от степени контакта различных политических партий и их вождей с массами.

В 1905-1907 гг. перед Россией не стояла задача ликвидации капитализма, так как для этого здесь не было ни объективных, ни субъективных предпосылок. Наоборот, речь шла о том, чтобы расчистить завалы, оставшиеся от крепостной эпохи, и создать условия для беспрепятственного развития буржуазных отношений в городе и особенно в деревне. Революция была призвана покончить с военно-полицейским деспотизмом, дать крестьянам землю, положить конец не нужной народу войне, существенно поднять жизненный уровень трудящихся, предоставить им политические права и определенные социальные гарантии. Что из этого вышло, мы увидим ниже.

3. Расстановка сил на арене политической борьбы

Во многом повторяя принципиальную схему развития предшествующих буржуазных революций на Западе, первая российская революция 1905-1907 гг. имела и целый ряд типологических особенностей. Будучи по своему объективному содержанию поздней буржуазной революцией, она несла на себе отпечаток новой исторической эпохи, в которой рождалась революционная Россия, и ряд специфических черт в социально-политическом облике самой этой страны (более высокий, чем в XVII -

первой половине XIX в. на Западе, уровень развития промышленного капитализма, несравненно более мощное и организационно оформленное рабочее движение, возможность соединить его с массовыми движениями в деревне и в национальных районах страны, а также с антиправительственными выступлениями в вооруженных силах, радикализм и социалистические устремления значительной части интеллигенции, наличие достаточно широкого социалистического движения в Западной Европе и т.д.).

Этим во многом объяснялась и новая расстановка социально-политических сил в стране. В России были налицо три (а не два, как в более ранних буржуазных революциях на Западе) политических блока: правительственный, либерально-монархический и революционно-демократический, причем два первых, несмотря на взаимную борьбу, стремились к соглашению и единению общества. Границы между ними были достаточно прозрачными, каждый блок имел сложную внутреннюю структуру и не был чем-то однородным, но сам факт их противостояния не подлежит ни малейшему сомнению.

Во главе правительственного блока, стремившегося к сохранению существующего строя при некоторой его модернизации путем умеренных реформ, стояли царь, верхушка бюрократии, офицерского корпуса и высшие иерархи церкви. Они опирались на крупное помещичье и удельное землевладение, мощный государственный сектор в экономике страны (казенные заводы, железные дороги и т.д.), армию, полицию, чиновничество, духовенство. Умело использовались при этом и такие факторы, как вековые царистские иллюзии народных масс, прежде всего крестьянства, их религиозность, политическая темнота и даже такая черта русского национального характера, как удивительное терпение народа.

Основной социальной опорой самодержавия было дворянство, которое, несмотря на заметное ослабление его экономических позиций, продолжало играть роль "первого сословия" и постоянно пополнялось за счет наиболее способных и усердных чиновников и офицеров. Составляя лишь 1,5% населения империи, потомственные и личные дворяне распоряжались почти двумя третями всех частновладельческих земель европейской России. Кроме того, они получали немалые доходы от своей предпринимательской деятельности. Дворянство занимало все высшие бюрократические посты, доминировало на военной и дипломатической службе, в системе высшего образования. Только небольшая часть дворянского сословия пополняла ряды освободительного движения, вступая в либеральные или революционные организации.

При всей своей экономической и политической мощи правительственный блок отнюдь не был каким-то монолитом. Внутри него шла подчас

очень острая борьба различных групп и течений, что свидетельствовало о неспособности правящих "верхов" выработать единый социально-политический курс, адекватный назревшим потребностям страны. При этом правое крыло консерваторов не хотело идти ни на какие уступки и старалось блокировать все попытки реформ, выступая за неограниченное самодержавие и беспощадное подавление революционных выступлений и либеральной оппозиции, что вполне соответствовало убеждениям последнего русского царя Николая II.

Вместе с тем в правительственном лагере были и либеральные бюрократы, стремившиеся расширить и укрепить социальную базу монархии, добиться союза дворянства с верхами торгово-промышленной буржуазии и осуществить комплекс мероприятий, отвечающих объективно назревшим потребностям экономического развития России. Наиболее крупным государственным деятелем этого типа на рубеже XIX и XX вв. был С.Ю. Витте, возглавлявший в 1905 - начале 1906 г. царское правительство. Он вошел в историю прежде всего как инициатор и активный проводник ряда крупных экономических преобразований (капиталистическая индустриализация страны, привлечение в Россию иностранного капитала, интенсивное железнодорожное строительство, упорядочение финансов и переход к твердо обеспеченному золотом рублю). Умный и изворотливый политик, Витте соединял в себе крупного сановника, дельца и финансиста, дипломата (на его долю выпало заключение в августе 1905 г. мирного договора с Японией). Известен он и покровительством торгово-промышленным кругам, заигрыванием с либералами, крупной личной ролью в подготовке конституционного манифеста 17 октября 1905 г. Однако до конца своих дней Витте оставался убежденным монархистом и врагом революции, борьбу с которой он считал своей важнейшей задачей.

В апреле 1906 г. Витте был заменен на посту Председателя Совета Министров И.Л. Горемыкиным, а в июле 1906 г. правительство возглавил П.А. Столыпин, сохранивший при этом и портфель министра внутренних дел. Он был представителем крупного местного провинциального дворянства, получил университетское образование, занимал до перевода в столицу пост саратовского губернатора. Столыпин был сторонником жесткого политического курса, направленного на борьбу с революцией, но выступал против возврата к неограниченному самодержавию и являлся сторонником постепенной модернизации государственного, общественного и экономического строя России при максимально возможном соблюдении интересов дворян-помещиков. Огромная энергия и твердая воля Столыпина, его незаурядный административный талант во многом помогли царскому режиму в кризисной ситуации 1905-1907 гг.

Революция углубила раскол в правительственных сферах, внесла дезорганизацию в функционирование государственного механизма, который, не выдержав "перегрузок" революции, все чаще и чаще давал сбой.

Царский режим в буквальном смысле слова лихорадило. Николай II и его правительство бросались из одной крайности в другую: они то усиливали репрессии, то несколько ослабляли вожжи и шли на некоторые уступки народу. При этом амплитуда колебаний в правительственных кругах прямо зависела от силы натиска революционных сил: чем сильнее было движение народных масс, тем больше вынужден был идти на уступки царизм. И наоборот, стоило народу несколько ослабить свой напор, как правительство сразу же шло на попятную, свертывая и без того ограниченные реформы. Осуществляя свои маневры, царизм вынужден был все время оглядываться на правые круги дворянства, в первую очередь на крупных помещиков-латифундистов, которые не хотели уступать свои привилегии. Особенно консервативную роль играл созданный в 1906 г. Совет объединенного дворянства во главе с крупнейшим землевладельцем графом А.А. Бобринским.

Революция вызвала консолидацию правых сил. В 1905 г. возникла довольно разветвленная сеть монархических партий и организаций, названия которых говорят сами за себя: Союз русских людей, Русская монархическая партия, Общество активной борьбы с революцией, Народно-монархическая партия, Союз русских православных людей, Союз русского народа и т.д. Все они ставили своей задачей защиту неурезанной самодержавной власти, частной собственности, "единой и неделимой" России и православной церкви от революционеров, либералов и "иностранцев", в первую очередь евреев.

Лидерами ультрамонархистского или черносотенного, по терминологии того времени, движения были доктор медицины А.И. Дубровин, крупный бессарабский помещик В.М. Пуришкевич, курский помещик Н.Е. Марков и др. Крайне правые организации пользовались покровительством царя и высших иерархов церкви, ведущие позиции в их руководящих органах занимали дворяне. К концу 1907 г. правые организации, прежде всего Союз русского народа, действовали в 66 губерниях и областях, а общая численность их членов превышала 400 тыс. человек*. Столь значительная по тем временам цифра объяснялась рядом причин: огульной записью в правые организации целых сел и деревень, "покупкой" членов за определенное вознаграждение и разного рода льготы и т.д. Для привлечения в свои ряды крестьян, мелких ремесленников, торговцев, рабочих черносотенцы использовали социальную демагогию, спекулировали на патриотических чувствах, разжигали национализм. Так, напри-

*См.: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М., 1992. С.108.

мер, Союз русского народа выступал за государственное страхование рабочих, сокращение продолжительности рабочего дня, распространение дешевого кредита, требовал увеличения помощи крестьянам-переселенцам.

Получая щедрые подачки из специально созданного правительством фонда, Союз русского народа развернул довольно широкую агитационно-пропагандистскую работу в массах. Миллионными тиражами издавались черносотенные брошюры, листки, прокламации, газеты, призывавшие искоренять "злые силы" в лице интеллигенции, срывать митинги и забастовки, устраивать патриотические манифестации. В широких масштабах осуществлялась и погромная деятельность. По далеко не полным данным, только за 2-3 недели после издания манифеста 17 октября, в котором правые силы видели унижение царя и подлинное национальное бедствие, они убили до 4 тыс. и ранили и изувечили более 10 тыс. человек**. Однако своими зверствами члены Союза русского народа не столько укрепляли, сколько дискредитировали царский режим, рассеивая монархические иллюзии у тех, кто еще сохранял веру в царя.

В целом правительственный блок представлял собой в период революции еще достаточно серьезную силу, далеко не исчерпавшую резервы для социального и политического маневрирования. Самодержавный режим не хотел сдаваться без боя, используя для самозащиты не только грубую военно-полицейскую силу, но и средства идеологического воздействия на массы, отдельные реформы и помощь международного финансового капитала, который весной 1906 г. предоставил России крупный заем на сумму около 850 млн. руб.

Оппозиционный самодержавию либеральный блок тоже отличался пестротой своего состава и расплывчатостью границ: его правое крыло во многом сближалось с реформаторами из правительственных кругов, а левое — с более умеренными элементами демократических слоев, нередко отдавая при этом дань увлечения народническим и даже абстрактно-социалистическим идеалам. Понятие "либеральная" и "деловая" буржуазия в России далеко не совпадали. До начала революции абсолютное большинство представителей торгово-промышленных кругов стояло на сугубо верноподданнических позициях и демонстративно уклонялось от политической деятельности. 1905 год стал для них в этом отношении переломным. Однако даже в то время российский деловой мир не отличался особым радикализмом, явно отставая в своей оппозиционности от группировавшихся вокруг земств либерально настроенных помещиков и особенно от интеллигенции, которая шла в авангарде оппозиционного движения и наиболее полно выражала широкопонятые интересы буржуа-

*Обнинский В. Полгода русской революции: Сб. материалов к истории русской революции (октябрь 1905 - апрель 1906 гг.). Вып. 1. М., 1906. С. 42.

зии в целом. Опирались либералы и на часть средних слоев городского населения, небольшие группы крестьян и рабочих.

Теоретики российского либерализма рассматривали революцию 1905-1907 гг. в основном как повторение той борьбы с абсолютизмом, которую пришлось в свое время вести на Западе "третьему сословию". Поэтому они делали акцент на общенациональном характере освободительного, анти-абсолютистского движения независимо от социальной, национальной и партийной принадлежности его участников. Цель этого движения либералы видели в замене самодержавия правовым государством в форме конституционной монархии. Они воспринимали революцию как трагический результат неадекватности "верхов" и необузданных желаний "низов" и отвергали насильственные методы политической борьбы, делая ставку на силу общественного мнения, закулисные маневры в правительственных сферах и парламентские комбинации.

Позиция либералов на протяжении революционного периода не оставалась неизменной. До осени 1905 г. они сначала "розовели" и даже "краснели", а затем началось попятное движение вправо. Так, в начале декабря П.Б. Струве призывал в журнале "Полярная звезда" бороться на два фронта — с бюрократией и "сектантской партийностью", подчеркивая необходимость компромисса "между разными классовыми и племенными элементами нации" и "между согласившейся в себе нацией и монархией"*.

Против крайностей революции предостерегал и близкий в то время к либералам философ Николай Бердяев, предупреждавший, что вандализм старой, официальной России порождает в свою очередь вандализм революции, что "в революционном якобинстве всегда... узнается дух политического самодержавия и деспотизма", что в социальный бунт всегда вплетаются "хамские чувства"**.

Тем не менее, несмотря на постепенное сползание либерализма вправо, он все же оставался составной частью освободительного движения, в котором всегда было реформистское крыло. При этом оппозиционные выступления либералов в конечном счете ослабляли старый режим и способствовали политическому пробуждению народа, хотя одновременно те же либералы сознательно тормозили этот процесс.

Революция резко ускорила организационное оформление либеральных сил, с одной стороны, и их внутреннее размежевание — с другой. К концу 1905 г. в России возник целый ряд либеральных партий: конституционно-демократическая (кадеты), Союз 17 октября (октябристы), демократических реформ, торгово-промышленная, правового порядка и др. При этом особенно большую роль играли кадеты и октябристы, стоявшие

*Полярная звезда. 1905. № 1. С.17.

**Полярная звезда. 1905. № 2. С.147.

соответственно на левом и правом флангах либерально-монархических сил.

Создание партий кадетов и октябристов совпало с периодом высшего подъема революции. Их предшественниками были две родственные либеральные организации — "Союз освобождения" и "Союз земцев-конституционалистов", возникшие еще в 1904 г. Конституционно-демократическая партия (в 1906 г. к ее основному названию было добавлено: партия народной свободы) организационно оформилась в октябре, а Союз 17 октября — в ноябре 1905 г. Но основная масса кадетских и октябристских организаций возникла в период избирательной кампании в I Думу, в январе-апреле 1906 г. Общая численность кадетов доходила до 70 тыс., а октябристов — до 75-77 тыс. членов*.

Подавляющее число кадетских и октябристских организаций было сосредоточено на территории Европейской России. В национальных районах местная буржуазия и либерально настроенная интеллигенция создавали собственные партии и союзы (Украинская радикально-демократическая партия, Латышская демократическая партия, Эстонская народная партия прогрессистов, Литовская христианско-демократическая партия, Союз равноправия евреев, Мусульманский союз и др.). Несмотря на некоторые расхождения с русскими либералами по национальному вопросу, эти партии были единодушны с ними в стремлении к сдерживанию революции и соглашению с царизмом.

В партию кадетов вошел прежде всего цвет дворянской либерально-демократической интеллигенции, которая преобладала и в кадетском ЦК, а также часть помещиков и зажиточных средних городских слоев. Ведущую роль в партии в период революции играли: председатель ЦК, владелец 6 тыс. десятин земли, аристократ — рюрикович князь П.Д. Долгоруков, товарищ председателя ЦК профессор В.Д. Набоков, будущий всемирно известный ученый профессор В.И. Вернадский, популярные адвокаты М.М. Винавер и В.А. Маклаков, видный земский деятель И.И. Петрункевич, владелец 3 тыс. десятин земли Ф.И. Родичев, бывший "легальный марксист" П.Б. Струве, князь Д.И. Шаховской и др. Главным теоретиком и тактиком кадетской партии был талантливый историк, ученик Ключевского П.Н. Милюков. Вместе с тем в низовые кадетские организации входило довольно много служащих, учителей, приказчиков. Были среди сторонников партии народной свободы отдельные крестьяне и рабочие. Социальную основу партии октябристов составляли крупные торгово-промышленные и финансовые дельцы, перестраивавшие свои хозяйства на рыночные отношения помещики, интеллигенция. Именно к

*См.: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С.94, 109.

этим кругам принадлежали все 33 основателя Союза 17 октября. Председателем ЦК октябристской партии являлся сначала крупный землевладелец, действительный статский советник, земский деятель Д.Н. Шипов, а затем управляющий правлением Московского учетного банка, директор правления страхового общества "Россия" А.И. Гучков. Видными деятелями партии были также крупный землевладелец, будущий председатель III и IV Государственных дум М.В. Родзянко, известный адвокат Ф.Н. Плевако, московский банкир Г.А. Крестовников, фабрикант В.П. Рябушинский и др. Вместе с тем в рядах октябристов было довольно много высокооплачиваемых торгово-промышленных служащих, чиновников самых разных рангов, отставных военных. Этому способствовало и то, что в отличие от кадетов, которые оставались официально не легализованными, октябристы действовали на вполне законных основаниях.

Программы кадетов и октябристов представляли собой два различных варианта реформистского решения коренных вопросов российской действительности. Более радикальный кадетский вариант наиболее полно и последовательно выражал и защищал интересы буржуазного прогресса. Октябристский вариант, во многом совпадавший с правительственным курсом Столыпина, носил более консервативный характер и отражал интересы тех состоятельных слоев помещиков и представителей делового мира, которые были заинтересованы в проведении умеренных реформ в рамках программы, намеченной в манифесте 17 октября. Оба варианта отличались друг от друга глубиной и темпами предлагаемых политических и социальных преобразований, но служили в конечном счете одной цели — утверждению и развитию российского капитализма.

Политическим идеалом кадетов была парламентарная конституционная монархия английского типа. Они выступали за введение в России демократических свобод и строгое соблюдение прав личности, требовали создания ответственного перед Государственной думой правительства, всеобщего избирательного права, реформы местного самоуправления и суда. В кадетской публицистике периода революции можно найти много красивых слов о равенстве всех граждан перед законом, неприкосновенности их жизни, личности и жилища, свободе совести, печати, собраний. Для рабочих кадеты требовали 8-часового рабочего дня, права на стачки, свободы профессиональной организации. Именно кадеты создали применительно к России ту модель правового государства, которая до сих пор остается только идеалом*. Однако предложить реальный путь к достижению этого идеала в самодержавной России кадеты не могли, как не могли они и гарантировать подлинное равноправие граждан в условиях капита-

* См., например, разработанный С.Л. Франком "Учредительный закон о вечных и неотъемлемых правах российских граждан" //Родина. 1989. N 6. С.10

лизма. Тем не менее при всей утопичности кадетских планов, рассчитанных на мирное соглашение народа с царской властью, прогрессивное значение их бесспорно.

Вместе с тем в программе кадетов было довольно много различных оговорок, которые шли вразрез с последовательным демократизмом. Будучи сторонниками унитарного государства, они не признавали права национальных меньшинств на отделение от Российской империи, ограничивались лозунгом их культурно-национального самоопределения (использование национальных языков в школе, суде и т.д.) и только в отдельных случаях допускали областную автономию. Половинчатостью отличалась и аграрная программа кадетской партии (отчуждение части помещичьих земель за выкуп), продиктованная стремлением всячески оградить интересы помещиков, но в то же время и как-то успокоить разбушевавшихся крестьян.

Что касается октябристов, то их программа носила ярко выраженный консервативно-либеральный характер. Они отстаивали принцип наследственной конституционной монархии, выступали за введение имущественного и образовательного цензов, а также ценза оседлости при выборах в Думу, органы местного самоуправления и суда, были решительными противниками национальной автономии (за исключением Финляндии), признавали свободу стачек лишь в тех отраслях производства, которые не имели "государственного и общественного характера" и т.д.

В период революции кадеты, а отчасти и октябристы вели активную агитационно-пропагандистскую деятельность в массах. В конце 1905 - начале 1906 гг. выходило до 70 газет кадетского направления. Октябристы в 1906 г. издавали более 50 газет. Огромными тиражами печатались агитационные брошюры и листовки этих партий. Широкие размеры приобрела и устная пропаганда, которую вела кадетская партия в крупных городах, особенно в период кампаний по выборам в Думу.

Правительственным и либеральным кругам, связанным между собой многими экономическими, социальными и политическими нитями и вместе с тем находившимися в России в состоянии постоянной конфронтации, противостоял потенциально очень мощный, но крайне пестрый по составу блок демократических сил, насчитывавший более 100 миллионов человек. Ведущие позиции в нем занимал рабочий класс — главная движущая сила революции. Общая его численность превышала в начале XX в. 14 млн. человек, из которых на долю фабрично-заводских, горных и транспортных рабочих (индустриальный пролетариат) приходилось более 3 млн. человек. Несмотря на значительные различия в уровне профессиональной подготовки и культуры отдельных слоев рабочих, их материальном положении, степени организованности и политических взглядах, что

неизбежно сказывалось и на ходе массового пролетарского движения, можно с полным основанием считать, что в общем и целом рабочий класс России отличался очень высоким уровнем революционности. Для пролетарских масс нашей страны не были характерны реформистские и националистические настроения, классовый эгоизм, равнодушие к судьбам своей страны. Сильно развитое чувство социальной справедливости, интернационализм, способность откликаться на нужды других слоев трудящихся и защищать их интересы, тяга к организации, активная жизненная позиция — вот наиболее характерные черты политически сознательной части российского пролетариата, которая росла и набирала силу с каждым новым месяцем революции.

Разумеется, у нас нет оснований идеализировать российский пролетариат, который нес на себе отпечаток всеобщей забитости и темноты, присущих многомиллионным трудящимся массам России на рубеже XIX и XX веков. Не будем забывать, что даже в бурном 1905 г. было немало рабочих, не участвовавших в забастовочном движении и поставлявших кадры для ультраправых, черносотенных организаций. Однако по большому историческому счету рабочий класс России оправдал в 1905 г. надежды революционеров, а не их политических противников.

Очень активно выступало в начавшейся демократической революции и почти 100-миллионное российское крестьянство, все слои которого, в том числе и самые зажиточные, были сторонниками лозунга "Земли и воли!"

В России была налицо тесная генетическая связь городских рабочих и крестьян, несомненно облегчавшая решение поставленной еще в середине XIX в. Марксом задачи: дополнить борьбу пролетариата мощным "крестьянским хором", без которого невозможна победа народной революции. Не случайно в 1905-1907 гг. выявилась прямая зависимость между подъемами и спадами рабочего и крестьянского движения, чему в немалой степени способствовала и работа революционных партий в деревне. При этом "бессмысленный и беспощадный", по образному выражению Пушкина, русский бунт, характерный для крестьянских войн XVII-XVIII вв. и не ушедший еще окончательно в прошлое и в начале XX в., на глазах перерастал в ходе революции в более организованные и осмысленные крестьянские выступления. Правда, крестьяне еще с трудом преодолевали свою вековую социальную пассивность, покорность властям, веру в "добрého" царя. Не случайно в 1905-1907 гг. они отдавали предпочтение разного рода просьбам и ходатайствам, а не открытой революционной борьбе с помещиками и царскими властями. Тем не менее первая российская революция, которую мы по праву можем назвать и крестьянской,

ознаменовала собой начало решительного поворота в психологии и сознании крестьянских масс.

Трудно переоценить и ту роль, которую играли в 1905-1907 гг. демократическая интеллигенция, студенчество, учащиеся, активно помогая революционерам поднимать народ на борьбу. Под влиянием пролетариата втягивалась в борьбу с царизмом и такая часть средних городских слоев, как ремесленники и мелкие торгово-промышленные служащие. Конечно, внутри демократического блока были свои противоречия и разногласия, отражавшие различия в экономическом положении, уровне политического сознания и социальной психологии отдельных слоев трудящихся города и деревни. Однако всю российскую демократию объединяла ненависть к царскому самодержавию и полицейскому произволу, национальному гнету, помещичьим привилегиям. Это создавало реальные предпосылки для единства действий всех демократических сил в борьбе против царизма.

Интересы трудящихся масс представляли в России прежде всего социал-демократические и неонароднические партии и организации. Характеристика первых будет подробнее дана ниже. Здесь же мы остановимся в первую очередь на оценке оформившейся в 1902 г. партии социалистов-революционеров (эсеров). В период революции она насчитывала в своих рядах свыше 60 тыс. человек (не считая многочисленного слоя сочувствовавших партии), а их местные организации действовали в более чем 500 городах и населенных пунктах 76 губерний и областей страны. В годы революции возникло больше полутора тысяч крестьянских эсеровских братств, множество студенческих организаций, ученических групп и союзов. Эсеровские военные комиссии вели работу среди солдат и матросов в 47 губерниях России*.

В состав партии эсеров входили также 7 национальных организаций: эстонская, якутская, бурятская, чувашская и др. Кроме того, в национальных районах страны имелось несколько партий и организаций близкого к эсерам типа — Польская социалистическая партия (ППС), армянский революционный союз "Дашнакцутюн", Белорусская социалистическая громада, партия социалистов-федералистов Грузии, Украинская партия социалистов-революционеров, Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП) и др.

Достаточно широка была и социальная база эсеров. Так, на основании данных о социальном составе 21 губернской эсеровской организации, где насчитывалось около 22 тыс. членов, вырисовывается следующая карти-

*См.: Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. М., 1987. С.5, 51, 52-53.

на: рабочих в них было 43%, крестьян (вместе с солдатами) — 45%, интеллигентов (включая учащихся) — 12%*. В самой крупной, петербургской организации эсеров (6 тыс. членов) большинство составляли рабочие. В Московской губернии их доля приближалась к половине, в Закавказье превышала 40%, а в Поволжье — треть общего числа членов. Однако на первом плане у эсеров, как и у старых народовольцев, стояли все же в период революции интересы и чаяния десятков миллионов крестьян. Постепенно все отчетливее вырисовывалась главная функциональная роль эсеров в системе политических партий России — выражение интересов всего трудового крестьянства в целом, в первую очередь бедняков и середняков. Кроме того, эсеры вели работу среди солдат и матросов, студентов и учащихся, демократической интеллигенции, включая весь этот пестрый социальный конгломерат вместе с крестьянством и пролетариатом в одно абстрактное, не отличавшееся научной точностью понятие "трудовой народ".

Ведущими деятелями эсеровской партии в 1905-1907 гг. были ее главный теоретик В.М. Чернов, руководитель Боевой организации Е.Ф. Азеф (он был разоблачен позже как провокатор) и его помощник Б.В. Савинков, участники народнического движения прошлого века М.А. Натансон, "бабушка русской революции" Е.К. Брешко-Брешковская, И.А. Рубанович, будущий выдающийся ученый-химик А.Н. Бах, а также более молодые по возрасту Г.А. Гершуни, Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, А.А. Аргунов, С.Н. Слетов, сыновья купца-миллионера братья А.Р. и М.Р. Гоц, И.И. Фундаминский (Бунаков) и др.

В социалистической доктрине эсеров довольно эклектически сочетались старые народнические воззрения, элементы модных либеральных теорий, полуанархические взгляды и отдельные элементы марксизма. В начале XX в. уже нельзя было отрицать ни развития капитализма в России, ни крупной общественно-политической роли пролетариата, что и нашло отражение в эсеровской платформе. За революционными призывами эсеров стояли глубокий крестьянский демократизм, неистребимая тяга крестьянина к земельному "поравнению", ликвидации помещичьего землевладения и к "воле" в самом широком ее понимании, включая активное участие крестьянства в управлении государством. Вместе с тем эсеры, как в свое время и народники, продолжали верить в прирожденный коллективизм крестьян, связывая с ним свои социалистические устремления.

Социалисты-революционеры привлекали к себе крестьян главным образом своей революционной аграрной программой. Они предлагали конфисковать помещичьи латифундии, изъять все земли из товарного обра-

*См. Там же. С. 54-55.

щения, превратить их в общенародное достояние (а не в государственную собственность) и поделить поровну между всеми, кто хочет и может обрабатывать землю личным трудом, сохранив крестьянскую общину. Эсеры не отождествляли "социализацию" (обобществление) земли с социализмом как таковым, но были убеждены, что на ее основе с помощью самых различных видов и форм кооперации в дальнейшем будет создано эволюционным путем новое, коллективное земледелие. Выступая, например, на I съезде эсеров (декабрь 1905 - январь 1906 г.), В.М. Чернов заявил, что "социализация" земли — это лишь фундамент для "органической работы в духе обобществления крестьянского труда"*.

Объективно в условиях сохранения частной собственности на все другие средства производства, кроме земли, реализация аграрной программы эсеров, вопреки их социалистическим мечтаниям, неизбежно должна была открыть простор для развития в деревне товарно-денежных, рыночных отношений.

Но притягательная сила эсеровской программы для крестьян состояла в том, что она адекватно отражала их органическое неприятие помещичьего землевладения, с одной стороны, и тягу к сохранению общины и уравнительному распределению земли — с другой.

Эсеры не имели четкого представления о характере начавшейся в России революции, называя ее то "социальной", то "политической и до известной степени демократической".

Программа эсеров включала в себя типичные для любой революционной демократии требования республики, политических свобод, национального равноправия, всеобщего избирательного права. В экономической области, наряду с "социализацией" земли, эсеры требовали введения прогрессивного подоходного налога и рабочего законодательства, а в области национальных отношений были сторонниками федерализма.

Эсеры не были единым течением. Их левое крыло, выделившееся в 1906 г. в самостоятельный "Союз социалистов-революционеров максималистов" высказывалось за "социализацию" не только земли, но и всех заводов и фабрик. Правое же крыло, тон в котором задавали бывшие народнические деятели, группировавшиеся вокруг журнала "Русское богатство" (А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, Н.Ф. Анненский и др.), ограничивалось требованием отчуждения помещичьих земель за "умеренное вознаграждение" и заменой самодержавия конституционной монархией. В 1906 г. правые эсеры создали легальную "Трудовую народно-социалистическую партию" (энесы), сразу же ставшую выразителем интересов более зажиточных слоев крестьянства. Однако в начале 1907 г. в ней было лишь около 1,5-2 тыс. членов.

*Протоколы Первого съезда партии социалистов-революционеров. Б.м., 1906. С.278.

Специфической особенностью эсеровской тактики, унаследованной от народовольцев, был индивидуальный террор, направленный против представителей высшей царской администрации (убийство великого князя Сергея Александровича, покушение на московского генерал-губернатора Дубасова, П.А. Столыпина и др.). Всего в 1905-1907 гг. эсеры провели 220 террористических актов. Жертвами эсеровского террора в период революции стали 242 человека (из них убито было 162, в том числе 24 высших гражданских и военных чина)*. Однако далеко не все эти террористические акты заканчивались удачно, причем многие боевики были арестованы и казнены из-за предательской деятельности Азефа и других провокаторов. Эсеровский террор не мог привести к изменению существующего строя. Не приходится говорить и о чисто моральной стороне дела: ведь революционеры фактически вершили самосуд, хотя и оправдывали свои действия интересами народа и революции. Кроме того, одно насилие неизбежно порождало другое, а пролитая кровь смывалась обычно новой кровью, создавая какой-то порочный круг убийств и преступлений.

Конечно, террор, в том числе и революционный, не был чисто русским явлением. Но в России с ее давними традициями восточного деспотизма, ужасами чужеземных нашествий, частыми войнами и разгулом помещичьего произвола при крепостном праве, когда цена человеческой жизни была сведена к минимуму, террор "сверху" и как ответ на него — террор "снизу" неизбежно принимали более широкие размеры, чем в так называемых цивилизованных странах, придавая российской революции особенно трагический, кровавый оттенок.

Заметим, что в отдельные периоды (после издания манифеста 17 октября, во время деятельности I и II Думы) эсеровский ЦК сам давал директивы о приостановке террора, но затем вновь требовал его усиления. В целом революционный террор не оказал в 1905-1907 гг. большого влияния на ход событий, хотя и отрицать всякое его значение как фактора дезорганизации власти и активизации масс не следует. Недаром эсеры-террористы И.П. Каляев, М.А. Спиридонова, Е.С. Созонов и другие приобрели в период революции огромную популярность, благодаря которой рос авторитет эсеровской партии в целом.

Прибегали эсеры (как, впрочем, и анархисты, а отчасти и большевики) и к такому весьма сомнительному средству революционной борьбы, как экспроприации. Они рассматривали "эксы" как крайнее средство пополнения партийной кассы. Однако экспроприации таили в себе неизбежную угрозу морального разложения революционеров и вырождения их деятельности в уголовные преступления, поскольку "эксы" часто сопровождались убийствами ни в чем не повинных людей. К числу наибо-

*Непролетарские партии России в трех революциях: Сб.статей. М., 1989. С.149-150.

лее крупных экспроприаций относится похищение в марте 1906 г. 875 тыс. руб. в Московском обществе взаимного кредита и в октябре того же года 400 тыс.руб. в Петербургской портовой таможне.

В годы революции эсеры развернули широкую пропагандистскую и агитационную деятельность. В разное время в этот период издавалось более 100 эсеровских газет, печатались и распространялись в миллионах экземпляров прокламации, летучие листки, брошюры. Активно действовали эсеры и в войсках. Однако здесь особенно сильно проявилось их стремление искусственно ускорять революционные события, неумение координировать подготовку вооруженных выступлений в армии и на флоте с подготовкой восстаний рабоче-крестьянских масс. Большую работу вели эсеры во Всероссийском крестьянском союзе, Всероссийском железнодорожном союзе и Союзе почтово-телеграфных служащих.

Другой разновидностью ультралевого революционности, получившей известное распространение в 1905-1907 гг., был анархизм. Анархисты отрицали необходимость планомерной работы по политическому воспитанию и организации масс, а революцию понимали как всеобщий коммунистический переворот, означающий скачок из мира насилия и угнетения в общество полного равенства и справедливости, где нет классов и государства. Поэтому демократическая революция и свержение самодержавия казались анархистам не более чем кратковременным, не имеющим какого-либо самостоятельного значения эпизодом в борьбе за "царство свободы". Отсюда вытекала и их тактика, стержнем которой были террористические акты, экспроприации, полное отрицание парламентаризма и пренебрежение к демократическим свободам.

К концу революции, в России насчитывалось не менее 255 анархистских организаций, действовавших в 180 городах и населенных пунктах, а общая численность их членов колебалась в пределах 5 тысяч человек*. Анархистские группы ("Хлеб и воля", "Черное знамя", "Бунтарь", "Безначалие" и др.) формировались преимущественно из экстремистски настроенной части средних слоев городского и отчасти сельского населения, деклассированных элементов, а также из отдельных представителей рабочих, студентов, учащихся средних учебных заведений, выразивших свое недовольство существующим строем в крайних, террористически-разрушительных формах.

Таким образом, в годы первой российской революции марксистам пришлось действовать в условиях быстро складывавшейся многопартийности, вести острую идейную борьбу с одними партиями и искать различные формы сотрудничества с другими.

*См.: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С.65-66.

4. Основные этапы первой народной революции

Основные события первой российской революции достаточно широко известны читателю. Им посвящена обширнейшая научная и научно-популярная литература. Тем не менее и в этой книге трудно обойтись хотя бы без самого сжатого очерка о главных этапах революции 1905-1907 гг., который поможет читателю лучше ориентироваться в материале последующих разделов.

Первая в истории России революция, если согласиться с ее общепринятыми хронологическими рамками, продолжалась 875 дней — с 9 января 1905 до 3 июня 1907 г. Она прошла в своем динамичном, волнообразном развитии два больших этапа — период подъема революционной борьбы (1905 г.) и период медленного отступления, спада (1906-1907 гг.), каждый из которых в свою очередь можно подразделить на более короткие исторические отрезки, имевшие свои отличительные особенности.

Январь-апрель 1905 г. принято считать начальным периодом революции, когда в открытую борьбу с самодержавием или в активную оппозицию царскому правительству постепенно включались революционные и либерально-демократические силы. По далеко не полным данным фабричной инспекции, за первые четыре месяца 1905 г. в России бастовали свыше 900 тыс. рабочих. Вслед за крупнейшими промышленными центрами страны (Петербург, Москва, Варшава, Лодзь, Рига, Ревель, Харьков, Киев, Екатеринослав, Донбасс, Сормово и др.) стачки охватили в январе-марте 30 из 33 железных дорог России. Стачку — это испытанное средство борьбы пролетариата — брали на вооружение самые разные социальные слои. Так, больше полугода, до 1 сентября не учились 40-тыс. студентов, заставив в конце концов правительство дать университетам и ряду других высших учебных заведений автономию в решении многих важных вопросов их внутренней жизни (выбор ректоров и деканов факультетов и т.д.).

Во второй половине февраля начались волнения крестьян в Курской, Орловской, Саратовской губерниях, а вскоре в движение пришло и крестьянство других районов страны.

Показателем значительной активизации революционно-демократических и оппозиционных сил стала целая серия различных съездов, прошедших в первые месяцы революции. В конце марта в Москве состоялся III съезд "Союза освобождения", на котором была принята программа этой либеральной организации. В апреле на I Всероссийской съезде железнодорожников оформился Всероссийский железнодорожный союз. Тогда же прошли Всероссийский съезд учителей, III общеземский съезд и съезд земцев-конституционалистов. Наконец, в Лондоне в апреле состо-

ялся III съезд РСДРП (точнее, ее большевистской фракции), а в Женеве — конференция меньшевиков.

Острый кризис охватил всю правительственную систему. 4 февраля эсер Иван Каляев убил в Кремле великого князя Сергея Александровича — сторонника крутых мер в отношении рабочих, студентов и московской интеллигенции. Провалом закончилась попытка правительства организовать работу комиссии под руководством сенатора Шидловского для "безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в г. Санкт-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем". Отказ петербургских рабочих участвовать в комиссии на условиях, предложенных властями, привел к ее роспуску. 18 февраля Николай II подписал три совершенно не согласованных между собой документа — манифест с призывом к "искоренению крамолы" во имя "укрепления истинного самодержавия", указ Сенату, разрешавший подавать на имя царя различные предложения по усовершенствованию "государственного благоустройства" и, наконец, рескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина о подготовке к созыву в будущем законосовещательной Думы.

Май-сентябрь 1905 г. стали временем дальнейшего развития революции вширь и вглубь. Важнейшими вехами этого этапа были Первомайские демонстрации и забастовки почти в 150 промышленных центрах страны, мощные летние стачки текстильщиков в Иваново-Вознесенске и Лодзи (здесь стачка переросла в баррикадные бои), июньское восстание на броненосце "Потемкин", начало настоящей крестьянской войны в деревне.

Фабричная инспекция зарегистрировала в этот период более 670 тыс. стачечников, причем в июне и августе две трети бастующих были участниками политических выступлений. Крупным событием в жизни рабочего класса стало создание Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов. Вслед за ивановцами Совет рабочих депутатов создали и костромичи.

Лето и осень 1905 г. ознаменовались настоящим взрывом массовых крестьянских восстаний, сопровождавшихся поджогами и разгромами помещичьих усадеб. Определились и основные районы крестьянского движения — Прибалтика, Грузия, огромная по площади черноземная полоса Европейского центра, протянувшаяся от Правобережной Украины и Северного Причерноморья до Самарского Заволжья, а также ряд губерний Нечерноземья и Среднего Поволжья. 31 июля - 1 августа 1905 г. в Москве прошел Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза — массовой беспартийной революционно-демократической организации крестьянства.

На весь мир прогремела "потемкинская" эпопея — восстание на самом крупном броненосце Черноморского флота с командой около 800 человек. Несмотря на неудачу восстания, корабль так и остался непобежденной территорией революции и ушел в Румынию, где сдался местным властям. Многие члены экипажа оказались после этого в самых разных уголках земного шара, выступая там в роли своеобразных послов русской революции. События на "Потемкине" оказали сильное революционизирующее влияние на армию и флот. С середины июня до конца сентября 1905 г. произошло более 40 массовых выступлений солдат и матросов.

В обстановке общенационального кризиса росла политическая активность демократической интеллигенции и служащих (народные учителя, телеграфисты, конторщики, фармацевты и т.д.). Знаменем времени стало появление многочисленных профессионально-политических союзов (нечто среднее между партией и профсоюзом), объединившихся в мае 1905 г. вместе с аналогичными союзами либеральной интеллигенции (профессора, адвокаты, писатели, журналисты) в так называемый "Союз союзов" во главе с П.Н. Милюковым.

Продолжался и сдвиг влево либеральной оппозиции. В мае в Москве прошел съезд земских деятелей и представителей городских дум, обратившийся к царю с просьбой в кратчайшие сроки созвать народных представителей. Однако встреча либералов с Николаем II закончилась безрезультатно, и в июле новый съезд земских и городских деятелей обратился уже непосредственно к российскому обществу, выдвинув лозунг создания парламентского представительства на основе всеобщего избирательного права.

В связи с резким обострением ситуации царь принял 6 августа решение о созыве так называемой Булыгинской (по имени тогдашнего министра внутренних дел) законосовещательной думы. Выборы в нее — многоступенчатые и отнюдь не всеобщие — должны были обеспечить послушный правительству состав депутатов. Однако все левые партии и демократические организации решили бойкотировать такой псевдопарламент. И хотя 23 августа в американском городке Портсмуте был заключен, наконец, долгожданный мир с Японией, ситуация для царизма продолжала оставаться критической.

Революционная борьба народа неудержимо шла на подъем. Центр событий осенью 1905 г. переместился в Москву, где в последней декаде сентября начались крупные стачки. Всероссийская октябрьская политическая забастовка и декабрьские вооруженные восстания в Москве и ряде других городов и районов страны стали апогеем революции. По неполным данным периодической печати, в октябрьские дни 93% губерний Евро-

пейской России были охвачены забастовочным движением*. Политическая забастовка охватила также Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию, т.е. практически все районы, где был промышленный или железнодорожный пролетариат. Во Всероссийской октябрьской политической стачке участвовали до 2 млн. человек, в том числе более полумиллиона промышленных рабочих, 700 тыс. железнодорожников, 200 тыс. рабочих мелких предприятий, 150 тыс. торговых служащих и рабочих коммунального транспорта, 50 тыс. рабочих и служащих, занятых в муниципальном хозяйстве, многочисленные группы интеллигенции, студенчества и т.д. В различных районах страны возникали Советы рабочих депутатов. В ряде мест стачки перерастали в баррикадные бои.

Пролетариат энергично поддерживали демократическая интеллигенция, студенчество, средние слои городского населения, трудящиеся национальных районов. В итоге в октябре 1905 г. политическая стачка в максимально возможной в условиях России степени приблизилась к общенациональной забастовке, проходившей под лозунгом "Долой самодержавие!" Дело доходило до того, что некоторые предприниматели даже оплачивали рабочим забастовочные дни, понимая, что они борются за общенародные требования. Стачку поддержали все революционные партии, действовавшие в октябре в духе "левооблокизма". Не осталась в стороне от движения и оформившаяся в дни забастовки либеральная конституционно-демократическая партия (кадеты), приветствовавшая на своем учредительном съезде бастующий пролетариат.

Октябрьская стачка буквально парализовала жизнь огромной страны. Это было серьезнейшее предостережение правящим "верхам", которые вынуждены были пойти на уступки. Царь оказался перед выбором — установить военную диктатуру или ввести хотя бы подобие конституции. Первый вариант не был обеспечен ни необходимым количеством надежных войск, ни сильной личностью, способной стать диктатором огромной страны. В итоге после мучительных колебаний Николай II вынужден был подписать 17 октября манифест с обещанием дать народу политическую свободу и превратить будущую Государственную думу из законосовещательной в законодательную.

В стране сложилось временное равновесие консервативных и революционных сил и явственно обозначилась возможность перехода России на рельсы конституционного развития, так и оставшаяся, однако, не реализованной. Даже грандиозной октябрьской стачки оказалось недостаточно, чтобы решить исход борьбы в пользу демократии. Тем не менее после издания царского манифеста в России явочным порядком, без всяких за-

*См.: Обнинский В. Полгода русской революции. Вып.1. С.175.

конодательных актов, стала осуществляться свобода слова, собраний, печати. С нелегального на полулегальное положение перешла и РСДРП. Пролетариат сумел в ряде мест ввести явочным порядком 8-часовой рабочий день. Эту кампанию в Петербурге возглавил столичный Совет рабочих депутатов, возникший в дни октябрьской стачки.

В начале ноября по призыву Петербургского Совета вновь забастовали 140 тыс. рабочих, протестовавших против введения военного положения в Царстве Польском и предания суду участников Кронштадского восстания солдат и матросов (октябрь 1905 г.). Всего в ноябре стачки охватили 325 тыс. рабочих. Большой общественный резонанс вызвала также проходившая с 15 ноября по 15 декабря Всероссийская стачка почтовых служащих и телеграфистов.

В движение пришла вся огромная многонациональная страна. Туманные обещания Николая II уже мало кого удовлетворяли. Стремительно разрастались крестьянские восстания, восстания в армии и на флоте. Самым крупным из них было Севастопольское, которым руководил лейтенант П.П. Шмидт. Солдатские восстания нарастали, как снежный ком, и захватили Владивосток, Киев, Иркутск, а в начале декабря — Москву. Всего в октябре-декабре 1905 г. было отмечено 195 революционных выступлений в армии, в том числе 62 вооруженных.

Правительство буквально металось из стороны в сторону, то обещая реформы, то вновь усиливая репрессии. С конца октября до начала декабря 1905 г. более 20 губерний были объявлены на военном положении, в ряде других было введено положение чрезвычайной или усиленной охраны, что позволяло властям преследовать революционеров в административном, т.е. внесудебном порядке. На помощь царю пришли и черносотенцы, быстро осознавшие нависшую над самодержавием угрозу. По стране прокатилась волна погромов, усилилась травля "инородцев".

Кульминацией революции стали Декабрьское вооруженное восстание в Москве, а также восстания на Украине, в Сибири, Прибалтике и в ряде других мест. Все они были жестоко подавлены царскими войсками. Это была одна из самых драматических страниц в истории первой российской революции, ее боль, отчаянный порыв, разбитые иллюзии.

После декабрьского поражения революционная волна, как бы разбившись о скалу самодержавного строя и потеряв силу, покатилась назад. Начался период спада революции, отмеченный переломом в настроении масс и ростом конституционных иллюзий в связи с выборами, а затем началом работы I Государственной думы (апрель-июль 1906 г.). Однако на протяжении первой половины 1906 г. в России еще бастовало около 650 тыс. рабочих.

В свою очередь, оправившись от шока, правительство перешло в наступление, и 8 июля царь досрочно распустил Думу. Свеаборгское и

Кронштадтское восстания солдат и матросов, последовавшие за этим, были быстро разгромлены, а стачки в Петербурге и Москве не переросли в новую общероссийскую забастовку, не говоря уже о восстании. Несмотря на сильный всплеск крестьянского движения, его уровень не достиг высшей отметки осени 1905 г. Не увенчалась успехом и попытка собравшихся в Выборге левых депутатов Думы поднять народ на гражданское неповиновение властям (призыв отказаться от уплаты налогов и уклоняться от призыва на военную службу). 19 августа 1906 г. в России были введены военно-полевые суды, призванные запугать революционеров и поставить на место криминальные элементы общества, оживившиеся в период революции.

Попытки пролетариата Петербурга и Центрального промышленного района весной и летом 1907 г. задержать отступление революции закончились поражением рабочих. Непрерывно сокращалось и число крестьянских выступлений. Происходило дальнейшее сближение буржуазии с правительственным лагерем, в котором ведущие позиции занял новый премьер-министр П.А. Столыпин. Царизм взял курс на усиление репрессий в сочетании с обещаниями проведения ряда реформ, в первую очередь аграрной. В ноябре 1906 г. было объявлено о предстоящих изменениях в жизни деревни, получивших название столыпинской аграрной реформы. Респуск 3 июня 1907 г. II Государственной думы (она просуществовала вместо положенных пяти лет лишь три с половиной месяца) и изменение царем избирательного закона в пользу господствующих классов знаменовали собой окончание революции, но не борьбы народных масс с самодержавием.

Большую роль в ходе первой российской революции сыграли пролетариат и его политический авангард — РСДРП, к анализу деятельности которой мы теперь и переходим.

ГЛАВА II. ВЫРАБОТКА МАРКСИСТСКОГО КУРСА В РЕВОЛЮЦИИ

1. Российская социал-демократия в начале 1905 г.

К началу 1905 г. социал-демократическое движение в России представляло собой довольно сложную и противоречивую картину. Начавшаяся революция ставила перед марксистской партией очень масштабные и трудные задачи, а между тем она продолжала находиться в состоянии острейшего идейно-политического и организационного кризиса, возникшего после II съезда РСДРП.

В РСДРП яростно боролись две фракции — большевистская и меньшевистская, которые все больше напоминали уже две самостоятельные пар-

тии. Раскол российской социал-демократии, который произошел в 1903-1904 гг., накануне революции, не только не был преодолен, но, наоборот, принял еще более драматические формы. Руководствуясь общей программой, большевики и меньшевики создали, однако, обособленные идейно-организационные центры (Бюро комитетов большинства и редакция газеты "Вперед" — у большевиков, редакция "Искры" — у меньшевиков). Обострялись и тактические разногласия между обеими фракциями: так, большевики резко критиковали план земской кампании "Искры", направленный на соглашение социал-демократов с либералами, а меньшевики, в свою очередь, упрекали их в сектантстве и излишней прямолинейности.

Однако большинство организаций РСДРП оставались объединенными, что отражало реальную ситуацию в "низах" партии, хотя в ее "верхах" фракционное деление прослеживалось совершенно четко и определено. Общее направление деятельности той или иной местной организации в конечном счете определялось составом ее руководящего органа — комитета РСДРП. В историческую литературу уже давно вошли данные о том, что к марту 1905 г. в России действовали 32 комитета и 35 групп большевистского направления, у меньшевиков было 23 комитета и 27 групп, 10 комитетов и 43 группы занимали более или менее нейтральные, внефракционные, позиции. В ряде мест (Петербург и др.) возникли параллельные большевистские и меньшевистские местные организации РСДРП.

Весной-летом 1905 г. наиболее крупные и политически дееспособные большевистские организации были в Петербурге (1200 членов), Москве (более 1000), Саратове (около 1000), Казани (750), Иваново-Вознесенске (600), Нижнем Новгороде (500) и некоторых других местах. Меньшевики были сильны в западных районах страны, на Украине, в Закавказье. Крупные меньшевистские организации действовали, в частности, в Петербурге (1200 членов), Екатеринославе (более 1000), Одессе (700), Киеве (500), Полтаве (400) и т.д.* Общее же количество членов РСДРП, по подсчетам историков, составляло к лету 1905 г. 26,5 тыс. человек (14 тыс. большевиков и 12,5 тыс. меньшевиков)**. Налицо был практически паритет фракционных сил.

Сравнивая положение дел у большевиков и меньшевиков, Ленин писал в начальный период революции: "У меньшевиков больше денег, больше литературы, больше транспортов, больше агентов, больше "имен", больше сотрудников. Было бы непростительным ребячеством не видеть этого"***.

*См.: Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. С.27-46.

*Там же. С.12.

**Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.9. С.246.

В тех местах, где сохранялись объединенные организации РСДРП, между большевиками и меньшевиками шла ожесточенная борьба за руководство комитетами, причем большую роль в ее исходе играли такие факторы, как энергия, обаяние, ораторские и организаторские способности партийных лидеров, помощь кадрами и литературой из-за границы или из других городов России, аресты членов комитетов, которые вели к частой смене их состава и т.д. Неизбежные в условиях подполья ограничения внутрипартийной демократии, с которыми вынуждены были мириться обе фракции РСДРП, порой приводили к тому, что политическая линия того или иного местного комитета или группы и настроения рядовых членов данной организации не только не совпадали, но и существенно отличались друг от друга.

Все это дестабилизировало обстановку в партии, отвлекало ее силы от выполнения главной задачи — борьбы с самодержавием. Постоянно давали знать о себе взаимная нетерпимость большевиков и меньшевиков, а также чисто личностные моменты, поскольку интеллигенция часто вносила в идейную борьбу элементы крайней амбициозности и политического интриганства, что еще больше накаляло обстановку в организациях. При этом общая атмосфера революции с ее быстрыми, часто драматическими переходами от одной ситуации к другой, неожиданными взрывами стихийных массовых выступлений, сложными маневрами политических противников пролетариата и колебаниями его друзей способствовала еще большому обострению фракционной борьбы. В целом же, несмотря на сложность и крайнюю противоречивость обстановки, ведущая тенденция развития социал-демократического движения в России характеризовалась в 1905 г. быстрым ростом рядов РСДРП и значительным расширением ее влияния на рабочий класс, а также на непролетарские слои населения. Провал "гапонады" усилил тягу рабочих к социал-демократам, а активная роль РСДРП в начавшейся революции привлекла к ним симпатии всего демократического лагеря.

С началом революции активизировали свою деятельность не только большевики и меньшевики, но и национальные социал-демократические организации. Большим влиянием среди рабочих пользовалась Социал-Демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), возникшая в 1900 г. при слиянии СДКП и Рабочего союза Литвы и действовавшая на территории Царства Польского, Литвы и Белоруссии. Достаточно ярко проявила себя и Латышская социал-демократическая рабочая партия, образованная в 1903 г. Обе эти партии выступали за совместную борьбу пролетариев всех национальностей России против самодержавия и разделяли основные положения программы РСДРП. Отказ руководства СДКПиЛ признать программное требование РСДРП о праве наций на самоопределение, стремление латышских социал-демократов к установлению федеративного принципа построения партии, а также непонимание ими сущности разногласий между большевиками и меньшевиками

помешали в 1903-1905 гг. их объединению с РСДРП. Оно произошло лишь на IV съезде российских социал-демократов в 1906 г.

С другой стороны, в социал-демократическом движении в национальных районах довольно активно действовало и правое крыло. Во многом близкую к меньшевикам позицию занимал Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд), возникший в 1897 г. и входивший с 1898 г. в РСДРП в качестве ее автономной организации. Однако в 1903 г. бундовцы вышли из партии, которая отказалась признать их притязания на роль единственной марксистской организации, ведущей работу среди еврейского пролетариата. К началу революции Бунд пользовался значительным влиянием в западных районах России. Разветвленная сеть его организаций охватывала значительные массы еврейского, главным образом ремесленного, пролетариата.

Во многом близки были к бундовцам члены Армянской социал-демократической рабочей организации ("специфики"). Они требовали построения РСДРП на федеративных началах и выдавали себя за единственных представителей армянского пролетариата. Сходные настроения были характерны и для Революционной украинской партии, расколовшейся в 1905 г. на Украинскую социал-демократическую рабочую партию (УСДПР) и Украинский социал-демократический союз ("Спилка"), тяготевший к меньшевизму.

Начавшаяся революция еще больше обострила идейную борьбу в РСДРП и в национальных социал-демократических организациях. Большевики считали, что наиболее радикальным средством преодоления раскола является созыв нового партийного съезда и последовательное проведение в жизнь его решений всеми членами РСДРП. При этом они рассчитывали, что большинство социал-демократов в России поддержат их линию. Меньшевики, наоборот, видели в созыве нового съезда за границей дорогостоящую и ненужную затею, которая лишь разожгла бы бушующие в социал-демократических организациях фракционные страсти.

Такой же точки зрения придерживались и члены ЦК Л.Б. Красин, И.Ф. Дубровинский, В.А. Носков и др., искренне стремившиеся к примирению большевиков и меньшевиков. Они резко критиковали Ленина и считали, что лидер большевиков плохо знает нужды местных партийных организаций, не обеспечивает руководство партией, отличается излишней задиристостью и непримиримостью к инакомыслию. Еще в июле 1904 г. они повели открытую атаку на Ленина: лишили его прав заграничного представителя ЦК и заявили, что отныне ленинские работы будут печататься лишь с согласия коллегии ЦК*. Одновременно ЦК запретил всякую агитацию за созыв III съезда партии.

*РЦХИДНИ. Ф. 278. Оп. 1. Д. 7. Л. 6-8.

Характерно, однако, что июльская декларация ЦК получила одобрение лишь четырех комитетов РСДРП в России.

На состоявшемся 7 февраля 1905 г. в Москве заседании ЦК было принято решение о выводе Ленина из состава Центрального комитета и Совета партии. Лишь после ареста большинства членов ЦК РСДРП 9 февраля 1905 г. на квартире писателя Леонида Андреева оставшиеся на свободе Л.Б. Красин и А.И. Любимов дали согласие на проведение III съезда партии и вступили для этого в контакт с Бюро комитетов большинства.

Что касается меньшевиков, то, отчаянно сопротивляясь созыву III съезда РСДРП, они решили прибегнуть к помощи лидеров II Интернационала, чтобы оказать давление на большевиков. А.Н. Потресов писал, например, в мае 1904 г. П.Б. Аксельроду: "Как бить Ленина, вот вопрос. Прежде всего, мне думается, следует на него выпустить авторитетов — Каутского (уже имеется), Розу Люксембург и Парвуса"*. И надо сказать, что вначале этот план удался, ибо К. Каутский и Р. Люксембург открыто выступили в 1904 г. в печати с осуждением организационных принципов большевизма**. Осенью того же года А. Бебель предложил провести объединительную конференцию с участием большевиков и меньшевиков, а лидер австрийских социал-демократов В. Адлер пошел еще дальше, считая необходимым пригласить на эту конференцию эсеров, польских социалистов (ППС) и ряд более мелких национальных марксистских и неонароднических организаций России. В начале 1905 г. возникла идея организации третейского суда между большевиками и меньшевиками под эгидой Международного социалистического бюро. Однако большевики от такого суда категорически отказались***.

В первые месяцы революции социал-демократам пришлось столкнуться и с серьезными претензиями Гапона на роль "объединителя" всех русских революционных течений. Приехав в начале февраля 1905 г. в Швейцарию, Гапон вошел в контакт с В.И. Лениным и Г.В. Плехановым и даже собирался одно время вступить в ряды социал-демократии, но вскоре сблизился с эсерами.

В начале февраля 1905 г. состоялась встреча Ленина с Гапоном. Как вспоминала позже Крупская, "Гапон был живым куском нараставшей в России революции, человеком, тесно связанным с рабочими массами, беззаветно верившими ему..." Поэтому Ленин, несмотря на доходившие до него слухи о провокаторстве Гапона, хотел ближе присмотреться к этому необычному человеку, попытаться понять, чем мог Гапон влиять на рабочие массы****.

*Социал-демократическое движение в России. Материалы. Т.1. М., Л., 1928. С.125.

**См.: Искра. 1904. 15(28) мая; 10(23) июля.

***В дальнейшем МСБ возобновил свои предложения о посредничестве, и в сентябре 1905 г. большевики приняли их. Однако вскоре была достигнута договоренность об объединении РСДРП без участия МСБ.

****Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1972. С.96.

Кроме того, лидера большевиков, вероятно, заинтересовала возможность установить через Гапона контакт с эсерами для совместной подготовки вооруженного восстания в России.

На III съезде РСДРП Ленин сообщил делегатам, что Гапон произвел на него впечатление человека, "безусловно преданного революции, инициативного и умного, хотя, к сожалению, и без выдержанного революционного мирозерцания"* . Плеханов также видел в Гапоне вожака стихийного рабочего движения"** и находил его человеком искренним и по-своему привлекательным, хотя и невежественным. Однако очень скоро он охладел к бывшему "батюшке". Характерно, что и Ленин, и Плеханов посвятили Гапону сочувственные статьи, опубликованные в газетах "Вперед" и "Искра".

За границей Гапон опубликовал "Открытое письмо к социалистическим партиям России" с призывом объединить все наличные силы для практической подготовки вооруженного восстания и предложил созвать конференцию всех социалистических партий и организаций России. Письмо Гапона обошло практически всю социалистическую прессу — русскую и европейскую — и встретило сочувственные отклики. Большевистская газета "Вперед" писала 21 (8) февраля 1905 г.: "Пожелаем, чтобы его (Гапона. - *Авт.*) призыв к боевому соглашению для восстания увенчался успехом". Положительно отозвались на предложение Гапона и эсеры***. Кроме того, его идею поддержало Международное социалистическое бюро. Вместе с тем Каутский и Плеханов отнеслись к призыву Гапона скептически, а находившийся в руках меньшевиков Совет РСДРП отказался от участия в конференции, мотивируя это "ненадежностью попыток соглашения различных партий, которые исходят от отдельной личности, стоящей над партиями"****.

Из 18 действовавших в то время на территории России социал-демократических и неонароднических партий и организаций на призыв Гапона откликнулись 11, в том числе большевики (их представлял сам Ленин), бундовцы, латышские и армянские социал-демократы*****. Конферен-

* Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.10. С.180.

** См.: Плеханов Г.В. Соч.: В 24 т. Т.13. М.; Л., 1926. С. 201.

*** См.: Революционная Россия, 1905, 23(10) февраля.

**** Искра, 1905, 23(10) апреля.

***** Кроме того, в конференции участвовали эсеры, ППС, дашнаки, грузинские социалисты-федералисты, Белорусская социалистическая громада, Финляндская партия активного сопротивления, Латышский социал-демократический союз. Теперь установлено, что к организации этой конференции (как и Парижской конференции революционных и оппозиционных партий России в 1904 г.) приложила руку и финансировала ее проведение японская разведка в лице полковника Акаси (см.: Тайны русско-японской войны. М. 1993. С.43-46).

ция проходила в Женеве с 2 по 8 апреля (н.ст.) 1905 г. Однако большевики быстро убедились в эфемерности гапоновской затеи и в доминирующей роли на конференции эсеров и ППС. Поэтому вместе с представителями других социал-демократических организаций Ленин покинул конференцию в самом начале ее работы*. Остальные участники конференции приняли две совместные декларации с призывами к вооруженному восстанию, созыву Учредительного собрания, созданию в России федеративной демократической республики и к социализации земли.

Но главные усилия большевиков были направлены весной 1905 г. на созыв III съезда РСДРП, который должен был коллективно выработать программу действий партии в начавшейся революции.

2. Стратегия и тактика большевиков

Созданный весной 1905 г. Организационный комитет по созыву III съезда РСДРП пригласил на него все социал-демократические организации без различия их фракционной принадлежности. Однако меньшевики объявили этот съезд незаконным** и созвали в апреле 1905 г. в Женеве собственную конференцию***.

*Отдельные контакты большевиков с Гапоном и гапоновцами продолжались и позже, однако практических результатов они не имели, если не считать получения небольшой партии оружия с парохода "Джон Графтон". В сентябре 1905 г. Гапон вместе с эсерами организовал перевозку в Россию на пароходе "Джон Графтон" оружия, закупленного, как позже выяснилось опять-таки на японские деньги, в Европе. При не выясненных до конца обстоятельствах (возможно здесь имела место провокация, связанная с участием в этой операции Е.Ф. Азефа) пароход сел на мель, и революционерам удалось получить лишь часть оружия. Осенью 1905 г. в Женеве было получено письмо Гапона с предложением об установлении тесного политического союза с ЦК РСДРП (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.1. Д.564. Л.1-2). Гапон писал, что большевики представляют собой наиболее влиятельную из всех пролетарских организаций России. Ответили ли большевики на это обращение, неизвестно. Жизнь показала, что влияние Гапона на рабочих неуклонно падало, а его политическая репутация становилась все более сомнительной. Вернувшись в Россию после объявленной в октябре 1905 г. амнистии, Гапон вступил в контакт с Витте, получил от правительства деньги на возобновление деятельности своей организации, но был изобличен в связях с полицией и в марте 1906 г. казнен эсеровскими боевиками как провокатор в Озерках под Петербургом.

**Меньшевики заявили, что нарушено уставное требование о необходимости наличия 2/3 комитетов РСДРП, требующих созыва съезда. Они ссылались на то, что решения отдельных комитетов в пользу созыва съезда были опротестованы отколовшимися от них меньшевистскими группами. Во избежание "подтасовки" Совет партии, находившийся в руках меньшевиков, предлагал проводить выборы делегатов под контролем своих агентов, однако ЦК РСДРП отклонил это предложение, грозившее отсрочкой съезда на неопределенное время. Кроме того, ставилась под сомнение и беспристрастность Совета партии. В итоге последний опубликовал постановление о недействительности решений III съезда РСДРП, и меньшевики решили не посылать на него своих делегатов (см.: Общественное движение в России в начале XX в.: В 4 т. Т. 3. Кн. 5. СПб, 1914. С.55.).

***На ней были представлены лишь 8 комитетов и союзов РСДРП.

В итоге III съезд РСДРП, который должен был обобщить коллективный опыт российских социал-демократов и выработать единый политический курс марксистской партии, оказался чисто большевистским.

Съезд проходил с 12(2) апреля по 27 апреля (10 мая) 1905 г. в Лондоне и собрал 38 большевистских делегатов с решающим и совещательным голосом, представлявших более 20 партийных организаций страны — Петербург, Москву, Центральный промышленный район, Поволжье, Украину, Прибалтику, Урал, Закавказье.

На съезде царил деловой, конструктивный дух. Делегаты спорили друг с другом, спорили с Лениным, а старейшина съезда (ему было, правда, всего 40 лет) Мика Цхакая с Кавказа даже открыто выступил против появления в слове русских марксистов нового термина — "ленинизм". "В свободных странах, как Германия, — сказал он, — надеюсь, есть товарищи не хуже нашего товарища Ленина, как Каутский, Бебель и даже один из наших учителей Энгельс, но нет "измов", к их именам приставленных, и они пользуются большей популярностью и большим значением. Мы только социал-демократы, революционные социал-демократы, научные социалисты, марксисты, как и уважаемый т. Ленин"*.

Вместе с тем все делегаты съезда хорошо понимали, что Ленин — это настоящий политический руководитель большевиков. Он был единодушно избран председателем съезда, сделал на нем два больших доклада (об участии социал-демократии во Временном революционном правительстве и о поддержке крестьянского движения), неоднократно брал слово по основным вопросам повестки дня.

Съезд обсудил самые острые проблемы, стоявшие в тот момент перед социал-демократами: подготовка восстания, перспективы участия РСДРП во Временном революционном правительстве, отношение к крестьянскому движению, взаимоотношения с другими политическими партиями и организациями, организационные вопросы. С докладами выступали В.И. Ленин, Л.Б. Красин, А.А. Богданов, А.В. Луначарский, В.В. Воровский, М.Г. Цхакая, Л.П. Румянцев.

Основой стратегической линии большевиков в революции была идея гегемонии пролетариата, его руководящей роли в борьбе с самодержавием, хотя сам этот термин употреблялся в то время большевиками сравнительно редко, поскольку он вряд ли был бы понятен широким рабочим массам. При этом исходная посылка большевиков была предельно проста: рабочий класс не может отстраняться от участия в буржуазной революции, поскольку без рабочих она рискует застрять на полпути и завершиться каким-нибудь компромиссом в "верхах" за счет интересов народа, тогда как активное участие пролетариата позволит довести ее до реше-

*Третий съезд РСДРП. Протоколы. С.340-341.

тельной победы над старым порядком и облегчит последующий переход к высшей, социалистической стадии революционной борьбы. Вот почему в решениях III съезда РСДРП подчеркивалось, что "пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственно последовательным революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении в России"*.

Концепция ведущей роли пролетариата на демократическом этапе революции имеет свою историю. Она явилась ответом русской марксистской мысли на ту ситуацию, которая сложилась на рубеже XIX и XX вв. в странах так называемого "второго эшелона" развития капитализма, прежде всего в России. Если в развитых странах Запада общедемократические задачи были к концу XIX в. уже в основном решены под руководством буржуазии, а социалистическая перспектива казалась западным марксистам достаточно отдаленной, то ситуация в России, наоборот, с особой остротой ставила вопрос о том, какая общественная сила сможет заменить так и не сумевшую обрести революционных потенций буржуазию в борьбе с абсолютизмом. Политическая пассивность последней и полная неорганизованность крестьянских и мещанских слоев, с одной стороны, при быстрой политизации пролетарского авангарда — с другой, привела здесь к нарушению "нормальной" логики антифеодальных движений: в отличие от стран Запада заявку на представительство общенациональных интересов и руководство освободительным движением в России первой сделала не буржуазия, а ее антипод — пролетариат в лице своих марксистских организаций.

Греческий по своему происхождению термин "гегемония" пришел в политический словарь русских революционеров из военно-дипломатической сферы, где он употреблялся для обозначения доминирующей, ведущей роли той или иной державы в системе международных отношений. В России среди марксистов его употребил первым в 1884 г. Г.В. Плеханов, поставивший вопрос об идейной гегемонии "Народной воли" в русском революционном движении**. В том же 1884 г. в объявлении об издании "Рабочей библиотеки" Г.В. Плеханов и П.Б. Аксельрод впервые заявили, что пролетариат имеет все данные для того, чтобы стать руководителем других слоев трудящегося населения России***.

Начиная с 80-х гг. XIX в. Плеханов не раз писал, что пролетариат явится важнейшим двигателем революционного процесса в России, самым последовательным и решительным носителем демократических стремлений своей эпохи, намного обгоняя в этом отношении буржуазию.

*КПСС в резолюциях... 9-е изд. Т.1. М., 1983. С.125.

**См.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. Т.1. М., 1956. С.118.

***См.: Литературное наследие Г.В. Плеханова. В 8 т. Сб. 8, ч.1. М., 1940. С.69.

"Сколько раз в наших бесчисленных и бесконечных спорах с народолюбцами на собраниях в русских заграничных колониях я уже в середине 80-х гг. повторял...: дайте нам 500 тысяч сознательных рабочих, и от русского абсолютизма не останется и следа!"* — вспоминал позже Плеханов. При этом он считал (хотя здесь, несомненно, присутствует немалая доля преувеличения), что идея гегемонии пролетариата была сформулирована им уже в 1885 г., когда он сказал: "Наша интеллигенция должна идти с рабочими, а наше крестьянство должно идти за ними"***.

Разумеется, в то время речь могла идти лишь о постепенном складывании предпосылок для будущей гегемонии рабочего класса в освободительном движении, поскольку пролетариат делал тогда лишь первые шаги на общественно-политической арене, в деревне царило относительное затишье, а буржуазия еще имела, по мнению Плеханова, немалые шансы пробудиться к активной политической жизни.

На рубеже XIX и XX веков потенциальная руководящая роль пролетариата по отношению к другим демократическим силам страны понималась членами группы "Освобождение труда" еще достаточно ограниченно: передовые рабочие и социал-демократы могли, по их мнению, дать своими выступлениями начальный импульс революционному и оппозиционному движению, подтолкнуть их участников к более решительным действиям, стать центром притяжения симпатий всей российской демократии, выразителями интересов прогрессивного развития страны в целом***. Член группы "Освобождение труда" П.Б. Аксельрод сформулировал эту мысль так: пролетариату предстоит сыграть роль "передового отряда демократии вообще"****.

Мысль о рабочем классе как авангарде всех трудящихся прозвучала уже в ряде ранних работ молодого Ленина, а на рубеже 1901-1902 гг. у него появился и сам термин "гегемония"*****. Ленинская постановка вопроса о гегемонии отличалась от плехановской гораздо большей четкостью и определенностью, акцентом на идее союза пролетариата и крестьянства при политической изоляции либеральной буржуазии, указанием на необходимость систематической и активной идейно-организационной работы РСДРП в непролетарской среде. Иными словами Ленин видел в гегемонии пролетариата достаточно жесткое политическое, а по возможности и организационное руководство демократическим движением со стороны рабочего класса и революционной социал-демократии с целью

*Плеханов Г.В. Соч. Т.19. М.; Л., 1927. С.236.

**Плеханов Г.В. Соч. Т.19. С.235.

***См.: Плеханов Г.В. Соч. Т.3. М.; Л., 1923. С.208; Т.12. М.; Л., 1924. С.102 и др.

****См.: Аксельрод П.Б. Историческое положение и взаимные отношения либеральной и социалистической демократии в России. Женева, 1898. С.25-29.

*****См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.46. С.81; Т.6. С.269.

использовать крестьянство и другие непролетарские слои (здесь лидер большевиков был достаточно откровенен) для свержения самодержавия и прихода социал-демократов к власти.

На опыте 1905 г. Ленин пришел к выводу, что интересы рабочего класса требуют не только энергичной поддержки им крестьянской революции, но и руководящей роли пролетариата в этой последней*. Добавим, что особая роль в ленинской концепции гегемонии пролетариата отводилась марксистской партии, деятельность которой в наиболее концентрированном виде и должна была стать проявлением руководящей роли рабочего класса в революции. В ходе революции постепенно налаживалась реальная связь рабочего класса с непролетарскими слоями трудящихся, прежде всего с крестьянством, которая отсутствовала в европейских революциях XIX в., включая Парижскую коммуну. Не случайно III съезд РСДРП предложил местным социал-демократическим организациям оказать самую энергичную поддержку крестьянскому движению вплоть до требования конфискации всех помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель.

Здесь мы позволим себе еще одну историческую справку. Как известно, РСДРП вступила в 1905 г. с так называемой "отрезочной" программой, принятой на II съезде партии в 1903 г. и отражавшей лишь минимум того, что должна была сделать революция в деревне. В "искровский" период Ленину не удалось преодолеть сопротивление Г.В. Плеханова и провести свои взгляды на национализацию земли как оптимальный, по его мнению, вариант решения аграрного вопроса. Однако уже тогда Ленин считал, что если все крестьянство активно включится в борьбу за землю и потребует полной ликвидации помещичьего землевладения, социал-демократы не откажутся выдвинуть требование национализации земли.

Следует также учитывать, что большую роль в обосновании "отрезочной" аграрной программы играло довольно широко распространенное тогда в РСДРП представление о сравнительно высоком уровне развития российского капитализма вообще и аграрного капитализма в частности. При этом явно преувеличивалась степень модернизации помещичьего хозяйства, а "отрезки" представлялись чуть ли не главным средством консервации в деревне старых полукрепостнических отношений. Не случайно именно возвращение этих "отрезков", т.е. фактически возврат крестьянского землевладения к уровню 1861 г., и рассматривалось как первоочередное и главное требование РСДРП в аграрном вопросе.

В дальнейшем В.И. Ленин признал ошибочность некоторых взглядов, которые он разделял до революции 1905-1907 гг. "Остатки крепостного права, — писал он, — казались нам тогда мелкой частностью, а капитали-

*См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.16. С.327.

стическое хозяйство на наделной и на помещичьей земле — вполне созревшим и окрепшим явлением. Революция разоблачила эту ошибку"*.

В действительности "гвоздем" аграрного вопроса в России оказались не "отрезки", а судьба помещичьих латифундий в целом, которые являлись оплотом старых, полукрепостнических порядков в деревне и существенно тормозили развитие всей экономики страны. Недаром в ходе революции крестьяне единодушно требовали полной ликвидации помещичьего землевладения.

Говоря об аграрной программе РСДРП, следует подчеркнуть, что социал-демократы выступали за то, чтобы передать окончательное решение вопроса о земле в руки самих крестьян. Имелось в виду, что в ходе аграрной революции крестьяне отберут у помещиков их земли и через избранные ими крестьянские комитеты демократическим путем решат все вопросы, связанные с их распределением между сельскими тружениками и с формами землепользования. Окончательную же выработку аграрного законодательства в масштабах всей страны должно было осуществить Всероссийское учредительное собрание. Поэтому социал-демократы, не навязывая народу своего видения аграрного вопроса в России, лишь предлагали крестьянам определенный вариант (или варианты) его решения, оставляя последнее слово за теми, кто работал на земле. Тем не менее совершенно очевидно, что аграрная программа РСДРП, как и аграрные программы других политических партий, которые вели агитацию в деревне, имела большое значение для определения позиции крестьянства в начавшейся революции.

Развернувшаяся в деревне борьба крестьянства с помещиками поставила вопрос о радикальном пересмотре аграрной программы РСДРП, ибо в противном случае социал-демократы с их "отрезочной" программой могли оказаться позади не только эсеров, но и либералов. В ходе партийной дискуссии, развернувшейся в начале 1906 г. накануне IV съезда РСДРП, а затем и на самом съезде, Ленин защищал идею национализации земли.

При этом он подчеркивал, что национализация земли принесет пользу народу лишь при условии полной демократизации всего общественно-политического строя России сверху донизу и принципиального изменения структуры и функций государственной власти (практика советской власти показала утопичность подобных надежд). Выгоды от осуществления национализации земли состояли в радикальной "чистке" чрезвычайно сложной и запутанной системы аграрных отношений в России от всякой архаики и сословных перегородок. Кроме того, национализация земли, по мнению Ленина, создала бы предпосылки для менее болезнен-

*См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.16. С.269.

ного перехода к коллективным формам ведения сельского хозяйства после победы пролетарской революции, а именно на них ориентировались и тогда, и позже все марксисты.

Однако ряд большевиков-практиков выступали за раздел помещичьих земель между крестьянами на правах частной собственности. Надо сказать, что в отличие от национализации земли, которая не была осуществлена тогда на практике ни в одном государстве мира, частная собственность на землю являлась неотъемлемым атрибутом земельных отношений на Западе. В России на правах частной собственности владели землей дворяне, буржуазия и часть крестьянства, сумевшая прикупить к своим наделам дополнительные участки. Особенно сильны были настроения в пользу раздела помещичьих земель в собственность крестьян в тех районах страны, где не было сельских общин. Поэтому возможность подобного решения аграрного вопроса в России не отрицали в принципе ни большевики, ни меньшевики. Программа "раздела" имела явную антипомещичью направленность, была доходчива, проста и отвечала собственническим настроениям миллионов крестьян, хотя и противоречила традиционным общинным представлениям о "божьей" земле, которую нельзя продавать и покупать и которая должна делиться поровну между всеми, кто хочет на ней работать. Программу "разделистов" Ленин считал ошибочной (с точки зрения социалистической перспективы развития общества), но не вредной на демократическом этапе революции, и когда стало ясно, что идея национализации не получит поддержки большинства делегатов IV съезда РСДРП, сам голосовал за "раздел".

В итоге острой дискуссии на IV съезде РСДРП победила меньшевистская программа "муниципализации" земли, которая в окончательном виде соединяла: 1) частичную национализацию земли, 2) переход помещичьих имений в руки органов местного самоуправления (отсюда ее европеизированное название — муниципализация) с последующей сдачей их в аренду крестьянам и 3) сохранение крестьянского наделного землевладения.

Заметим, что программа "муниципализации" земли была лишь намечена меньшевиками и не получила детальной разработки ни у П.П. Маслова, ни у Г.В. Плеханова. Вдобавок она была мало понятна крестьянам, мечтавшим получить всю землю немедленно, без всякого выкупа и без посредничества со стороны земств. Вместе с тем нельзя отрицать, что в идее "муниципализации", бесспорно, было и рациональное зерно, ибо она могла служить определенным противовесом государственно-бюрократической централизации (а в России такая угроза была очень велика даже в случае победы народной революции) и защитить крестьян от всесильного "центра". Что же касается "гарантий от реставрации", которые, по мне-

нию меньшевиков, якобы давала "муниципализация" земли, то большевики справедливо указывали на то, что в случае победы консервативных сил вряд ли удастся сохранить демократические муниципалитеты и саму муниципальную собственность.

С точки зрения революционной практики большое значение имела принятая на III съезде РСДРП рекомендация о "немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета". Именно крестьянские революционные комитеты должны были стать, по мысли Ленина, теми демократическими органами, которым в соответствии с волей создавших их крестьянских масс предстояло решить все насущные вопросы, и в первую очередь вопрос о земле: на каких условиях ее отбирать у помещиков, по какому принципу делить и т.д. Одновременно в решениях III съезда РСДРП ставился вопрос и о самостоятельной организации сельского пролетариата, о слиянии его с городскими рабочими под знаменем социал-демократической партии и проведении представителей батрачества в крестьянские комитеты.

Бесспорно, большевики отдавали себе отчет в том, что потенциальная возможность союза рабочего класса с крестьянством и другими непролетарскими слоями трудящихся — это еще не сам этот союз как определенная политическая реальность. Мелкособственнические привычки крестьянства и средних городских слоев, их колебания между монархизмом, либерализмом и революционностью явились серьезной преградой для их присоединения к рабочим и подчинения руководству РСДРП. Кроме того, у всех социал-демократов, в том числе и большевиков, ощущался недостаток опыта работы в деревенской среде, неумение нащупать специфические подходы к пестрой, во многом отличной от рабочих по своей социальной психологии массе. Преодолению этих трудностей должна была способствовать так называемая "левоблокистская" тактика большевиков, рассчитанная на сплочение всей революционной демократии "для борьбы и на борьбе" с царизмом, как говорил Ленин.

Тактика "левого блока" (сам этот термин появился у Ленина в январе 1907 г.) предусматривала не только совместные революционные действия трудящихся масс независимо от их социальной и партийной принадлежности, национальности, отношения к религии и т.д., но и координацию усилий различных революционных партий и организаций во имя достижения общей цели — свержения самодержавия. Большевики выступали за политические блоки и компромиссы с инакомыслящими революционерами, действуя по сформулированному Г.В. Плехановым принципу: "Врозь идти, вместе бить". Основой подобных соглашений, по мнению

большевиков, могло стать признание участниками "левого блока" лозунгов демократической республики и вооруженного восстания. При этом "левоблокистская тактика" не исключала, а, наоборот, предполагала продолжение идейных споров между революционными партиями и течениями, их честное соперничество в массовой аудитории при сохранении своей организационной самостоятельности.

Здесь тоже были свои специфические трудности, состоявшие в том, что каждая революционная партия очень болезненно относилась к перспективе "раздела" влияния на массы со своими политическими конкурентами, была убеждена в преимуществах собственных теоретических и тактических взглядов. Вот почему "левые блок" складывался в 1905-1907 гг. в обстановке серьезных трений, острого соперничества и беспощадной, порой совершенно неоправданной, взаимной критики. Соглашения между революционными партиями легче заключались "снизу", чем "сверху", когда нужно было договариваться партийным лидерам с их огромными личными амбициями, властолюбием и доктринерством, заложниками которого стали в России все без исключения течения социалистической ориентации.

Наиболее вероятными партнерами большевиков по "левому блоку" были эсеры. Поэтому III съезд РСДРП принял специальную резолюцию "О практических соглашениях с социалистами-революционерами", в которой поручил ЦК и местным партийным комитетам в случае надобности входить во временные боевые соглашения с организациями социалистов-революционеров, причем соглашения на местах могли заключаться лишь под контролем Центрального комитета. В целом обстановка революции безусловно политически сблизила большевиков с эсерами, хотя идеологические разногласия между ними сохраняли свою остроту, особенно в аграрно-крестьянском вопросе.

Большое значение в условиях начавшейся революции приобретал вопрос о взаимоотношениях пролетариата с либералами, которые тоже претендовали на роль руководителя и идеолога всех демократических сил. Характеризуя отношения большевиков к либералам, в частности к "Союзу освобождения", съезд подчеркнул необходимость разъяснения антиреволюционной направленности либерального движения, включая самые левые его оттенки. Была поставлена задача энергично бороться с либеральным влиянием на пролетариат и другие демократические слои. Вместе с тем большевики не могли не учитывать, что либералы входят в освободительное движение в качестве его правого крыла, объективно способствуют своей деятельностью дестабилизации существующего строя, оказывают революционерам разного рода технические услуги и материальную помощь. Характерно в этом плане следующее высказыва-

ние Ленина: "Либералы приносят, конечно, известную пользу нам, поскольку вносят колебание в ряды Треповых и других слуг Романова, но эта польза не будет перевешиваться вредом от внесения ими колебания в наши ряды лишь тогда, если мы бесповоротно отмежеваемся от конституционалистов-демократов и беспощадно будем клеймить всякий нетвердый шаг их"*.

Именно последняя задача стала для большевиков на практике главной, заслонив в большевистской тактике все остальное.

Важное место в работе III съезда РСДРП заняли тактические вопросы, и прежде всего вопрос о вооруженном восстании и его практической подготовке. Большевики, как и все марксисты, никогда не абсолютизировали роль насильственных форм борьбы с эксплуататорами, но вместе в тем отдавали себе отчет в том, что в той или иной форме применение насилия, особенно в ходе революции, неизбежно. Другое дело, что многое здесь зависело от поведения самих господствующих классов и органов государственной власти, которые часто откровенно провоцировали народ и революционеров на применение крайних, в том числе и террористических методов борьбы. Опыт классовых боев начала XX в. и первых месяцев революции также не давал основания для оптимистических прогнозов относительно возможности мирного решения коренных вопросов российской действительности. Ведь именно царизм фактически развязал 9 января 1905 г. гражданскую войну в стране. В то же время следует подчеркнуть, что масштабы применения революционного насилия в 1905-1907 гг. не идут ни в какое сравнение с тем, что имело место в России в ходе гражданской войны, развернувшейся после Октябрьской революции 1917 г.

С января 1905 г. лозунг вооруженного восстания стал одним из главных лозунгов РСДРП. Характерны в этом отношении и некоторые высказывания делегатов III съезда: "На юге о вооруженном восстании теперь говорят все — и руководители, и массовики. Пропагандистов заставляют в кружках говорить о революции, о том, как в бой идти" (Екатеринослав); "необходимость вооружения глубоко сознается у нас организованными рабочими" (Нижний Новгород); "рабочие требуют оружия и ищут его" (Рига)**.

Однако в целом настроение рабочих оставалось в то время еще достаточно пестрым, и говорить о восстании как о задаче сегодняшнего или завтрашнего дня было еще явно преждевременно.

Тем не менее большевики переносили центр тяжести своей военно-боевой работы из области абстрактных разговоров о возможном восстании, которые шли еще в предреволюционный период, в плоскость практических шагов по вооружению рабочих и обучению их приемам уличного

*Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.11. С.382.

**Третий съезд РСДРП. Протоколы. С.124, 126, 143.

боя. В этом духе и была составлена резолюция о вооруженном восстании, принятая на III съезде РСДРП. В ней указывалось на необходимость "принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников"*.

В резолюции съезда подчеркивалось также, что предстоящее вооруженное восстание будет вырастать из массовых политических стачек пролетариата и опираться на них.

В дополнительной резолюции, не оглашавшейся в целях конспирации на съезде, а розданной его делегатам для ознакомления, указывалось, что подготовка восстания, помимо всего прочего, будет состоять в проведении пробных вооруженных выступлений (нападения на тюрьмы, правительственные учреждения, защита народных собраний от нападений со стороны войск и полиции и т.д.). Вместе с тем резолюция предостерегала от непродуманных и неподготовленных вооруженных акций, требовала от партийных работников не допускать бесполезной растраты революционных сил. По существу здесь уже была заложена идея необходимости партизанских действий против царских властей, развитая позже Лениным.

Еще до съезда Ленин высказал мысль, что условием победы народной революции в России является установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Победу революции он связывал не с созданием нового правительства под эгидой либералов, а с образованием временного революционного правительства с участием в нем социал-демократов наряду с эсерами и другими революционными организациями, но без либералов. При этом он подчеркивал, что в революционную эпоху нужно действовать не только "снизу", с улицы, но и "сверху", используя в интересах народа и такой важный политический рычаг, как революционное правительство.

Ленинская формула "революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" ни в коей мере не означала отстранения от участия в органах новой, народной власти средних слоев городского населения, насчитывавших в начале XX в. свыше 10 млн. человек. Фактически речь у Ленина шла о демократической диктатуре народных "низов" в самом широком понимании этого слова, что прямо перекликалось с идеями Маркса, выдвинутыми им в период революции 1848-1849 гг. в Германии. Разумеется, это была пока только принципиальная схема, которую революционная практика должна была наполнить в дальнейшем конкретным содержанием.

*КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т.1. М., 1983. Т.1. С.126.

Съезд избрал Центральный Комитет РСДРП в составе В.И. Ленина, А.А. Богданова, Л.Б. Красина, Д.С. Постоловского и А.И. Рыкова, причем все его члены, кроме Ленина, должны были возглавить революционную работу непосредственно в России. Предполагалось, что не реже одного раза в четыре месяца ЦК будет собираться в полном составе, однако это решение вплоть до возвращения Ленина в Россию в ноябре 1905 г. оставалось невыполненным. Препятствием к нормальной работе ЦК, помимо трудностей, связанных с чисто конспиративными моментами, послужили также аресты А.И. Рыкова (вместо него был кооптирован П.П. Румянцев), а затем А.А. Богданова. Основная тяжесть работы по руководству партией легла в период революции на В.И. Ленина, Л.Б. Красина и А.А. Богданова.

Ленин дал теоретическое обоснование решений III съезда РСДРП в книге "Две тактики социал-демократии в демократической революции", вышедшей в свет в июле 1905 г. в Женеве и получившей широкое распространение в России. Для периода "бури и натиска", каким был 1905 год, Ленин решает здесь проблему "реформа или революция?" совершенно однозначно: "реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно медленного отмирания гниющих частей народного организма", в то время как "революционный путь есть путь быстрой, наименее болезненной по отношению к пролетариату операции, путь прямого удаления гниющих частей, путь наименьшей уступчивости и осторожности по отношению к монархии..."*.

Как видим, Ленина совершенно не интересует вопрос о "цене" революции, ее возможных издержках и потерях от чрезмерного увлечения разрушительной работой. Иначе говоря, решение проблемы выглядит здесь достаточно односторонним, хотя в ленинских рассуждениях есть и своя логика: раз движение масс уже дошло до точки кипения, надо использовать создавшуюся ситуацию для максимального продвижения вперед. Поиски обходных, окольных, компромиссных путей, подчеркивает Ленин, — это удел либералов. "Если нас силой заставят волочиться по таким путям, мы сумеем максимально исполнить свой долг и на мелкой будничной работе. Но пусть сначала беспощадная борьба решит вопрос о выборе пути. Мы окажемся изменниками и предателями революции, если не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь"***.

Но не стоит забывать, что в тех же "Двух тактиках..." Ленин категорически предостерегал от опасного забегания вперед, от нелепых, полу-

*Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.11. С.38-39.

**Там же. Т.11. С.103.

анархических, как он выражался, мыслей о "немедленном осуществлении программы-максимум, о завоевании власти для социалистического переворота", подчеркивая невозможность "затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма"*.

Вместе с тем мысль Ленина уже в 1905 г. шла дальше, к возможности постепенного, поэтапного перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, причем в ходе этого процесса должна была произойти естественная перегруппировка классовых сил в стране (отход от революции зажиточного крестьянства и части средних городских слоев, особенно интеллигенции, усиление колебаний крестьянина-середняка, более тесное объединение рабочих с полупролетарскими элементами города и деревни). Ленин подчеркивал, что большевики стоят за непрерывную революцию в ее марксовом понимании: "... от революции демократической, — писал он в сентябре 1905 г., — мы сейчас же начнем переходить — и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата — начнем переходить к социалистической революции"**. Сегодня эта мысль, да еще применительно к 1905 году, выглядит чистой утопией, но выбросить ее из истории социалистической доктрины невозможно.

Расширение рамок революции в России связывалось Лениным с перспективами развития европейской революции. "Победив в предстоящей демократической революции, — говорилось в "Извещении о III съезде РСДРП", написанном Лениным, — мы сделаем этим гигантский шаг вперед к своей социалистической цели, мы сбросим со всей Европы тяжелое ярмо реакционной военной державы и поможем быстрее, решительнее и смелее пойти к социализму нашим братьям, сознательным рабочим всего мира, которые так истомились в буржуазной реакции и духовно оживают теперь при виде успехов революции в России. А с помощью социалистического пролетариата Европы мы сумеем не только отстоять демократическую республику, но и пойти к социализму семимильными шагами"***.

По вполне понятным причинам (уже с 1906 г. революция в России пошла на спад, а в Европе, несмотря на подъем там рабочего и демократического движения, революционная ситуация так и не сложилась) идеи Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую не получили в 1905-1907 гг. дальнейшей конкретизации. Несколько интересных мыслей по этому поводу высказал в 1905-1906 гг. А.В. Луначарский. В статье "Капитализм и социализм", опубликованной 1 декабря 1905 г. в редактировавшейся В.И. Лениным большевистской

*Ленин В.И. Полн.собр. соч. Т.11. С.16.

**Там же. Т.11. С.222.

***КПСС в резолюциях... Т.1. С.111.

газете "Новая жизнь", он писал, что при определенных условиях (установление в России демократической республики, высокая степень революционности и организованности пролетариата, политическая поддержка его крестьянством, социалистическая революция в Западной Европе) возможны немедленные меры к обобществлению созревших уже для этого отраслей промышленности. Но капиталу, продолжал Луначарский, останется еще громадная область мелкого производства, где ему предстоит пока только подготовить почву для социализма. Капитал должен сыграть свою роль в экономике до конца, и прежде, чем он сделает это, немыслимо полное осуществление социализма. Однако политического господства представителей капитала мы не должны допустить уже сейчас, подчеркивал Луначарский.

В 1906 г. в большевистском "Невском сборнике" А.В. Луначарский предложил программу мероприятий, которые могли бы поднять благосостояние российской деревни, и называет среди них экспроприацию железных дорог, рудников, шахт, нефтепромыслов, т.е. "принявших уже монопольный характер промышленных предприятий"*. Осуществляя эту программу, пишет Луначарский, русская революция еще не выйдет за пределы капитализма, но пойдет гораздо дальше всех предшествующих революций в направлении к социализму.

Только жизнь могла дать ответ на вопрос, как далеко и насколько быстро продвинется вперед начавшаяся в январе 1905 г. в России демократическая революция. Однако принципиальное направление стратегии и тактики большевиков было совершенно ясно: "толкать буржуазную революцию как можно дальше, никогда не забывая главного нашего дела: самостоятельной организации пролетариата"**.

Для последовательного революционера, особенно учитывая неизбежность отката любой революции после ее первых успехов назад, это была вполне логичная позиция. Вопрос заключался в другом: насколько реалистичной она была в конкретных условиях России 1905 года и как относился к ней народ?

3. Меньшевистская линия в революции

Параллельно с выработкой стратегии и тактики большевиков шло и оформление политической платформы меньшевизма — второго, после большевизма, крупного идейно-политического течения в рабочем движении России.

На протяжении многих десятилетий меньшевики рассматривались в советской историографии как непролетарская, мелкобуржуазная партия, хотя гораздо более умеренные в своих тактических установках партии II

*Невский сборник. Вып. 1. СПб. 1906. С. 8.

**Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 381.

Интернационала и современного Социнтерна справедливо считались, пусть с некоторыми оговорками, пролетарскими.

Пафос обличения идейных противников большевизма подчас доходил до того, что меньшевизм выглядел чуть ли не главным препятствием на пути развития революции.

Говоря о двух тактиках социал-демократии в демократической революции — большевистской и меньшевистской, мы не должны забывать и о том, что объединяло эти течения: об их борьбе за свержение самодержавия и установление в России демократической республики, о признании ими насильственных, вооруженных форм смены одного общественного строя другим и выдающейся роли пролетариата в начавшейся революции. Столь же очевидно, что нет оснований выводить меньшевизм за рамки революционного лагеря и за рамки марксизма, лишать его права на представительство интересов рабочего класса. Больше того, давно пора признать, что многим рабочим, не говоря уже о радикально настроенной интеллигенции, не могла не импонировать ставка меньшевиков на развитие самостоятельности пролетарских масс, их профессиональных организаций и демократических норм партийной жизни, широкое использование легальных форм борьбы за улучшение положения народных масс.

Тем не менее совершенно очевидно, что фракционные споры в РСДРП имели достаточно серьезные причины. Если большевики стремились любой ценой продвинуть революцию как можно дальше, то меньшевики тяготели к поиску более умеренных, но зато и сопряженных с меньшими издержками путей общественного прогресса, не останавливаясь перед тем, чтобы в отдельных случаях даже "притормозить" слишком разбушевавшееся стихийное народное движение (об этом, например, прямо писал Г.В. Плеханов)*. Большевики всегда ориентировались на самые глубокие "низы" общества, прежде всего на рабочих и беднейших крестьян, сознательно отказываясь от соглашения с либералами, тогда как меньшевики никогда не расставались с идеей создания единого антиправительственного лагеря, отводя в нем видную роль либералам и призывая не пугать их преждевременно "красным призраком социализма".

Если большевики явно отдавали приоритет субъективным факторам исторического процесса, доходя в ряде случаев до прямого волюнтаризма, то меньшевики, наоборот, грешили скорее "экономическим фатализмом", предупреждая об опасности любого "подстегивания" естественного хода истории и строго следуя известному принципу Маркса: ни один новый общественный строй не может родиться раньше, чем старый исчерпает до конца все свои возможности. Созданному большевиками культу сильной организации профессиональных революционеров меньшевики

*См.: Плеханов Г.В. Соч. Т.15. М.; Л., 1926. С.12.

противопоставляли курс на развитие сознания и инициативы самих пролетарских масс, большевистскому "кадетоedству" — стремление к соглашению между рабочей и либеральной демократией, а ленинскому "неонародничеству" — взгляд на крестьянство как носителя консервативных, собственнических тенденций.

Бесспорно, уже в начале своего пути часть меньшевиков потенциально тяготела к идеям социального и политического партнерства пролетариата с буржуазией, общенационального консенсуса и реформизма, однако вплоть до 1917 г. эти идеи еще не определяли лицо меньшевизма как течения социальной мысли и фракции РСДРП. Более того, в 1905-1906 гг. были случаи, когда меньшевики предлагали даже более радикальные решения того или иного конкретного вопроса, чем большевики, что не мешало им затем горько каяться в допущенных ошибках и круто поворачивать вправо*.

Общеизвестно, что при решении тех сложнейших проблем, которые постоянно подбрасывала им российская действительность, и большевики, и меньшевики стремились опереться на марксистские авторитеты, в частности на те оценки, которые давали Маркс и Энгельс предшествующим европейским революциям, включая Парижскую коммуну. Были для этого и объективные ("догоняющий" характер общественно-политического развития России по западному пути, относительная молодость российской социал-демократии) и субъективные причины, коренившиеся в известной робости русской теоретической мысли, наличии в национальном менталитете значительного церковно-догматического элемента, привычке к недостаточно критическому заимствованию зарубежного опыта, претензиях марксизма на универсальность своих выводов. Грешили этим обе фракции российской социал-демократии, но для меньшевиков была характерна большая приверженность букве марксизма и некоторое теоретическое начетничество, тогда как большевики смелее шли на модернизацию марксизма в своих прагматических целях, не останавливаясь перед пересмотром тех его положений, которые уже не работали в начале XX в. в такой специфической стране, как Россия. При этом в ряде случаев марксистский догматизм меньшевиков служил своего рода противовесом от большевистского волюнтаризма, но часто он сковывал и деформировал естественный и совершенно необходимый процесс творческого развития русского марксизма, имевшего дело с совершенно иными реалиями, чем "классический" марксизм на Западе.

*Подробнее о меньшевистской доктрине и тактике в период первой российской революции см.: Логунов А.П. Революция 1905-1907 годов и российская социал-демократия. Ростов-на-Дону. 1992.

Совершенно очевидно, что самый подход русских марксистов к наследию своих учителей нес на себе определенный отпечаток их фракционных пристрастий и устремлений. Так, меньшевики делали акцент прежде всего на тех положениях "старого" марксизма XIX века, которые отражали объективную ограниченность тогдашней ситуации с точки зрения реальных сил рабочего класса и перспектив его борьбы за социализм, охотно цитируя высказывания Маркса и Энгельса 40-х годов о необходимости поддержки пролетариатом оппозиционных выступлений буржуазии. Особенно отличался этим Г.В. Плеханов. Большевики, наоборот, выбирали из работ Маркса и Энгельса совсем другое: критику конституционных иллюзий и соглашательства немецких либералов, мысли о плебейском способе расправы с абсолютизмом, революционной диктатуре, самодержавии народа, народном восстании, необходимости сильной конспиративной организации революционеров. При этом для Ленина была необычайно важна динамика развития марксистской мысли, ее внутренняя диалектика и порой беспощадная самокритика, тогда как меньшевики стремились абсолютизировать наиболее созвучные их настроениям положения марксизма, часто вырывая их из исторического контекста и не учитывая изменений позиций самих Маркса и Энгельса под влиянием смены одной исторической ситуации другой.

Стратегия и тактика меньшевизма вырабатывались в редакции "Искры", которая была мозговым центром фракции. Эту роль "искровские" идеологи выполняли и после Женевской конференции меньшевиков, ибо избранная на ней Организационная комиссия состояла в основном из работников-практиков (А.А. Тарасевич, Я.М. Гринцер, В.А. Гутковский (Евг. Маевский), М.С. Макоджуб (Панин), Л.М. Хинчук), призванных руководить деятельностью меньшевистских организаций в России. Что касается политического курса меньшевизма, то его "архитекторами" были в то время Г.В. Плеханов (хотя по ряду вопросов он занимал особую позицию), П.Б. Аксельрод, Ю.О. Мартов, А.С. Мартынов, Ф.И. Дан.

Признанным лидером меньшевиков, первым поднявшим на II съезде РСДРП знамя восстания против "ленинизма", был Ю.О. Мартов (настоящая фамилия Цедербаум, 1873-1923). Этот мягкий, деликатный человек, которого, в отличие от Плеханова, никто не рискнул бы обвинить в "барских" замашках, был душой и совестью меньшевизма. Его нравственный авторитет в меньшевистских кругах был поистине огромен. Мартова ценили за блестящий журналистский талант, внутренний демократизм, широту кругозора, колоссальную эрудицию. К 1905 г. он имел уже почти 15-летний революционный стаж, прошел тюрьму, суровую сибирскую ссылку (1897-1900). Мартов вел социал-демократическую работу в Вильно, был "крестным отцом" Бунда, активно участвовал в деятельности

петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса", где близко сошелся и подружился с Владимиром Ульяновым. В полной мере его талант публициста проявился в газете "Искра", членом редакционной коллегии и одним из ведущих авторов которой он был в 1901-1905 гг.

Мартов не был крупным теоретиком или выдающимся тактиком. Он не был создан для грубого ремесла политика, часто требующего не столько интеллекта и высокой морали, сколько железной воли, хитрости и демагогии, чего всегда не хватало лидеру меньшевиков. Однако политическая честность Мартова, его безграничная вера в гуманистическую сущность демократического социализма, глубокий и искренний интернационализм обеспечили Юлию Осиповичу Мартову почетное место в истории революционного и социалистического движения в России, а также международное признание.

Как и большевики, меньшевики считали начавшуюся в России в январе 1905 г. революцию буржуазно-демократической, но в оценке целого ряда моментов (роль пролетариата, расстановка политических сил, соотношение различных форм борьбы, перспективы движения и т.д.) значительно расходились со сторонниками Ленина. Меньшевики, как и большевики, видели в рабочих главную движущую силу революции, призванную нанести решающий удар по самодержавию. Сложнее обстояло дело с проблемами пролетарской гегемонии в революции, участия представителей рабочего класса в органах революционной власти, соотношения стихийности и организованности в рабочем движении.

В 1905 г. в меньшевистской "Искре" звучало немало лестных слов в адрес рабочих, а в решениях Женевской конференции меньшевиков прямо говорилось, что рабочий класс уже занял "центральное место в русской общественной жизни" и своим близким освобождением от царизма страна обязана исключительно его героической борьбе. В 1906-1907 гг. восторгов по поводу героизма рабочих стало значительно меньше, а наиболее откровенные меньшевики заговорили о переходе гегемонии в освободительном движении к партии кадетов. В дальнейшем, обобщая опыт революции, меньшевики пришли к выводу, что "неустойчивая и очень условная идейная гегемония пролетариата" существовала лишь до октября 1905 г., после чего рабочие оказались в состоянии политической изоляции. Лидером буржуазной революции, как считал Ю.О. Мартов, может быть лишь буржуазия*. Это мнение и стало у меньшевиков преобладающим.

Что касается вопроса об отношении к крестьянскому движению, то здесь большевиков и меньшевиков объединяла принципиальная поддер-

* См.: Голос социал-демократа. 1908. № 4-5. С.10-11; Рубакин Н.А. Среди книг.: В 3 т. 2-е изд. Т.2. М., 1913. С.771-772.

жка антипомещицкой борьбы крестьян, требование создания в деревне крестьянских комитетов, признание необходимости организации сельского пролетариата. Однако у меньшевиков все эти положения носили довольно расплывчатый характер. Так, например, образование крестьянских комитетов они откладывали до созыва Учредительного собрания*, тогда как большевики призывали к созданию революционных (меньшевики упорно опускали это слово) крестьянских комитетов немедленно, без всяких отсрочек.

Как вспоминал позже Г.В. Плеханов, некоторые делегаты меньшевистской конференции в Женеве даже не пытались скрыть опасений, которые внушало им массовое крестьянское движение, соглашаясь в лучшем случае "не противиться" крестьянским требованиям**. Сам Плеханов был настроен гораздо более радикально: он считал, что крестьянство вступило в смертельную борьбу со старым помещичьим дворянством, требует экспроприации помещиков и заслуживает в этом плане полной поддержки пролетариата***. Что касается дальнейшей судьбы помещичьих латифундий, то здесь Плеханов колебался между их раздачей в частную собственность крестьянам и так называемой "муниципализацией", которую еще до революции предлагал меньшевистский теоретик аграрного вопроса П.П. Маслов. В конечном счете, как уже говорилось выше, официальной линией меньшевизма стал курс на "муниципализацию" помещичьей земли, в значительной мере навеянный модными тогда на Западе идеями "муниципального социализма".

В отличие от большевиков, проводивших четкое различие между революционной демократией и либерализмом, меньшевики тяготели к широкому пониманию оппозиции как политического блока, включающего в себя весь спектр левых сил от социал-демократов до кадетов. Не случайно Женевская меньшевистская конференция 1905 г. приняла пространную резолюцию "Об отношении к другим революционным и оппозиционным партиям". Следуя традиции, восходящей к резолюции А.Н. Потресова об отношении к либералам, принятой (наряду с более резкой и определенной резолюцией Г.В. Плеханова) на II съезде РСДРП, меньшевики стремились не ставить либералам "невыполнимых" условий, пытались координировать с ними свои действия, дорожили их поддержкой в ходе освободительной борьбы. Поэтому условия сплочения всех антиправительственных сил формулировались меньшевиками достаточно обтекаемо и широко: поддержка борьбы пролетариата, признание требований Учредительного собрания, всеобщего избирательного права и т.д. (ни о демократической республике, ни о восстании здесь не говорилось).

*См.: Первая общерусская конференция партийных работников. Женева, 1905. С. 22.

**См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. 15. С. 25-26.

***Там же. Т. 13. С. 251.

Иным, чем у большевиков, было и отношение меньшевиков к роли марксистской партии в предстоящем вооруженном восстании. Они видели в последнем неуправляемый стихийный процесс, мало зависящий от усилий революционных партий, а подготовку его "конспиративно-организационными средствами" вообще считали невозможной, предлагая сосредоточить все силы на агитации в пользу "самовооружения" народа. Правда, эта линия проводилась меньшевиками довольно непоследовательно: так, на страницах меньшевистской "Искры" можно было найти практические советы по ведению уличного боя; были среди меньшевиков и боевики-дружинники, и военные инструкторы, и специалисты по изготовлению взрывчатых веществ.

Члены меньшевистской Одесской группы РСДРП Б.О. Богданов, К.И. Фельдман и А.П. Березовский активно участвовали в руководстве восстанием на броненосце "Потемкин", а делегат I съезда РСДРП меньшевик Александр Ванновский лично участвовал в вооруженной демонстрации саперов в Киеве в ноябре 1905 г. В 1906 г. он работал в Московском военно-техническом бюро, был автором нескольких брошюр о тактике уличного боя и изготовлении взрывчатки. Военную работу в Польше, Кронштадте, Петербурге вел выпускник юнкерского училища меньшевик (позже большевик) В.А. Антонов-Авсеенко, который в 1906 г. редактировал газету "Казарма" — орган Петербургского комитета РСДРП и готовил военное восстание в Севастополе. И все же справедливости ради нужно сказать, что в общем и целом военно-боевая работа играла в деятельности меньшевиков гораздо меньшую роль, чем у большевиков.

Интересно отметить, что комиссия, работавшая во время Женевской конференции, подготовила проекты двух резолюций — "О вооружении" и "Об агитации в войсках", однако за недостатком времени они даже не рассматривались делегатами. В первой из них речь шла об организации самозащиты рабочих во время уличных схваток с полицией и войсками, о нападении на склады оружия и правительственные учреждения, а также о планах захвата отдельных городов восставшим народом. Предполагалось выделять средства на приобретение оружия для боевых рабочих дружин и создавать при местных комитетах РСДРП специальные технические группы по вопросам вооруженной борьбы. Во второй резолюции подчеркивалась необходимость усиления революционной агитации в войсках и антимилитаристской агитации среди рабочих и крестьянских масс, организации совместных рабоче-солдатских кружков и собраний, а также особых социал-демократических групп в сухопутной армии и военно-морском флоте.

Нельзя не сказать о том, что в материалах Женевской конференции меньшевиков были и такие резолюции, которые не имели аналогов в

решениях III съезда РСДРП, хотя и съезд, и конференция обсуждали почти одни и те же вопросы. Так, меньшевики сочли необходимым принять специальные постановления об экономической борьбе, профсоюзах и различных "неформальных", выражаясь современным языком, организациях рабочего класса (революционные клубы и т.п.). При этом подчеркивалось, что РСДРП должна поддерживать постоянную связь с зарождающимися профсоюзами, оказывать им всяческую помощь и содействие, а члены рабочей партии обязаны быть одновременно и членами соответствующих профсоюзов. Профсоюзы, признающие программу РСДРП, получали, согласно решениям конференции, право на представительство в партийных организациях.

Для сравнения отметим, что большевики рассматривали на своем съезде вопрос об отношении к профсоюзам лишь в самой общей форме, призвав использовать все легальные или полулегальные рабочие общества, союзы и другие организации для обеспечения преобладающего влияния на них социал-демократии и превращения их, по мере возможности, в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России. Кроме того, большевики призывали рабочих к немедленному введению революционным путем 8-часового рабочего дня и осуществлению других, стоящих на очереди, требований рабочего класса.

Что касается коренного вопроса революции — вопроса о власти, то меньшевики подходили к его решению крайне осторожно. Опасаясь слишком забежать вперед, "перескочить" через какую-нибудь ступень революционного процесса и оказаться в фальшивом положении партии, делающей чужое, не свойственное ей дело, они решительно возражали против участия РСДРП во временном революционном правительстве. Социал-демократия, считали меньшевики, не должна ставить себе целью захватить или разделить власть, а должна оставаться партией "крайней революционной оппозиции"*.

Обоснованию меньшевистских взглядов по этому вопросу была посвящена опубликованная в начале 1905 г. в Женеве брошюра А.С. Мартынова "Две диктатуры", в которой проводилась параллель между революцией в России и якобинской диктатурой 1793-1794 гг. во Франции.

А.С. Мартынов (настоящая фамилия Пикер, 1865-1935) принадлежал к числу тех социал-демократов, для которых первая российская революция стала временем их активной деятельности в высшем эшелоне меньшевизма. Выходец из еврейской купеческой семьи, Мартынов к 1905 г. имел уже за плечами богатое революционное прошлое: работу в "Народной воле", тюрьму, десятилетнюю ссылку на Колыму и в Якутию, переход на позиции марксизма, социал-демократическую работу на Украине,

*Первая общерусская конференция партийных работников. С. 24.

эмиграцию, сотрудничество с главным заграничным органом "экономистов" журналом "Рабочее дело". В 1904 г. по совету Троцкого он начал сотрудничать в меньшевистской "Искре", а в 1905 г. меньшевики издали его упомянутую выше брошюру "Две диктатуры", которая стала частью их теоретического кредо в период революции.

Еще в юности, занимаясь на юридическом факультете Петербургского университета (закончить его из-за участия в студенческом движении ему не дали) под руководством проф. В.И. Семева, Мартынов приобрел склонность к изучению исторических сюжетов, которая сохранилась у него до конца жизни.

Им были написаны "Очерки русской истории", выдержавшие несколько изданий, а позже, в меньшевистский период своей деятельности он стал одним из историков общественной мысли и общественного движения в России.

Это был человек с бьющей через край энергией, убежденный противник Ленина и большевиков, что, впрочем, не помешало ему в 1923 г., в обстановке агонии меньшевизма, вступить в РКП(б) и шумно осуждать свои былые ошибки. В конце октября 1905 г. Мартынов приехал в Петербург, работал в газете "Начало", которая пришла на смену "Искре", защищал теорию "перманентной" революции Парвуса и Троцкого. В 1907 г. активно помогал работе социал-демократической фракции II Государственной думы.

Отметим здесь следующую, высказанную Мартыновым мысль, имевшую принципиальное значение для определения стратегической линии меньшевизма в революции: "Предстоящая русская революция будет революция буржуазная; а это значит, что, каковы бы ни были перипетии этой революции, хотя бы даже в этих перипетиях пролетариат на момент очутился у власти, она в конечном счете обеспечит только в большей или меньшей степени господство всех или некоторых буржуазных классов, и если бы она была наиболее удачная, если бы она заменила царское самодержавие демократической республикой, то и в этом случае она доставит безраздельное политическое господство буржуазии". Пролетариат, продолжал Мартынов, "не может получить ни всей, ни части политической власти в государстве", пока не совершит социалистической революции*.

Однако сами меньшевики допускали два очень существенных исключения из своей жесткой схемы: во-первых, они признавали возможным "частичный, эпизодический" захват власти в отдельных городах и районах страны с образованием там революционных коммун, а во-вторых, — создание общероссийского социал-демократического правительства в случае начала революции в передовых западных странах, где "достигли

*См.: Мартынов А.С. Две диктатуры. Женева, 1905. С.58.

уже известной зрелости условия для осуществления социализма". В этом случае, считали меньшевики, "ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться и явится возможность вступить на путь социалистических преобразований"*.

В целом меньшевикам были присущи постоянные колебания и крайняя нерешительность в принятии политических решений. Не случайно их "мягкость" и "мудрость" очень импонировали, например, лидеру кадетов П.Н. Милюкову, который часто хвалил в 1906-1907 гг. Г.В. Плеханова, хотя идея координации действий революционных и оппозиционных сил провалилась не только из-за сопротивления большевиков, но и потому, что сами либералы не верили в возможность примирения пролетариата и буржуазии. Добавим к этому, что в период отступления революции меньшевики делали основную ставку на парламентские формы борьбы и развитие профсоюзного движения, требовали создания ответственного перед Думой буржуазного правительства и т.д., практически сняв после декабря 1905 г. лозунг вооруженного восстания.

Чем дальше, тем больше выявлялось стремление многих меньшевиков абсолютизировать значение буржуазной демократии и европеизированного российского капитализма, отодвинуть осуществление социалистических задач пролетариата в далекое будущее, что постепенно все больше отдаляло их от большевиков. Попытка меньшевиков перенести на русскую почву западную марксистскую модель общественного развития, на которую ориентировались партии II Интернационала, оказалась в конечном счете неудачной. И это стало источником настоящей политической драмы меньшевизма.

4. Теория "перманентной" революции

В 1905 г. в основном сложилась и теория "перманентной" (непрерывной) революции Парвуса-Троцкого, за которой в историографии прочно, хотя и не вполне справедливо утвердилось название "троцкистской".

Сама идея непрерывной революции (*Revolution im Permanenz*) восходит к Марксу, который употребил этот термин еще в 1844 г., анализируя события Великой Французской революции конца XVIII в.**. В ее непрерывном многолетнем развитии по восходящей линии прослеживалась известная закономерность, состоявшая в последовательной передвигке власти справа налево — сначала от абсолютистского режима к монархически настроенной крупной буржуазии и либеральному дворянству, затем к республиканской средней буржуазии и, наконец, к революционному бло-

*Первая общерусская конференция партийных работников. С.24-25; Искра. 1905. 17(30) марта.

** См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.. Т.1. С.393; Т.2. С.137.

ку городской средней и мелкой буржуазии, большей части крестьянства и предпролетариата (якобинская диктатура).

В свете событий 1848-1849 гг. в Европе Маркс и Энгельс стали интерпретировать непрерывную революцию как процесс, начинающийся с победы буржуазии над абсолютизмом и завершающийся установлением политического господства пролетариата. В непрерывном сохранении революционной обстановки, постепенном углублении и расширении масштабов демократических преобразований, вовлечении в них все более широких слоев народных масс и усилении роли рабочего класса они видели оптимальный вариант развития событий в Германии и других странах, охваченных в середине XIX века революцией.

В ходе такой непрерывной революции власть должна была последовательно переходить от сторонников абсолютизма к умеренным либералам, затем к мелкобуржуазной демократии, а от нее — к пролетариату. "...Наши интересы и наши задачи, — писал Маркс и Энгельс в 1850 г., — заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти..."*

Маркс и Энгельс были глубоко убеждены в том, что пролетарская революция примет международный характер и охватит по крайней мере все ведущие страны Запада. Таким образом, речь шла о "двойной" непрерывности революционного процесса — в рамках каждой данной страны и всего европейского сообщества в целом. И хотя жизнь довольно быстро показала, что надежды на победу рабочего класса в середине XIX в. оказались очередным вариантом революционного романтизма, которым в большей или меньшей степени грешили все великие революционеры, сама идея "перманентной" революции осталась в теоретическом арсенале международного социалистического движения.

Вполне понятно, что период относительно мирного развития общества, наступивший после разгрома Парижской коммуны, не благоприятствовал ее дальнейшей разработке. Когда же в начале XX в. над Россией стала собираться революционная гроза, которая не могла не повлиять и на события в Западной Европе, ведущий теоретик германской социал-демократии и всего II Интернационала Карл Каутский вернулся к мыслям Маркса и Энгельса о непрерывной революции. Непосредственная цель революции в России, считал он, будет, конечно, заключаться не в построении социализма, а в утверждении демократии. Однако главным фактором жизнеспособности нового демократического строя и гарантом его упрочения и дальнейшего развития станет не российская буржуазия, а пролетариат, что приведет к немаловажным последствиям. В свою оче-

*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.7. С.261.

редь, революция в России явится, по мысли Каутского (а он в данном случае лишь повторял то, что говорили Маркс и Энгельс применительно к России времен "Народной воли"), той искрой, от которой вспыхнет революционный пожар в Западной Европе, прежде всего в Германии. Этот процесс завершится установлением там пролетарской власти, которая поможет русским рабочим модернизировать экономику России и создать материальные условия для строительства социалистического строя вместе с более передовыми странами Запада*. Примерно в этом же плане писали в 1905 г. о перспективах "перманентной" революции в России Роза Люксембург и Франц Меринг.

Эту идею развивал и левый немецкий социал-демократ Парвус (А.Л. Гельфанд). Выходец из России, он рано эмигрировал в Западную Европу, активно включился в немецкое социал-демократическое движение и примкнул к его левому крылу. Выступая под литературным псевдонимом Парвус, он получил широкую известность своими статьями против Бернштейна, а также анализом состояния мировой экономики и международных отношений на рубеже XIX и XX вв. Парвус поддерживал тесные связи и с русскими социал-демократами: печатался в "Искре", был лично знаком с Лениным и его товарищами. После раскола РСДРП он встал на сторону меньшевиков, но затем занял более левую позицию, которая неоднократно получала одобрение Ленина, хотя полной идейной близости с большевиками у Парвуса никогда не было, а ряд его идей Ленин подвергал в 1905 г. критике.

Парвус дал собственную интерпретацию мысли Маркса о непрерывном развитии демократической революции вплоть до прихода к власти рабочего правительства. Если в строгом соответствии с формулой Маркса на смену самодержавию в России должна была прийти сначала конституционная монархия с правительством либералов, а уже потом та или иная коалиция эсеров, социал-демократов и других революционных организаций, то Парвус предлагал начать прямо с создания в ходе вооруженного восстания социал-демократического правительства "рабочей демократии" (отсюда и его известный лозунг: "Без царя, а правительство рабочее"). Главную задачу этой новой революционной власти Парвус видел в осуществлении программы-минимум РСДРП, соединявшей общедемократические требования, уже реализованные в ходе буржуазных революций на Западе, с требованиями, направленными на радикальное улучшение положения рабочего класса, включая 8-часовой рабочий день.

Что касается российского крестьянства и его революционных возможностей, то к ним Парвус относился очень сдержанно, считая, что главные классовые бои развернутся в России между самодержавием и пролетариа-

*См.: Die Neue Zeit, Jg. XXII, 1903-1904, Bd. I, S. 623-627.

том, тогда как крестьяне способны лишь "увеличить политическую анархию в стране и, таким образом, ослабить правительство"* . Как бы важна сама по себе ни была такая задача, крестьянство, по мнению Парвуса, было обречено на то, чтобы оставаться лишь вспомогательной, резервной силой революции и не могло претендовать в ней на сколько-нибудь самостоятельную политическую роль.

Именно идеи Парвуса и оказали в 1904-1905 гг. наибольшее влияние на Троцкого, который откровенно признавал, что львиная доля заслуг в обосновании теории "перманентной" революции принадлежит не ему, а Парвусу, хотя и отрицал полное совпадение их взглядов (в частности, он не солидаризировался с лозунгом "Без царя, а правительство рабочее")**.

Л.Д. Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн, 1879-1940) был выходцем из быстро богатеющей мелкобуржуазной семьи с Юга России. В 1897 г., едва закончив реальное училище, он вступил в социал-демократическое движение, активно работал в Николаевском "Южно-русском рабочем союзе", но уже в начале 1898 г. был арестован и после двухлетнего тюремного заключения выслан в Восточную Сибирь. Бежав из ссылки, Троцкий приехал осенью 1902 г. в Лондон и стал сотрудником "Искры", быстро завоевав доверие Ленина. Достаточно сказать, что весной 1903 г. Ленин даже ставил вопрос о введении Троцкого в состав редакции "Искры", но не получил поддержки Плеханова, который с самого начала отнесся к молодому сотруднику с нескрываемой антипатией.

После II съезда РСДРП Троцкий примкнул к меньшевикам и неоднократно выступал с грубыми нападками на Ленина и большевизм, но уже осенью 1904 г. занял "внефракционную", центристскую позицию, хотя продолжал поддерживать связь с меньшевиками и печатался в "Искре". Человек острого ума и сильной воли, он, однако, скорее отталкивал, чем притягивал к себе людей. Самоуверенность и некоторое высокомерие, а также парадоксальность и смелость многих его идей в значительной мере обрекали Троцкого на политическую изоляцию. Можно вполне определенно сказать, что политические взгляды Троцкого до 1917 г. особого успеха в РСДРП не имели. Больше того, вряд ли имеет смысл вообще говорить в то время о "троцкизме" как о каком-то самостоятельном революционном течении, имевшем сколько-нибудь прочную базу в российском рабочем движении.

В феврале 1905 г. Троцкий нелегально прибыл в Киев, откуда перебрался вскоре в Петербург. В России он контактировал и с большевиками в лице Л.Б. Красина, и с меньшевиками, но сильно отличался от последних своим свержкритическим настроением по отношению к либералам,

* Парвус. Россия и революция. СПб. 1906. С.140-141.

**Наше слово (Париж). 1915. 14 февраля.

здравыми взглядами на проблему технической подготовки вооруженного восстания и горячей поддержкой идеи Парвуса о ведущей роли РСДРП в будущем временном революционном правительстве. Летом 1905 г., опасаясь ареста, Троцкий уехал в Финляндию, где и оставался до середины октября, когда вернулся в столицу.

Как писал позже сам Троцкий, резюмируя суть теории "перманентной" революции, она сложилась у него в промежуток времени между "Кровавым воскресеньем" и Всероссийской октябрьской политической стачкой. "Мудреное название это выражает ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершить глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой крестьянской стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мирового революционного пролетариата"*.

Позаимствовав у Маркса, Каутского и особенно у Парвуса ряд основополагающих элементов теории "перманентной" революции, Троцкий придал им вид логически завершенной схемы развития революционного процесса в России и других, еще более отсталых капиталистических странах (второго и третьего эшелонов развития капитализма, выражаясь современным языком). При этом в ряде моментов от отошел от тех представлений о непрерывной революции, которые были у Маркса (особенно там, где речь шла о механизме передвижки власти в ходе революции), сделал акцент на фатальной, с его точки зрения, неизбежности столкновения пролетариата и крестьянства и заострил вопрос о мировой революции как единственном гаранте победоносной пролетарской революции в России.

Наиболее подробно основные положения теории "перманентной" революции Троцкий изложил в работе "Итоги и перспективы", вошедшей в легально изданный в Петербурге в 1906 г. сборник его статей "Наша революция" (почти весь его тираж был немедленно после выхода в свет конфискован полицией). Самостоятельное издание брошюры "Итоги и

*Троцкий Л.Д. 1905 год. М., 1922. С.4-5.

перспективы" относится уже к 1919 г., когда она и получила широкую известность в Советской России. Дальнейшее развитие теория "перманентной" революции получила в книге Троцкого "Russland in der Revolution", изданной в 1909 г. на немецком языке в Германии (в 1922 г. увидело свет и ее русское издание под названием "1905 год"). Наконец, этой же проблеме была посвящена и специальная книга Троцкого "Перманентная революция", изданная после его высылки из СССР в Берлине в 1930 г. на русском языке.

В основе теоретических построений Парвуса и Троцкого лежала идея о том, что в России в результате существенных особенностей ее исторического развития (вековая отсталость, огромная сила и независимость самодержавия от всех, в том числе, и господствующих классов общества, значительная роль иностранного капитала, слабость национальной буржуазии и городского мещанства и т.д.) отсутствует революционная буржуазная демократия в западноевропейском понимании этого слова. Поэтому решение задач буржуазной революции здесь должен был взять на себя пролетариат — единственный подлинно революционный класс страны. Исходя из этого, Троцкий предполагал, что итогом победы демократической революции в России станет "диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство"*.

Эта формула, которую сам Троцкий открыто противопоставлял ленинскому лозунгу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, свидетельствовала о том, что он признавал лишь строго вертикальную структуру взаимоотношений между двумя основными трудящимися классами, где пролетариату и его партии отводилось место на вершине революционной пирамиды, а крестьянству — где-то у ее основания. Между тем Ленин, последовательно отстаивая идею гегемонии пролетариата, тем не менее отнюдь не считал в 1905 г., что социал-демократия обязательно возглавит временное революционное правительство. Он вполне допускал, например, что преобладать в нем будут "самые разношерстные представители революционной демократии"** , а проще говоря, — те же эсеры и другие неонароднические течения, за которыми шло большинство крестьян. Не считал Ленин обязательным и такой вариант развития событий, при котором социал-демократия, оказавшись в составе органов новой, революционной власти, сразу же "наломает дров", бросившись на прямой социалистический штурм и рассыпавшись на этой почве с крестьянством.

Справедливости ради нужно сказать, что в дальнейшем сам Троцкий стал более высоко оценивать роль крестьянства в русской революции.

*Троцкий Л.Д. 1905 год. С.279.

**Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.12. С.327.

Например, летом 1906 г. он, как и Ленин, пришел к выводу, что новый революционный взрыв в России будет иметь шансы на успех лишь тогда, когда по-настоящему поднимется на борьбу деревня и пролетариат получит возможность опереться на широкое крестьянское движение.

Характерно, что и сам Ленин не считал нужным излишне драматизировать тогда свои разногласия с Троцким. Касаясь, в частности, различий между лозунгом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и формулой Троцкого, он писал в 1906 г.: "Но разве таких и подобных разногласий внутри социал-демократии не показывает нам любой период в развитии любой европейской социалистической партии?"*.

Ленин, несомненно, разделял идею непрерывности революционного процесса как оптимальный вариант развития событий 1905 г. в России и Европе. Больше того, в наброске "Этапы, направления и перспективы революции" (конец 1905- начало 1906 г.), который, правда, был опубликован уже после смерти Ленина, он в ряде моментов оказался очень близок к Троцкому, признав, в частности, что положение победившего пролетариата в России было бы почти безнадежным, если бы не поддержка европейского пролетариата. Отдавал он себе отчет и в возможности серьезных разногласий между рабочими и имущими слоями крестьянства, хотя, как нам кажется, и не считал этот конфликт фатально предопределенным и безнадежным, как это делал Троцкий.

Нельзя отрицать тот факт, то внутри объединенной РСДРП Ленин, Троцкий и представлявшая левых польских социал-демократов Р. Люксембург выступали в 1905 г. с наиболее радикальными взглядами на развитие революционного процесса в России и Западной Европе. Питательной почвой для таких взглядов служил целый ряд факторов: быстрые, порой головокружительные темпы развития революционных событий 1905 г., выдающаяся роль пролетариата в освободительном движении и политическая инертность и дряблость российской буржуазии, значительный численный рост РСДРП, эффективное воздействие революции в России на рост революционных настроений на Западе. К этому можно было бы добавить и такой естественный психологический фактор, как революционное нетерпение, которым всегда отличались русские революционеры, в том числе и марксисты.

Однако отсюда вовсе не следовало, что между взглядами Ленина и Троцкого на "непрерывную" революцию не было в 1905 г. абсолютно никаких различий. Так, Ленин "остыл" к идее непрерывной революции уже в 1906 г. и вернулся к ней по большому счету лишь в годы мировой войны, тогда как для Троцкого она была идеей всей его жизни. Были у них

*Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.10. С.18.

и естественные для каждого крупного политического деятеля оттенки в трактовке одних и тех же явлений и процессов. Были и расхождения во взглядах на крестьянство. Кроме того, на ленинском отношении к "перманентной революции" сказывались и колебания в его политических взаимоотношениях с Троцким. Накануне первой мировой войны, например, Ленин уже прямо называл эту теорию "несуразно левой".

Характерно, однако, что и после 1917 г., когда политический альянс Ленина и Троцкого достиг своей кульминации и оба крайне неохотно вспоминали о былых разногласиях, Ленин продолжал оценивать шансы "перманентной революции" на успех в 1905 г. довольно скептически. На прямой вопрос самого Троцкого, насколько реальна была в 1905 г. перспектива непрерывной революции в России, Ленин ответил: "Все равно тогда рано было. Эти 12 лет подготовки (имеется в виду период между 1905 и 1917 гг. - *Авт.*) многое изменили"* . И если даже в 1917-1920 гг., после вселенского военного пожара, который потряс не только Россию, но и всю Европу, идея "перманентной революции" осуществилась лишь частично, то применительно к 1905 г. она, бесспорно, может быть расценена лишь как ультрареволюционная утопия.

Вполне понятно, поэтому, почему взгляды Троцкого были подвергнуты серьезной критике со стороны меньшевиков. Правда, осенью 1905 г. его концепция нравилась некоторым левым меньшевикам, которые были недовольны слишком осторожной, половинчатой политикой Плеханова, Аксельрода и других лидеров правого крыла РСДРП. Однако в целом меньшевики и в 1905 г., и позже относились к Троцкому и Парvusу весьма критически**, считая, что даже взгляды большевиков, по сравнению с теорией "перманентной" революции, отличались "значительно большей реалистичностью и более глубоким проникновением в сущность исторического момента"***. Характерная деталь: Г.В. Плеханов, признав в 1906 г., что "непрерывная революция" хороша тем, что "не дает народу успокоиться и заснуть, тем, что она держит его в состоянии постоянного напряжения, тем, что она чрезвычайно быстро развивает его политическую мысль", все же заявил: "Для "permanence" (так он называл "перманентную" революцию. - *Авт.*) нужна такая сила, какой у нас еще нет..."****

В середине октября - начале декабря 1905 г. Троцкий с полной отдачей сил работал в Петербургском Совете рабочих депутатов. Формально он был лишь одним из членов его исполкома, а после ареста председателя

*РЦХИДНИ. Ф.325. Оп. 1. Д. 347. Л. 81

** См.: Общественное движение в России в начале XX века. Т.3, кн.5, СПб., 1914. С.553-554.

***Там же. С.555.

****Плеханов Г.В. Соч. Т.15. С.100.

Совета Г.С. Хрусталева-Носаря в конце ноября 1905 г. - членом президиума, который состоял из трех человек. Однако фактически вклад Троцкого в работу Петербургского Совета был значительно большим: он готовил обычно проекты основных резолюций, часто выступал на заседаниях Совета, редактировал его печатный орган "Известия". Как видно из воспоминаний А.В. Луначарского, В.И. Ленин в целом положительно оценивал деятельность Троцкого в Петербургском Совете. "Я помню, вспоминал Луначарский, — как кто-то сказал при Ленине: "Звезда Хрусталева закатывается, и сейчас сильный человек в Совете — Троцкий". Ленин как будто омрачился на мгновение, а потом сказал: "Что же, Троцкий завоевал это своей неустанной и яркой работой"*.

3 декабря 1905 г. Троцкий вместе с другими членами Исполкома Совета был арестован. Осенью 1906 г. состоялся открытый судебный процесс над руководящими деятелями Петербургского Совета, получивший большой общественный резонанс. Высланный в Сибирь, Троцкий вскоре бежал из г. Березова и весной 1907 г. принял участие в V съезде РСДРП, занимая там левоцентристские позиции. Дальнейшие события показали, однако, что его сближение с большевиками было в 1905-1907 гг. кратковременным и скоро сменилось новой полосой идейной конфронтации.

Приведенный выше фактический материал периода революции 1905-1907 гг. не подтверждает широко распространенных в советской историографии тезисов о Троцком как злейшем враге ленинизма и о троцкизме как разновидности меньшевизма. В рассматриваемое нами время Троцкий был внефракционным социал-демократом, занимавшим центристские позиции и не примыкавшим ни к меньшевикам, ни к большевикам. Стремясь встать "выше" фракционных споров большевиков и меньшевиков и преодолеть "крайности" обоих этих течений, он поочередно сближался то с одними, то с другими, но в конце концов пришел к Ленину, который и в теории, и в политической практике оказался ближе к нему, чем Плеханов или Мартов. С другой стороны, и Ленин в 1917 гг. осознал, что вместе с Троцким ему легче будет вести большевистскую партию к победе пролетарской революции.

Таким образом, идеологическая панорама российской социал-демократии в период революции 1905-1907 гг. отличалась необыкновенной широтой и богатством оттенков. В РСДРП и рабочем движении соперничали между собой несколько теоретических и тактических моделей, проверкой реальной ценности и жизненности которых стала практическая деятельность социал-демократов по руководству революционной борьбой народа с самодержавием.

*Луначарский А.В. Революционные силуэты. М., 1923. С.20.

ГЛАВА III. МАРКСИСТСКАЯ ПАРТИЯ В ДЕЙСТВИИ

1. Перестройка партийных рядов

Революция очень остро поставила вопрос о необходимости коренного изменения всей системы агитационно-пропагандистской и организаторской деятельности РСДРП, расширения внутривнутрипартийной демократии, значительного притока в партию свежих сил. Резкий, скачкообразный подъем революционного, прежде всего, рабочего движения в стране на новый качественный уровень, значительное расширение поля деятельности социал-демократии, появление у нее новых легальных возможностей, усиление тяги в партию рабочих, студентов, демократической интеллигенции — все это требовало значительного обновления организационных структур РСДРП. Нужно было создать благоприятные условия для развития инициативы рядовых партийцев, больше доверять их революционному чутью и здравому смыслу, дать возможность в полной мере развернуться способностям каждого члена партии, приблизить социал-демократические организации к рабочему классу и к народу в целом. Короче говоря, РСДРП должна была развиваться в направлении к превращению в массовую подлинно демократическую пролетарскую партию, избавляться от неизбежных в условиях подполья элементов сектантства, органически соединять революционное слово и революционное дело.

Обстановка революции предъявляла к РСДРП целый ряд как будто взаимоисключающих, а в действительности взаимосвязанных и взаимодополняющих требований: партия должна была вести повседневную войну с самодержавием во всех сферах общественной жизни, быть дисциплинированной, максимально сплоченной и в то же время достаточно открытой для новых людей, идей и инициатив организацией, сочетать в своей работе твердость и гибкость, разумный централизм и партийную демократию. Партии нужны были агитаторы и пропагандисты, дружинники-боевики и специалисты по транспортировке нелегальной литературы, организаторы явочных квартир и наборщики партийных типографий. Люди, которые умеют находить общий язык с рабочими и крестьянами, студентами и солдатами, представителями самых разных национальностей и конфессий. При этом все сказанное относилось и к большевикам, и к меньшевикам.

Разумеется, в полной мере решить все эти задачи и создать некую идеальную модель революционной марксистской партии в конкретных условиях России начала XX в. вряд ли представлялось возможным. Но работать в каждом из указанных выше направлений было совершенно

необходимо. И работа эта, как показывают документы и мемуарная литература, действительно шла.

Сила большевиков заключалась в их сплоченности, наличии строго централизованной, хорошо дисциплинированной и тщательно законспирированной организации. Однако в условиях подполья ее связи с массами были неизбежно ограничены, а принципы внутрипартийной демократии могли реализоваться лишь частично: выборность партийных органов подменялась кооптацией, ЦК мог по своему усмотрению распускать местные комитеты и держал под строгим контролем все стороны их деятельности и т.д.

Во многом сходная картина наблюдалась и в меньшевистских, а также в национальных социал-демократических организациях. Заметим, что сложившиеся на сегодняшний день представления о большевиках как о вождистской, заговорщической организации, построенной по принципу средневековых духовно-рыцарских орденов, с одной стороны, и о меньшевиках как "демократических социалистах" — с другой, страдают недостатком историзма и не могут быть безоговорочно распространены на ранние периоды их истории. Указанные различия, наметившиеся, правда, уже в момент зарождения большевистской и меньшевистской фракций РСДРП в качестве тенденций их развития, принимали четкие законченные формы лишь постепенно. Поэтому в период первой российской революции меньшевистские и национальные социал-демократические организации, хотя в ряде отношений они и были ближе по своему типу к партиям II Интернационала, страдали тем не менее от многих недостатков, присущих большевикам, с той лишь разницей, что были при этом более рыхлыми и менее дисциплинированными, чем эти последние. Не случайно практика партийной работы убедила меньшевиков в том, что жесткая ленинская формулировка первого параграфа устава РСДРП имела под собой достаточно веские основания и, обсуждая в 1906 г. на IV (Объединительном) съезде РСДРП новый общепартийный устав, они уже не возражали против нее, как это было в 1903 г.

Революция очень быстро выявила "узкие места" в практической деятельности социал-демократии. В большевистский заграничный центр шел буквально поток писем от местных комитетов РСДРП с совершенно однотипными требованиями: нужны люди, литература, деньги. В комитетах было слишком мало рабочих, "старики" неохотно выдвигали молодежь, постоянно давали знать о себе пережитки былого кустарничества в партийной работе.

Порой причиной нехватки людей была излишняя подозрительность к непроверенным, неопытным работникам. Так, видный большевистский функционер того времени М.М. Литвинов сообщал за границу в июле 1905 г. из Риги: "Старики наши никак не могут приспособиться к "новым

веяниям", к изменившейся политической ситуации, все еще боятся засорения комитета неустойчивыми, невыдержанными элементами"* . А ведь Ленин еще в феврале 1905 г. предупреждал: "В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь... Надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей. Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и неразвитости"*** .

Среди участников III съезда РСДРП целиком и полностью преобладали еще так называемые "комитетчики", то есть профессиональные партийные работники, входившие в состав комитетов РСДРП. Характеризуя этих людей, которые выполняли в годы революции огромную работу, Н.К. Крупская отмечала и присущие многим из них недостатки: излишнюю самоуверенность, подозрительное отношение к партийной демократии, которая оборачивалась, по их мнению, лишь провалами и арестами, некоторое предубеждение против заграничных партийных работников ("с жиру бесятся и склоки устраивают", "посадить бы их в русские условия"). Была у "комитетчиков" и еще одна отрицательная черта: они не хотели новшеств и не умели приспосабливаться к быстро меняющимся условиям партийной работы*** . На этой почве часто возникали разногласия между заграничными и российскими партийными работниками. Во главе оппозиции "загранице" стоял, как вспоминала та же Н.К. Крупская, избранный на III съезде РСДРП членом ЦК партии крупный партийный публицист А.А. Богданов (Малиновский).

Остро чувствовался и недостаток в руководящем ядре партии рабочих. Достаточно сказать, что на III съезде РСДРП не было ни одного делегата-рабочего. Между тем многие рабочие с их демократизмом, деловитостью и практической сметкой, помноженными на ясный ум и твердый характер, бесспорно, могли с пользой для дела участвовать в руководстве социал-демократическими организациями. Недаром Ленин, всячески поднимавший в "искровский" период роль профессиональных революционеров (в абсолютном большинстве случаев интеллигентов), теперь писал: "Интеллигенция хорошо решает вопросы *"принципиально"*, хорошо *рисует* схему, хорошо *рассуждает* о необходимости сделать... а рабочие *делают* (Курсив наш. - Авт.), претворяют серую теорию в живую жизнь"**** .

После начала революции Ленин особенно остро поставил вопрос о расширении рабочей прослойки партии, в том числе и ее руководящего

* Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905-1907 гг. Т.3. Кн.1. М., 1986. С.152.

** Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.9. С.247.

*** Крупская Н.К. Воспоминания о В.И. Ленине. 2-е изд. С.107.

**** Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 12. С. 92.

ядра, прекрасно сознавая, что социальной базой РСДРП, источником ее силы является прежде всего пролетариат. Однако осуществить эти планы на практике ни в 1905 г., ни позже в полной мере не удалось. Тон в российской социал-демократии по-прежнему задавали партийные функционеры, все больше отрывавшиеся от пролетариата и рядовых партийцев. При этом и сам Ленин в конце концов оказался заложником этой порочной системы, жестоко отомстившей своему создателю в последние годы его жизни и достигшей апогея в 30-80 годы XX века.

На III съезде РСДРП предложение Ленина о привлечении рабочих в партийные комитеты поддержали многие видные большевики (Миха Цхакая, А.В. Луначарский, В.В. Воровский и др.). Саратовский делегат В.М. Обухов, например, говорил: "Мы не должны замалчивать того, что во многих случаях наши комитеты представляют замкнутые, слишком законспирированные организации, оторванные от массы. Как устранить это? Во-первых, комитеты должны изменить свою внутривнутрипартийную тактику. Они должны спуститься к низам и принять самое энергичное участие в работе. "Заседательские" комитеты должны исчезнуть. Во-вторых, необходимо в комитеты вводить рабочих (Ленин: "Совершенно верно!")"*.

На съезде приводились конкретные факты, свидетельствовавшие о том, что в комитетах действительно было в то время очень мало рабочих (в Петербургском — 1, Бакинском — 2, Батумском — 1 и т.д.). П.А. Красиков прямо заявил, что и в большевистских, и в меньшевистских** комитетах существует какая-то "рабочебоязнь", что туда "с легкостью берут курсистку и не берут рабочих"***. В то же время раздавались голоса, что подходящих для работы в комитетах пролетариев нет, а Л.Б. Каменев даже поставил под сомнение само существование вопроса о не совсем нормальных взаимоотношениях между рабочими и интеллигентами в партийных организациях как такового****.

В итоге съезд, вопреки мнению Ленина, признал вынесение особой резолюции по этому вопросу "нецелесообразным". В известной мере этот пробел был, правда, компенсирован включением в резолюцию о пропаганде и агитации специального пункта о привлечении в качестве агитаторов, пропагандистов и особенно в качестве членов местных и общепартийных центров возможно большего числа рабочих.

*Третий съезд РСДРП: Протоколы. С.259.

**Г.В. Плеханов вспоминал: "На меньшевистской ...конференции, состоявшейся весной 1905 г., я выразил сожаление о том, что рабочие почти никогда не входят в состав наших партийных комитетов. На это большинство участвовавших в конференции меньшевиков-практиков возражало мне, что иначе и быть не может, так как рабочие пока еще недостаточно развиты. С этим я никак не мог согласиться" (Плеханов Г.В. Соч. Т.19. С.474.)

***См.: Третий съезд РСДРП. Протоколы. С.335.

****См.: Там же. С.255.

Выполнены эти рекомендации в полной мере в 1905-1907 гг. не были. Рабочих в ЦК РСДРП так и не ввели ни тогда, ни позже, вплоть до Пражской партийной конференции 1912 г. Однако кое-что в этом направлении все же делалось. Так, в различных составах Петербургского комитета РСДРП удельный вес рабочих составил за период революции в целом около 25%. Среди них были и ветераны революционного движения, например, член "Союза борьбы за освобождение рабочего класса" В.А. Шелгунов, и совсем юные рабочие подпольщики В.А. Вылузгин, эстонец В.И. Вельман, А.М. Буико, которым было по 18-20 лет. Обращает на себя внимание и тот факт, что членами ПК РСДРП были революционеры 11 национальностей — русские, украинцы, белорусы, евреи, латыши, эстонцы, армяне, грузины, финны, немцы, поляки, которые дружно работали во имя торжества общего пролетарского дела. Больше рабочих стало и в других большевистских комитетах. На V съезде РСДРП (1907 г.) рабочие составляли в общей сложности уже более трети делегатов.

В период революции среди большевиков выдвинулась целая группа видных рабочих-подпольщиков. В 1905 г. ярко раскрылся организаторский талант ивановского ткача Ф.А. Афанасьева ("Отца", как любовно называли его рабочие), зверски убитого черносотенцами. Много сделал для революции И.В. Бабушкин, без суда и следствия расстрелянный в начале 1906 г. в Забайкалье за участие в вооруженном восстании. Нельзя не назвать также председателя Самарского Совета рабочих депутатов Н.Е. Вилонова, вожака екатеринославских рабочих слесаря Г.И. Петровского, начальника штаба боевых дружин на Пресне в Москве слесаря З.Я. Литвина-Седого и многих других.

У меньшевиков тоже были яркие фигуры рабочих-вожачков: один из руководителей Петербургского Совета рабочий-обуховец П.А. Злыднев, участники V съезда РСДРП металлист В.Г. Чиркин, печатник Ф.А. Семенов-Булкин и др. Среди социал-демократов Латвии выделялись рабочие Е.П. Дубельштейн (он погиб в 1907 г. в тюрьме в возрасте 24 лет), руководитель типографии партийной газеты "Циня" Т.П. Калнин, Я.А. Кранберг.

Но основную часть партийных руководителей по-прежнему давала в те годы марксистская интеллигенция. Свой след в истории большевизма оставили в 1905-1907 гг. Е.Д. Стасова, С.И. Гусев (Драбкин), В.Л. Шанцер, П.А. Красиков, В.К. Курнатовский, признанный ученый-астроном с европейским именем профессор П.К. Штернберг. Из студенческой среды вышли М.В. Фрунзе, А.С. Бубнов, С.С. Спандарян, Н.И. Подвойский, В.Э. Кингисепп, Н.И. Бухарин и др.

Особо следует сказать о Л.Б. Красине (1870-1926). Ровесник Ленина, сибиряк-разночинец, рано познакомившийся с политическими ссыльными-

ми, он увлекся марксизмом уже во время учебы в Петербургском политехническом институте. Здесь он вступил в 1890 г. в кружок Бруснева и Голубевой, участвовал в студенческих волнениях, был исключен из института, провел 10 месяцев в одиночной камере московской Бутырской тюрьмы, где занимался немецким языком и изучением философской и исторической литературы. Судьба бросала затем Леонида Красина в военные казармы, на строительство железной дороги, в иркутскую ссылку (1895-1898). Затем следует окончание учебы в Харьковском политехническом институте и четыре года работы на строительстве большой электростанции в Баку. Здесь Красин стал агентом "Искры" и организовал знаменитую подпольную типографию "Нина".

После II съезда РСДРП Красина кооптировали в состав ЦК. Талантливый, широко образованный инженер, пользовавшийся прекрасной репутацией и в России, и за рубежом, Красин отличался деловой хваткой, кипучей энергией, умением налаживать контакты с самыми разными людьми. После переезда в Орехово-Зуево он помог, в частности, установить тесные контакты социал-демократов с крупным московским фабрикантом Саввой Морозовым.

Красин никогда не отличался фракционным фанатизмом и до 1905 г. был известен в партии как "примиренец". После начала революции Леонид Борисович перешел на нелегальное положение и стал одним из ближайших соратников Ленина. Он руководил боевыми организациями большевиков, ведал финансами партии (недаром Ленин в шутку называл его "финансовым самодержцем" большевиков)*. В годы революции "Никитич" — такую конспиративную кличку имел тогда Красин — вырос в партийного работника общероссийского масштаба. Недаром на III, IV и V съездах партии его избирали членом ЦК РСДРП. В это время он вновь работает инженером в Петербурге, оказывая большевикам поистине неоценимые услуги.

В 1908 г. Красин был арестован в Финляндии, но из-за отсутствия улик освобожден и, не желая больше искушать судьбу, уехал в эмиграцию. Поселившись в Берлине, он с головой ушел в инженерную работу. При невыясненных до конца обстоятельствах (Красин был противником свертывания боевых дружин, имел свою, отличную от ленинской, позицию в вопросе финансирования партии и т.д.) он порвал в то время все отношения с большевиками и вплоть до конца 1917 г. не занимался политической деятельностью, возобновив ее по приглашению Ленина и Троцкого лишь после октябрьского переворота. В первые годы советской власти Л.Б. Красин занимал ряд крупных постов на хозяйственной и дипломатической работе, но никогда уже не входил больше в ближайшее окружение Ленина.

*См.: РЦХИДНИ. Ф.332. Оп.1. Д.29. Л.13.

Много сделали для большевистской фракции в 1905-1907 гг. В.В. Воронский, А.В. Луначарский, А.А. Богданов, И.И. Скворцов-Степанов, М.С. Ольминский, без статей которых трудно представить себе такие известные большевистские газеты периода революции, как "Вперед", "Пролетарий", "Новая жизнь", "Волна", "Эхо".

Доминировала интеллигенция и в рядах меньшевиков. Помимо уже упоминавшихся выше фигур первой величины, видную роль в меньшевистской фракции РСДРП играли в период революции А.Н. Потресов, И.Г. Церетели, Н.Н. Жордания, Н.И. Иорданский, М.А. Лурье (Ю. Ларин), С.И. Португейс, С.М. Зарецкая, С.Г. Струмилин, а среди бундовцев — М.И. Либер, Р.А. Абрамович, В.Д. Медем и др.

В 1905 г. сама жизнь потребовала от социал-демократов упорядочить и активизировать работу их организаций, привлечь в них новые силы, добиться максимальной отдачи от каждого члена партии. Этим объяснялось большое внимание к вопросам партийного строительства на III съезде РСДРП и на меньшевистской конференции в Женеве.

На большевистском съезде был утвержден новый организационный устав РСДРП, который значительно отличался от устава 1903 г. В ленинской формулировке был принят теперь его первый параграф о членстве в партии. Расширялись права местных комитетов: в новом уставе подчеркивалось, что они имеют право издавать от своего имени литературу и не могут быть распущены по единоличному решению ЦК (для этого требовалось теперь 2/3 голосов членов ЦК и 2/3 голосов рабочих, входящих в местную партийную организацию). Вместо трех партийных центров, созданных в 1903 г. (ЦК, редакция "Искры" и Совет партии), было решено оставить один — Центральный комитет. Однако выборы в местные партийные комитеты уставом по-прежнему не предусматривались (сохранялась система кооптации их членов).

Аналогичные решения были приняты и меньшевиками, хотя в организационном уставе, утвержденном на их Женевской конференции весной 1905 г., был оговорен ряд моментов, отсутствовавших в уставе, принятом на большевистском съезде. В частности, меньшевики зафиксировали положение об отчетности городских комитетов партии перед районными, причем по требованию последних горкомы могли быть реорганизованы. Областные комитеты должны были избираться на областных съездах. В уставе был пункт, согласно которому решения о крупных политических выступлениях, за исключением экстренных случаев, подлежали обсуждению и голосованию на общем собрании данной организации.

В условиях резкого обострения идейной борьбы в РСДРП большое значение приобретал вопрос об обеспечении прав тех членов партии, которые при обсуждении той или иной проблемы оказывались в меньшинстве. Как известно, меньшевики не раз упрекали большевиков в

насаждении казарменной дисциплины, создании режима "осадного положения", нетерпимости к инакомыслящим. Поэтому в извещении о III съезде специально было оговорено, что меньшинство имеет право "отстаивать свои взгляды, вести идейную борьбу — лишь бы споры и разногласия не вели к дезорганизации, не мешали положительной работе, не дробили наших сил, не препятствовали дружной борьбе с самодержавием и с капиталистами"*.

В ходе революции менялась и организационная структура РСДРП. В 1905 г. появились районные (а в ряде крупных городов также подрайонные) и заводские комитеты РСДРП. При партийных комитетах создавались боевые, литературные, агитаторские и пропагандистские группы. Низовой организацией партии становилась теперь, как правило, фабрично-заводская ячейка. Такой порядок работы, несомненно, способствовал оживлению партийной жизни, повышая активность каждого члена РСДРП, особенно партийцев-рабочих.

Осенью 1905 г., особенно после издания царского манифеста 17 октября, РСДРП фактически перешла на полулегальное положение, что открыло более реальные перспективы демократизации внутрипартийной жизни. 27 октября ЦК РСДРП обратился ко всем партийным работникам с письмом, в котором, в частности, говорилось: "Чтобы выступить в роли партии пролетарских масс, партия должна демократизировать свою организацию, и современное положение уже дает известную возможность к этому. Необходимо, насколько позволяет захваченная степень свободы, сделать организацию открытой и провести в ней выборное начало"***.

10-16 ноября 1905 г. вернувшийся в Россию Ленин опубликовал в трех номерах легальной большевистской газеты "Новая жизнь" статью "О реорганизации партии", основные идеи которой были положены в основу резолюции "Реорганизация партии", принятой на Таммерфорсской конференции большевиков в декабре 1905 г. В ней подчеркивалась необходимость проведения выборного начала с предоставлением избранным партийным центрам "всей полноты власти в деле идейного и практического руководства, наряду с их сменяемостью, самой широкой гласностью и строгой подотчетностью их действий"****. Конференция предложила всем организациям немедленно провести реорганизацию на выборных началах. Отступления от указанного принципа (двухступенчатые выборы или кооптация) допускались лишь при непреодолимых полицейских препятствиях и в некоторых исключительных случаях.

Процесс демократизации партийной жизни нашел отражение и в уставах местных организаций РСДРП (вплоть до 1922 г. они существовали

* КПСС в резолюциях... Т.1. С.155.

** Третий съезд РСДРП: Сб. документов и материалов. М., 1955. С.367.

***КПСС в резолюциях... Т.1. С.166.

наряду с общепартийным уставом). Здесь конкретизировались условия вступления в ряды РСДРП, порядок уплаты членских взносов и т.д. Так, вступающий должен был обычно представить рекомендации не менее двух членов партии и получить поддержку не менее 2/3 участников общего партийного собрания. В ряде мест вступающие в партию проходили определенный испытательный срок — кандидатский стаж. В некоторых организациях в конце 1905 г. появились партийные билеты (раньше их оформление по консиративным соображениям считалось нецелесообразным).

Размеры членских взносов устанавливались местными организациями самостоятельно и отличались значительным разнообразием. В качестве примера можно привести тот порядок, который был установлен в ноябре 1905 г. на районном собрании большевиков Нарвского района Петербурга: члены партии, зарабатывавшие менее 15 руб. в месяц, от взносов освобождались; с заработка от 15 до 30 руб. платили 0,5%, от 30 до 50 руб. — 1%, от 50 до 75 руб. — 2%, от 75 до 100 руб. — 3% и более 100 руб. — 4%*. В некоторых организациях членские взносы составляли 1% заработка, независимо от его размеров.

На III съезде РСДРП было принято решение о том, что 20% доходов партийных комитетов поступают в распоряжение ЦК. На IV съезде размер этого взноса был уменьшен до 10%. Средства, оставшиеся в распоряжении местных организаций, использовались ими на издание и транспортировку революционной литературы, закупку оружия и содержание немногочисленного тогда партийного аппарата.

Революция остро поставила и вопрос об объединении большевиков и меньшевиков, тем более что под влиянием роста революционных настроений масс меньшевики быстро эволюционировали в 1905 г. влево. К тому же рабочие, далеко не всегда разбиравшиеся в тонкостях фракционных разногласий, но хорошо чувствовавшие пагубные последствия раскола, настойчиво требовали восстановления единства партии. Учитывая эти настроения, III съезд РСДРП поручил ЦК принять меры к выработке условий объединения большевиков и меньшевиков. Тогда же была принята резолюция "Об отношении к национальным социал-демократическим организациям", где указывалось, что интересы экономической и политической борьбы пролетариата требуют объединения всех российских социал-демократов независимо от их национальности. На конференции меньшевиков в Женеве их новому руководящему центру — Организационной комиссии также было поручено вступить в переговоры с большевиками "об основах соглашения между двумя частями партии".

Главный импульс объединительное движение в РСДРП неизменно получало от рабочих. Типично в этом плане письмо большевика А.М.

*Новая жизнь. 1905. 15 ноября.

...послана из Харькова в заграничный большевистский центр (июнь 1905 г.): "Среди здешних рабочих, — писал он, — очень характерное настроение: они решили собраться вместе с меньшевистскими рабочими, интеллигентов не приглашать и разобрать положение дел, причем грозят бойкотом комитетов, если они не помирятся, или образованием новой партии, чисто рабочей"* . О таких же настроениях сообщали из Петербурга (сентябрь 1905 г.): "Рабочие ничего не хотят слушать о разногласиях и требуют лишь объединения... С рабочими прямо опасно говорить против "объединения"...**".

Особенно быстро пошло сближение большевиков и меньшевиков в октябре-декабре 1905 г., в период высшего подъема революции. Формы объединения или полубъединения были при этом очень разнообразны — от полного слияния организаций и образования единых комитетов до создания на паритетных началах федеративных органов из представителей обеих фракций (Петербург, Москва, Баку, Харьков). В ноябре 1905 г. меньшевики, а в декабре большевики приняли на своих фракционных конференциях решения о скорейшем завершении объединительного движения. В конце декабря 1905 г. были созданы на паритетных началах объединенный ЦК РСДРП из шести человек (Л.Б. Красин, И.Х. Лалаянц и И.А. Саммер от большевиков, В.Н. Крохмаль, А.А. Тарасевич, Н.И. Иорданский — от меньшевиков) и объединенный центральный печатный орган РСДРП — газета "Партийные известия".

Завершение объединительного движения в РСДРП связано с работой IV (Объединительного) съезда партии, состоявшегося 10(23) апреля - 25 апреля (8 мая) 1906 г. в Стокгольме. К этому времени разногласия между большевиками и заметно поправевшими после декабрьских событий 1905 г. меньшевиками вновь обострились. По свидетельству Л.Б. Красина, в апреле 1906 г. "большевики и меньшевики противостояли друг другу как два совершенно обособившихся крыла социал-демократического движения, и хотя старые заграничные формы междуфракционной борьбы — дразги значительно сгладились, хотя в период свобод все почти местные организации большевиков и меньшевиков слились и отчасти успели даже перестроиться на демократических началах, причем фракционность, по крайней мере теоретически, уже не принималась во внимание при выборах в заводские, районные, общегородские комитеты, — все-таки питать особенно больших надежд на полное объединение, вплоть до исчезновения старой грани, было нельзя. Съезд подтвердил этот скептический взгляд"***. Тем не менее ни большевики, ни меньшевики не считали

*Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905-1907 гг. Т.2. М., 1982. С.241.

**РЦХИДНИ. Ф.26. Оп.1. Д.412. Л.1-2.

***РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.1. Ч.2. Д.596. Л.1-2.

нужным отменять свои прежние решения и возвращаться к состоянию партийного раскола, хотя объединительная эйфория к весне 1906 г. была уже пройденным этапом.

Съезду предшествовала почти двухмесячная дискуссия, проходившая на основе выработанных большевиками и меньшевиками политических платформ. По-новому происходили и выборы делегатов: если раньше в них участвовал лишь узкий круг партийных функционеров, то теперь этот вопрос решали все члены объединенных социал-демократических организаций, посылавшие на съезд по 1 делегату от 300 партийцев. Следует отметить, что в отличие от III съезда РСДРП на IV съезде было уже несколько делегатов-рабочих.

На стокгольмском партийном форуме были представлены 13 тыс. большевиков, 18 тыс. меньшевиков, 26 тыс. польских и 14 тыс. латышских социал-демократов. Позднее, когда в РСДРП влились бундовцы (около 33 тыс. человек), общее число членов объединенной РСДРП превысило 100 тыс. В действительности большевиков и меньшевиков было значительно больше (неполнота представительства ряда местных организаций на съезде объяснялась не в последнюю очередь и недостатком средств на поездку в Стокгольм). Так или иначе, объединительный, т.е. неизбежно компромиссный, характер IV съезда РСДРП и преобладание на нем меньшевиков предопределили половинчатость и недоговоренность ряда принятых решений: в аграрной программе "муниципализация" уживалась с частичной национализацией и эвентуальным разделом помещичьих имений в собственность крестьян, а резолюцию по вопросу о вооруженном восстании в пору было назвать резолюцией против восстания, поскольку отказаться от него меньшевики считали неудобным, а всерьез готовиться к новому бою после неудачного декабрьского опыта 1905 г. — бессмысленным. Вместе с тем съезд по настоянию меньшевиков принял правильное и совершенно недвусмысленное решение об отмене неудавшегося бойкота выборов в I Государственную думу (там, где они еще не состоялись) и о создании думской фракции РСДРП.

В состав ЦК РСДРП были избраны семь меньшевиков (Б.А. Бахметьев, Л.И. Гольдман, Л.Н. Радченко, В.Н. Розанов, П.Н. Колокольников, В.Н. Крохмаль, Л.М. Хинчук) и только три большевика — Л.Б. Красин, В.А. Десницкий и А.И. Рыков, позже замененный А.А. Богдановым.

В конце работы съезда был решен вопрос об объединении российской социал-демократии с польскими, литовскими и латышскими социал-демократами, а также предreshено объединение с Бундом. Летом и осенью 1906 г. их представители вошли в состав ЦК РСДРП. СДКПиЛ, ЛСДРП и Бунд сохранили право на созыв своих съездов и имели собственные ЦК, получив одновременно представительство в ЦК РСДРП. Латыши самостоятельно определяли пути решения аграрного вопроса, а СДКПиЛ сама

решала вопрос о взаимоотношениях партийных и профсоюзных организаций.

Несмотря на объединение, в РСДРП по-прежнему сохранялись большевистская и меньшевистская фракции. Элементы федерализма присутствовали и в отношениях между различными национальными социал-демократическими организациями. Таким образом, результаты IV съезда РСДРП были достаточно противоречивы. С одной стороны, слияние большевиков, меньшевиков и национальных социал-демократических организаций увеличивало революционный потенциал пролетариата. С другой — значительная внутренняя неоднородность партии намного снижала эффективность ее работы.

В этой связи закономерен вопрос: не лучше ли было отказаться в 1906 г. от идеи объединения большевиков и меньшевиков и держать курс на закрепление существования в России двух параллельных социал-демократических марксистских партий? В конце концов большевики и меньшевики взаимно уравнивали бы крайности каждого из этих революционно-социалистических течений, строили бы свои отношения как равноправные партнеры в рамках "левого блока" и вносили посильный вклад в развитие рабочего и освободительного движения в России. Однако к такому — видимо, оптимальному в тех условиях, решению вопроса — не были готовы в 1905-1907 гг. ни российский пролетариат, ни сами марксисты, среди которых преобладал тогда взгляд на большевиков и меньшевиков как на "враждующих между собой братьев", по выражению Плеханова.

Рабочие должны были на собственном опыте разобраться в природе большевизма и меньшевизма, увидеть их плюсы и минусы, а потом уже делать окончательные выводы о том, кому следует отдать свои симпатии и голоса. Игнорировать тягу пролетариата к единству было бы политической ошибкой. И это хорошо понимали и большевики, и меньшевики.

Потерпев поражение на IV съезде РСДРП, большевики, естественно, жаждали реванша, возлагая при этом немалые надежды на радикализм значительной части влившихся в российскую социал-демократию польских, литовских и латышских марксистов. И действительно, на состоявшемся весной 1907 г. в Лондоне V съезде РСДРП, несмотря на примерное равенство собственно большевистских и меньшевистских сил (соответственно 89 и 88 делегатов), благодаря поддержке "националов" по главным вопросам повестки дня прошли — разумеется, с многочисленными поправками — резолюции большевиков.

Центральное место на съезде заняла дискуссия по вопросу об отношении к непролетарским партиям. Обсуждались четыре доклада, с которыми выступили В.И. Ленин, Р. Люксембург (она была делегатом от Лодзинской организации СДКПиЛ), меньшевик А.С. Мартынов и бундовец

Р.А. Абрамович. Несмотря на сопротивление меньшевиков и их сторонников, стремившихся торпедировать большевистский проект резолюции, съезд большинством голосов одобрил ленинскую тактическую линию. Она предусматривала беспощадную борьбу с черносотенными организациями, а также с партией октябристов, резкую критику кадетов и проведение левоблокистской тактики в отношении неонароднических партий и организаций (эсеры, энесы, трудовики) с одновременным выявлением расхождений с ними в трактовке социализма и методов осуществления социалистического идеала.

Съезд отверг идею "нейтральности" профсоюзов и меньшевистский план созыва рабочего съезда как высшего пролетарского форума в масштабах всей страны. Надо сказать, что в толковании его характера и целей царила тогда большая разногласия. Либералы, например, считали, что рабочий съезд призван "достроить" ту систему профессионально-политических внепартийных союзов, которая сложилась в 1905 г. в виде "Союза союзов". Эта идея увлекла и многих меньшевиков, которые хотели создать легальную пролетарскую организацию, способную преодолеть узость различных партийных группировок и отстаивать интересы наемного труда вообще. Кроме того, меньшевики не скрывали, что видят в созыве рабочего съезда своего рода противоядие от тех сектантских тенденций, которые неизбежно возникают в замкнутой подпольной организации. Больше того, некоторые меньшевики прямо предсказывали возможность замены слишком интеллигентской по своему составу РСДРП подлинно пролетарским рабочим съездом.

С другой стороны, Троцкий видел в рабочем съезде центральный все-российский орган Советов рабочих депутатов, отсутствие которого в 1905 г. значительно снизило эффективность этих новых пролетарских организаций. Что касается большевиков, то они видели в созыве рабочего съезда попытку растворить марксистскую партию пролетариата в пестром конгломерате разного рода групп и течений, в котором неизбежно преобладали бы тред-юнионистские и реформистские настроения. Поэтому большевики были в принципе против рабочего съезда, хотя и допускали не только возможность его созыва (если того пожелают сами рабочие), но и возможность своего участия в этой организации.

В Центральный комитет РСДРП были избраны пять большевиков (И.П. Гольденберг, И.Ф. Дубровинский, И.А. Теодорович, В.П. Ногин и Н.А. Рожков, позже перешедший к меньшевикам), четыре меньшевика (А.С. Мартынов, Н.Н. Жордания, И.А. Исув и некто "Никифор"), а также два польских и один латышский социал-демократ. Впервые в практике РСДРП был введен институт кандидатов в члены ЦК: 10 от большевиков (В.И. Ленин, В.Л. Шанцер, И.А. Саммер, Г.Е. Зиновьев, А.А. Богданов, Л.Б. Красин, А.И. Рыков, Г.Д. Лейтейзен, В.К. Таратута, рабочий А.П.

(Мирнов) и 7 от меньшевиков: Ю.О. Мартов, Б.И. Горев, Н.В. Рамишвили, М.И. Бройдо, К.М. Ермолаев, П.А. Гарви, В.К. Иков. Почти все эти деятели социал-демократического движения играли в нем ведущую роль вплоть до 1917 г., а некоторые и позже.

Кроме того, большевики создали после V съезда РСДРП свой сепаратный фракционный центр во главе с Лениным из 14 человек.

2. РСДРП и массовое движение

Подобно неудержимому весеннему половодью революция разлилась по огромной многонациональной стране, захватила ее центральные районы и окраины, промышленные города и глухие деревни. Вполне понятно, что социал-демократы не могли претендовать на монополию политического руководства столь неоднородной в социальном плане, разноязыкой и разноплеменной многомиллионной массой людей. Так, на пролетариат оказывали воздействие самые разные политические течения, начиная от анархистов и кончая откровенными черносотенцами. В деревне и в армии было сильно влияние эсеров, созданного летом 1907 г. Всероссийского крестьянского союза, а позже, в 1906-1907 гг. — крестьянской Трудовой группы Государственной думы. Средние городские слои, в первую очередь интеллигенция и служащие, в значительной мере шли за партией кадетов.

В этих условиях социал-демократы, делая основную ставку на агитационно-пропагандистскую работу среди пролетариата, шли практически во все слои общества. В 1905-1907 гг. выходили десятки социал-демократических газет, а общий тираж листовок, выпущенных различными организациями РСДРП, составил несколько миллионов экземпляров.

В годы революции, пользуясь временным ослаблением царской цензуры, социал-демократы сумели издать большими тиражами многие работы К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Каутского, А. Бебеля, Ф. Меринга, Ф. Лассалья, Г.В. Плеханова и многих других видных деятелей социалистического движения, большое количество отечественной и переводной литературы по общественно-политическим вопросам. В качестве приложения к одному из номеров легальной большевистской газеты "Новая жизнь" была напечатана программа РСДРП. То же сделали меньшевики в своей петербургской газете "Начало", выходившей в ноябре-декабре 1905 г.

На заводах и фабриках, в университетских аудиториях, а то и прямо на городских улицах и площадях систематически устраивались массовые митинги и собрания, на которых выступали социал-демократические ораторы. Одной из новых форм агитационно-пропагандистской работы стали легальные партийные клубы, где проводились занятия различных кружков, работали библиотеки, назначались партийные явки. Открывались также читальни, столовые, тире (рабочие обучались здесь стрельбе)

и другие опорные пункты социал-демократической работы, облегчавшие связь партии с массами. Устраивались, иногда прямо под открытым небом, и так называемые партийные "биржи" — места встречи членов партии, обмена информацией, получения партийных заданий, раздачи революционной литературы.

Главные силы РСДРП были сконцентрированы на работе среди фабрично-заводского пролетариата, борьба которого стала основной пружиной развития революционного процесса в стране. По подсчетам историков, только в 1905 г. в России бастовали свыше 5 млн.чел. В 1906-1907 гг., несмотря на постепенный спад рабочего движения, уровень забастовочной борьбы, даже по далеко не полным сведениям фабричной инспекции, оставался очень высоким (в 1906 г. — более 1,1 млн., в 1907 г. — около 740 тыс. бастующих), намного превышая соответствующие показатели ведущих стран Запада. При этом забастовочная борьба в России поднялась в период революции на качественно новый уровень: в 1905 г. половина, в 1906 г. — 60%, а в 1907 г. — более 70% забастовщиков выступали с политическими требованиями.

Сейчас, через 90 лет после первой российской революции, не всегда уже можно определить, какую роль сыграли в проведении той или иной конкретной стачки большевики, меньшевики, бундовцы, эсеры, другие революционные организации. Здесь сказывается и недостаток информации в источниках, и многолетнее сознательное замалчивание историками фактов, связанных с революционной деятельностью небольшевистских течений, а также недооценка роли беспартийных рабочих вожakov. Крайне односторонне, в основном негативно, оценивалась прежде и роль такого фактора рабочего движения, как стихийность, которая является показателем не только недостаточной сознательности его участников, но и признаком подлинной массовости пролетарских выступлений, без чего невозможна ни одна настоящая народная революция. Для объективного изучения всех этих вопросов необходима еще большая исследовательская работа, и прежде всего составление по единой методике детальной хроники рабочего движения 1905-1907 гг. в масштабах всей страны. Пока же нам приходится, к сожалению, ограничиваться лишь отдельными иллюстрациями роли РСДРП в руководстве различными формами пролетарского движения в годы революции.

После 9 января 1905 г. размах стачечного движения в стране в значительной мере определялся организационной и агитационно-пропагандистской работой социал-демократов, хотя многие выступления по-прежнему носили еще стихийный характер и не были прямо связаны с деятельностью революционеров. Местные организации РСДРП часто являлись инициаторами стачек, вырабатывали экономические и политические требования бастующих, спланировали вокруг себя наиболее активных рабочих.

Ярко проявилась роль РСДРП как крупной организующей силы рабочего движения во время 72-дневной майско-июльской забастовки иваново-вознесенских ткачей. В Иваново-Вознесенске революционную борьбу вели в это время почти исключительно большевики, а также небольшая группа эсеров. Вопрос о предстоящей забастовке и подробный план ее проведения неоднократно обсуждались на различных совещаниях и собраниях и, наконец, на нелегальной общегородской конференции РСДРП 9 мая 1905 г. Ее участники выработали 26 экономических и политических требований, которые были распечатаны в виде листовки и распространялись среди рабочих. На конференции было принято решение начать 12 мая общегородскую забастовку, охватившую в течение двух дней все промышленные предприятия, железнодорожные мастерские, типографии, магазины. Каждый день — сначала в центре города, а затем на берегу реки Талки — большевики проводили многотысячные митинги и собрания рабочих. Здесь выступали М.В. Фрунзе, Е.А. Дунаев и другие руководители местной организации РСДРП.

Под руководством большевиков были проведены и выборы в общегородской Совет рабочих депутатов, о деятельности которого подробно будет рассказано ниже. По утрам обычно собиралась партийная группа Совета или городской комитет РСДРП, предварительно обсуждавшие те вопросы, которые выносились затем на дневное общее собрание членов Совета, куда мог прийти любой рабочий. После таких собраний часто устраивались лекции на общественно-политические темы. Из самых глухих местечек и сел в Иваново-Вознесенск стекались за советами и инструкциями десятки делегаций. Еще более многочисленны были письменные запросы в Совет, полные глубокой веры в безграничное могущество руководивших им социал-демократов. В результате стачки иваново-вознесенские рабочие добились некоторого улучшения своего экономического положения, но в конце концов вынуждены были приступить к работе.

В сентябре 1905 г. центр стачечного движения переместился в Москву, а в октябре рабочие Москвы и Петербурга дали сигнал к проведению Всероссийской политической стачки, в ходе которой активно действовали уже все революционные и оппозиционные партии и организации. Большую роль в проведении грандиозной железнодорожной стачки, которая дала мощный импульс для распространения забастовочного движения по всей стране, сыграл Всероссийский железнодорожный союз, где были сильны позиции эсеров.

Силу и влияние социал-демократов в Москве показали похороны революционера-подпольщика Н.Э. Баумана, убитого 18 октября 1905 г. одним из черносотенцев. МК РСДРП выпустил специальную прокламацию с призывом отомстить за Баумана, мобилизовал все свои пропаган-

дистские силы, провел десятки летучих митингов. В траурном шествии, которое продолжалось 20 октября целый день, приняло участие свыше 100 тыс. москвичей, причем рабочие сумели обеспечить на улицах города образцовый порядок. Красное знамя МК РСДРП, которое несли перед гробом, эскортировал отряд солдат, присоединившихся к демонстрации. У открытой могилы Баумана состоялся митинг, участники которого поклялись, не щадя своей жизни, бороться с самодержавием. Когда участники похорон возвращались с Ваганьковского кладбища, войска открыли по ним огонь.

Кульминацией революции явились декабрьские вооруженные восстания и стачки, захватившие Москву и ряд других городов страны. Нет, пожалуй, другого крупного события 1905 г., оценки которого современниками и историками были бы столь разноречивы, как Декабрьское вооруженное восстание. Ленин, большевики видели в подвиге московских рабочих вдохновляющий пример для последующих поколений революционных борцов. Известный германский социал-демократ Август Бебель считал, что баррикадные бои в Москве "принадлежат к самому возвышенному, что знает многовековая история, являются примером мужественного самопожертвования во имя великого идеала"*.

Вместе с тем Г.В. Плеханов был убежден, что в декабре 1905 г. "не нужно было и браться за оружие"', а меньшевики в книге "Москва в декабре 1905 года" утверждали, что в Москве вообще не было восстания в прямом смысле этого слова.

Кадеты стремились представить декабрьские события 1905 г. в Москве как "обычную авантюру" социал-демократов, которые якобы насильно втянули в нее рабочих. П.Б. Струве назвал действия московских революционеров "безумными", утверждая, что в Москве имели место всего-навсего отдельные стычки "весьма немногочисленных групп населения" с полицией и войсками, которые сопровождались строительством "смехотворных" баррикад, воздвигнутых "революционной интеллигенцией в союзе с терроризированными дворниками и увлеченными уличными мальчишками"***.

В действительности к вооруженному столкновению в 1905 г. готовились обе противоборствующие стороны — и революционеры, и правительство. Первые, не добившись в октябре капитуляции самодержавия, хотели довести свою борьбу до логического конца, но уже не мирными, а насильственными средствами. Вторые, как и накануне "Кровавого воскресенья", стремились нанести упреждающий и устрашающий удар, пока революционеры еще не закончили подготовку к решительному бою. 26

*Цит. по кн.: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. М., 1985. С. 513-514.

**Плеханов Г.В. Соч. Т. 15. С. 12.

***Полярная звезда. 1905. № 2. С. 225.

ноября был арестован председатель Петербургского Совета рабочих депутатов Хрусталеv-Носарь, а 3 декабря — большинство членов Исполкома Совета. Начались гонения на демократическую печать. В итоге революционеры и рабочие были поставлены перед выбором: признать свое бессилие перед натиском властей, отступить без боя и тем самым деморализовать все демократические силы — или подняться на вооруженную борьбу, несмотря на незавершенность ее подготовки. Выбран был второй путь.

Почин вооруженной борьбы взяли на себя рабочие Москвы — второго по величине и значению промышленного и культурного центра России. В отличие от своих петербургских товарищей, активно бастовавших на протяжении всего 1905 г., московские рабочие позже вступили в борьбу и сохранили поэтому к концу года больше сил. Кроме того, в Москве сложилась сплоченная большевистская организация, твердо проводившая в жизнь решения III съезда РСДРП о подготовке восстания. В то же время правительственные силы были в Москве явно слабее, чем в столице.

К началу восстания в Москве было около 1600-1700 вооруженных дружинников (600 большевиков, 300 эсеров, 250 меньшевиков, 500-600 беспартийных), которым противостоял 15-тысячный гарнизон царских войск и 2 тыс. полицейских. Однако в воинских частях шло сильное брожение, а Ростовский полк даже восстал 2 декабря против правительства. И хотя восстание это было быстро подавлено, основная часть гарнизона оставалась ненадежной, и ее пришлось запереть в казармах. Число дружинников в ходе восстания росло, хотя оружия у них было явно недостаточно. Но правительству удалось перебросить в Москву 15-16 декабря Семеновский гвардейский и Ладужский пехотный полки, что и решило исход борьбы в пользу самодержавия.

Что касается Петербурга, то здесь, несмотря на отдельные попытки боевых действий (вооруженные столкновения 12 декабря на Выборгской стороне, в Нарвском и Московском районах), дальше стачки (8-16 декабря) дело все же не пошло.

Вопрос о начале восстания в Москве был решен самым демократическим из всех возможных в данном случае способов — путем, пусть не всеобщего, но достаточно представительного пролетарского референдума непосредственно на заводах и фабриках, который состоялся 5 декабря 1905 г. Мнение рабочих было достаточно единодушным: они требовали объявления всеобщей стачки и перевода ее в вооруженное восстание. Был заслушан и объективный отчет о состоянии боевых дружин и московской военной организации РСДРП. Однако голосами рабочих ("комитетчики" не голосовали) вопрос об объявлении стачки и переводе ее в восстание был решен на городской конференции большевиков положительно. 6 декабря аналогичное решение было принято на конференции московской окруж-

ной организации РСДРП. К большевикам присоединились меньшевики, эсеры, а также анархисты, хотя в дальнейшем меньшевики первыми стали колебаться и предлагали прекратить борьбу. Революционные партии поддержал 6 декабря и Московский Совет рабочих депутатов, возникший в ноябре 1905 г.

Стачка в Москве началась 7 декабря, а затем на протяжении девяти дней — с вечера 9 до 18 декабря 1905 г. — небольшая часть московских рабочих с оружием в руках сражалась с правительственными войсками и полицией. Наряду с оборонительными баррикадными боями восставшие вели в Москве и "партизанскую войну" — маневренные действия силами небольших подвижных отрядов, которые были тогда новинкой в практике международного революционного движения. Особенно упорные бои шли на Пресне, которую царским войскам пришлось брать буквально штурмом. Следует подчеркнуть в этой связи большое значение разработанного большевиками и опубликованного 11 декабря в "Известиях Московского Совета рабочих депутатов" документа — инструкции "Советы восставшим рабочим" с обоснованием тактики партизанских действий. Хотя и с некоторым опозданием, здесь были даны правильные рекомендации: не защищать баррикады, не действовать толпой, быстро нападать на противника и быстро исчезать.

Одновременно с Москвой или чуть позже начались восстания на Украине, в Ростове-на-Дону, Сормове, на Урале, в Сибири, Закавказье. Гражданской войной была охвачена Прибалтика, где в вооруженной борьбе активно участвовали крестьяне и сельскохозяйственные рабочие. В ряде районов возникли народные "республики", власть в которых перешла на время в руки трудящихся (Новороссийск, Красноярск, Чита и др.). Однако значительный перевес правительственных войск над силами восставших позволил царизму подавить декабрьские восстания в Москве и других местах. Среди погибших были московский рабочий с Пресни Ф.М. Мантулин, ростовский железнодорожник В.О. Собинин, профессиональный революционер-большевик И.В. Бабушкин. Широко известно также имя машиниста эсера А.В. Ухтомского, который спас от верной гибели многих московских дружинников, а сам был расстрелян.

Вместе с тем в ходе восстаний выявилось явное несоответствие между мужеством рабочих, их готовностью жертвовать собой во имя революции и уровнем партийного руководства вооруженной борьбой. ЦК РСДРП непосредственно не руководил восстанием в Москве (туда был направлен лишь представитель ЦК И.А. Саммер), не говоря уже о более отдаленных районах страны. Документально подтверждаемых решений ЦК о восстании в распоряжении историков нет. Известно лишь, что на заседаниях ЦК и ПК РСДРП совместно с рядом других руководящих партийных работников 4 и 10 декабря 1905 г. этот вопрос обсуждался, причем 10

декабря было решено поддержать восстание в Москве путем вывода из строя отдельных участков Николаевской железной дороги, по которой осуществлялась связь между двумя столицами. Однако выполнить этот план не удалось.

12-17 декабря, т.е. одновременно с восстаниями в Москве, Харькове, Ростове-на-Дону и в других местах, члены ЦК, в том числе и Ленин, находились на партийной конференции в Таммерфорсе и вернулись оттуда, когда поражение восставших уже было предreshено. В самой Москве у большевиков не было заранее разработанного и согласованного плана вооруженной борьбы, они проявляли нерешительность, медлили с переходом к наступательным действиям. Руководство восстанием осуществлялось фактически лишь в пределах отдельных районов, а не всего города в целом. В большей или меньшей мере эти недостатки в руководстве восстанием были характерны и для других мест.

Означает ли это, однако, что РСДРП безрассудно пошла на восстания, повлекшие за собой человеческие жертвы (только в Москве было убито более 500 и ранено свыше тысячи человек), лишь для того, чтобы продемонстрировать свою приверженность доктрине революционного насилия? Некоторые — и не только на Западе, но и у нас, в России — отвечают на этот вопрос утвердительно, изображая большевиков и Ленина фанатиками, сознательно бросившими рабочих в костер преждевременного и явно неподготовленного восстания во имя утверждения своих честолюбивых амбиций и абстрактных принципов. Факты говорят, однако, о том, что революционная стихия перечеркнула в декабре 1905 г. все расчеты Ленина, который хотел отсрочить восстание хотя бы до весны 1906 г. И когда в бой стали рваться не только члены боевых дружин, но и невооруженные рабочие, революционеры (большевики, меньшевики, эсеры, анархисты) уже не отговаривали их от борьбы, тем более что все прекрасно видели, с каким хладнокровием применяет насилие над народом самодержавная власть.

В 1906 - первой половине 1907 г. в России еще продолжалась — правда, скорее по инерции и в явно угасающем темпе — некоторая практическая работа революционных партий по подготовке нового восстания, однако шансов на его победу теперь уже практически не было. В июле 1906 г., после роспуска царем I Государственной думы, эсеры при поддержке части социал-демократов, в основном большевиков, предприняли попытку поднять солдат и матросов в Свеаборге (военная крепость недалеко от Гельсингфорса) и Кронштадте, но потерпели неудачу. Планы Ленина по подготовке нового восстания к осени 1906 г. также оказались совершенно нереальными.

Еще в 1905 г. и особенно в 1906-1907 гг. получила распространение новая форма вооруженной борьбы с силами правительства — "партизан-

ская война", издавна широко практиковавшаяся народами разных стран при отражении иноземных нашествий. Она представляла собой действия как отдельных революционеров, так и небольших, насчитывавших часто лишь несколько человек боевых групп, которые ставили перед собой задачу запугать и дезорганизовать царскую администрацию (нападения на полицейские участки, тюрьмы, захват оружия и т.д.), вести борьбу с ультрамонархическими организациями, вступившими на путь террора, а также совершать так называемые экспроприации ("эксы"). Партизанские действия получили распространение в первую очередь в Прибалтике, Польше, Грузии, на Урале и на Украине.

Будучи противниками индивидуального террора, оторванного от массового революционного движения (ярким примером его были террористические акты эсеров накануне 1905 г.), большевики тем не менее допускали, в виде крайней меры, отдельные его проявления в период гражданской войны, начатой 9 января 1905 г. самим правительством. Правда, они не превращали эту террористическую деятельность в самоцель, да и размеры ее были крайне ограничены. Тем не менее остается фактом причастность большевиков к организованному эсерами-максималистами в 1906 г. покушению на Столыпина*.

Самой деликатной стороной "партизанской войны", бесспорно, были экспроприации. С одной стороны, экспроприаторские настроения захватили люмпенские и босячие элементы общества и явились результатом обострения материальной нужды и безработицы. С другой, — к экспроприациям стали прибегать и некоторые революционеры (эсеры, большевики, анархисты).

РСДРП постоянно нуждалась в материальных средствах на агитационно-пропагандистскую, организаторскую и боевую работу, которые не могли быть получены в достаточном количестве ни за счет членских взносов, ни даже за счет крупных единовременных пожертвований отдельных лиц. Известно, например, что богатейший московский промышленник С.Т. Морозов неоднократно жертвовал на нужды большевиков значительные суммы и завещал жене Горького, актрисе М.Ф. Андреевой 100 тыс. рублей, из которых 60 тыс. она передала большевикам, а остальные 40 тыс. — стипендиатам Морозова в высших учебных заведениях. Еще один московский фабрикант, Н.П. Шмит оставил РСДРП около 250 тыс. руб., присвоение которых большевиками сопровождалось весьма

*12 августа 1906 г. три эсера-боевика, у которых были бомбы, изготовленные в большевистской динамитной мастерской проникли на дачу Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге. 24 человека, находившиеся в приемной у премьер-министра, были убиты на месте, свыше 30 ранены. Среди жертв, наряду с представителями царской администрации, были и ни в чем не повинные люди, включая детей Столыпина. Сами террористы были разорваны при взрыве в клочья. Столыпин не пострадал.

авантюрной историей (фиктивный брак, судебный процесс и т.д.). Большие денежные суммы передали марксистской партии А.М. Горький, писатель Н.Г. Гарин-Михайловский и др.

Тем не менее эти средства не могли покрыть все расходы партии. Вот почему большевики и решили прибегнуть к экспроприациям, рассуждая, видимо, по принципу: грабить награбленное у народа — не грех. Помимо достаточной спорности такого тезиса, совершенно очевидно, что "эксы" вызывали резко негативную реакцию широкой общественности и культивировали у самих боевиков чувство вседозволенности и анархистские замашки. Одной из самых значительных экспроприаций, осуществленных во время революции членами РСДРП, была операция проведенная в июне 1907 г. в Тифлисе под руководством Камо (Тер-Петросяна), за спиной которого, по-видимому, стоял Сталин, и давшая большевикам не менее 250 тыс. руб. Уральские большевики провели под руководством братьев Кадомцевых крупную экспроприацию (более 150 тыс. руб.) под Уфой. Было проведено и еще несколько удачных операций подобного рода. Но постепенно становилось ясно, что экспроприации могут вырождаться в элементарный политический бандитизм, оттолкнув от социал-демократов широкие слои народа.

На IV съезде РСДРП большинством голосов прошла внесенная меньшевиками резолюция о партизанских выступлениях, запрещавшая экспроприацию денежных капиталов в частных банках и все формы принудительных взносов для целей революции. Что касается капиталов Государственного банка и других правительственных учреждений, то их экспроприация допускалась лишь в том случае, если бы в данной местности возник орган революционной власти, например, Совет рабочих депутатов, санкционировавший подобную акцию. Кроме того, специально было оговорено, что должен соблюдаться принцип строгой отчетности членов партии по итогам любой экспроприации. Следующий, V съезд РСДРП окончательно запретил проведение любых экспроприаций и распустил боевые дружины. При этом Ленин, Лядов, Томский, Ярославский и некоторые другие большевики и латышские социал-демократы голосовали против резолюции, а ряд членов их фракций от голосования воздержался. Отдельные экспроприации имели место и после V съезда РСДРП, однако в основном экспроприаторские акции после поражения революции сошли на нет, успев, однако, нанести значительный ущерб престижу РСДРП и в первую очередь большевиков.

Большой вклад в развитие революции внесло крестьянство. В 1905-1907 гг. в деревне, по далеко не полным данным, произошло около 26 тыс. крестьянских выступлений, в том числе в Средневолжском районе около 5600, на Правобережной Украине — более 3900, в Черноземном Центре — 3400, на Северном Кавказе — более 1800, на Левобережной Украине

— около 1700, в Белоруссии — свыше 1600, в Латвии и Эстонии — около 1350, в Степной Украине и в Центральном промышленном районе — примерно по 1200, в Сибири — около 1300, в Литве — более 1000 и т.д.*.

Это был самый мощный за всю историю России взрыв крестьянской войны против существующего строя. Формы и методы борьбы крестьян были очень разнообразны: самовольный захват помещичьих земель, сельскохозяйственного инвентаря, зерна и скота, порубка лесов, разгром дворянских усадеб с целью "выкуривания" помещиков из деревни, борьба за более выгодные условия аренды земли. В годы революции многие крестьянские общества составляли наказы и приговоры, адресованные царю, правительству и Государственной думе. Часто крестьянские выступления сопровождались открытыми столкновениями с царскими войсками, стражниками и полицией. В ряде районов получило развитие крестьянское партизанское движение ("лесные братья" в Латвии, "красные сотни" в Грузии, абреки в Дагестане, Азербайджане, "народные мстители" в Молдавии и т.п.). Неотъемлемой составной частью классовой борьбы в деревне стали забастовки сельскохозяйственных рабочих.

Самой радикальной формой крестьянского движения были восстания, в ходе которых наносился значительный урон помещичьему хозяйству (в 1905 г. в Европейской России крестьяне разгромили около 3 тыс. дворянских имений), свергались местные власти и создавались крестьянские комитеты и другие аналогичные организации. При этом в ряде мест в результате крестьянских восстаний возникли "республики", где власть находилась в руках революционных крестьянских комитетов (с. Николаевский городок в Саратовской губ., Старо-Буянская волость Самарской губ., с. Марково Волоколамского уезда Московской губ., Руиенская "республика" в Эстонии и т.д.).

Очень интересна история "Марковской республики", которая возникла в селе Маркове (150 км от Москвы) и просуществовала с 21 октября 1905 по 18 июля 1906 г. В нее вошли 6 селений с населением 6 тыс. человек. Крестьяне решили не платить налоги, не давать рекрутов в армию и не выполнять распоряжений местных властей. "Президентом" республики стал крестьянин П.А. Буршин. Все очередные дела решались на собраниях. На одном из них был принят "Приговор", опубликованный в ряде московских газет и отдельной брошюрой. В нем марковские крестьяне требовали созыва Учредительного собрания, передачи им помещичьей земли, упразднения должности земского начальника, введения подоходного налога и полного самоуправления. Лишь летом 1906 г. властям удалось арестовать около 300 крестьян и восстановить в волости

*См.: Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. М., 1989. С.254.

прежние порядки. Есть основания предполагать, что в "Марковской республике" работали не только члены Всероссийского крестьянского союза, но и люди, связанные с Московским окружным комитетом РСДРП.

Социал-демократы вели агитационно-пропагандистскую и организационную работу в деревне, создавали там партийные ячейки, крестьянские кружки и группы, устанавливали контакты с местными революционными крестьянскими комитетами, вели работу в отделениях ВКС. Различные аспекты аграрно-крестьянского движения в годы революции обсуждались на трех съездах и двух конференциях РСДРП, а также на 63 областных, губернских, окружных и городских партийных конференциях и съездах национальных социал-демократических организаций*.

За время революции социал-демократические организации выпустили массовым тиражом не менее 375 листовок, обращенных непосредственно к крестьянам**. Выходили также партийные газеты, предназначенные специально для села. Много делали для революционизирования деревенского населения рабочие, не порвавшие связи с сельским хозяйством, в частности участники забастовок, которых полиция высылала из городов в те места, где они родились. Однако следует учитывать, что число социал-демократов, постоянно работавших в деревне, было в 1905-1907 гг. еще невелико, и по своему влиянию на крестьянство они явно уступали в то время эсерам, Всероссийскому крестьянскому союзу и трудовикам.

Революционное пробуждение деревни отразилось на состоянии вооруженных сил, которые в значительной своей части состояли из крестьян. В период революции произошло несколько сот волнений и открытых восстаний в армии и на флоте. В 1905 г. работу среди солдат и матросов вели свыше 60 социал-демократических организаций, а в 1906 г. их насчитывалось уже 80. Было создано также несколько десятков особых военных организаций РСДРП***. В 1906 г. удалось провести первую конференцию военных и боевых организаций партии. Среди видных организаторов военной работы были большевики Е.М. Ярославский, Н.Ф. Насимович, меньшевик В.А. Антонов-Овсеенко и др. Активно работали в армии и на флоте также эсеровские организации. Однако в целом большая часть армии в 1905-1907 гг. еще оставалась верной царю и послушно участвовала в подавлении революционных выступлений.

Большую роль в вовлечении средних городских слоев в революционное движение также играли социал-демократы. Они вели значительную агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу среди студен-

*См.: Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. Документы и листовки социал-демократических организаций: Указатель докум. публ.: В-2ч. Ч.1. М., 1979. С.7.

**См.: Сенчакова Л.Т. РСДРП и крестьянство в революции 1905-1907 гг. М., 1984. С.57.

***См.: Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1963. С.54.

чества и учащейся молодежи, интеллигенции, служащих. При местных партийных комитетах действовали студенческие группы и фракции, создавались социал-демократические союзы студенческой молодежи, учащихся-гимназистов. Комитеты РСДРП неоднократно обращались с листовками непосредственно к студентам, народным учителям, служащим.

На транспорте были созданы социал-демократические группы, а также первые профессиональные союзы железнодорожников социал-демократического направления. Главную роль в руководстве движением железнодорожных служащих, наряду с эсеровским по своему характеру Всероссийским железнодорожным союзом, играли местные комитеты РСДРП, а также возникшие в 1906 г. специальные партийные организации на железнодорожном транспорте — узловые бюро РСДРП.

Укрепились организационные связи социал-демократов с торговыми и почтово-телеграфными служащими, средним и низшим медицинским персоналом, инженерно-техническими работниками, учителями.

В 1905-1907 гг. пришли в движение и все национальные районы Российской империи, причем спектр национальных требований в России был достаточно широк — от откровенного сепаратизма (курс на отделение Польши, Финляндии, Средней Азии) до весьма умеренных требований политической и культурно-национальной автономии в составе России. Следует подчеркнуть, что сепаратистские устремления в этот период еще не получили широкого распространения и явно уступали по популярности идеям "автономизма", которые разделяли и умеренные либералы, и многие социалистические партии, и организации национально-патриотического толка.

Если говорить о широких народных массах и в первую очередь о рабочих, то они проявили себя в 1905-1907 гг. прежде всего как участники интернационалистского по своему характеру освободительного движения, в котором чисто национальные требования играли подчиненную роль по сравнению с требованиями социальными и политическими. В Польше, Прибалтике, Белоруссии, Закавказье, на Украине крестьяне вместе с демократической интеллигенцией участвовали в кампании за введение всеобщего обучения на родном языке и выступали за право пользоваться им в государственных учреждениях. Однако, как правило, ядром национальных движений, были буржуазно-либеральные организации, проповедовавшие идеи социального мира внутри угнетенных наций.

Что касается РСДРП, то все ее составные части требовали полного национального равноправия, свободного развития национальных культур и языков, признавали областную автономию для крупных национальных районов. Вопрос о возможности федеративного устройства будущей демократической Российской республики рассматривался (напри-

мер, С.Г. Шаумяном) чисто теоретически, а провозглашенное в программе РСДРП право наций на самоопределение интерпретировалось так, что возможность отделения от государства — метрополии, хотя она и признавалась в разного рода комментариях и статьях в партийной публицистике, считалась не очень реальной и внимание на этом специально не акцентировалось. В целом же национальная программа РСДРП была разработана тогда лишь в самой общей форме. Недаром в листовках РСДРП, в том числе и предназначенных для национальных районов, мы почти не встречаем специфически национальных лозунгов и требований, тогда как принцип пролетарского интернационализма, наоборот, является лейтмотивом и большевистской, и меньшевистской агитационно-пропагандистской литературы в период первой российской революции. Примат социального над национальным был в РСДРП в общем и целом аксиомой, хотя в деятельности бундовцев, УСДРП, армянских "спецификов" и проявлялись их претензии на исключительное представительство интересов трудящихся своей национальной группы.

Социал-демократы решительно выступали против попыток царизма разжечь национальную вражду, натравить одни народы на другие. Они резко осуждали поощрявшиеся властями еврейские погромы, армяно-азербайджанские столкновения в Закавказье, особенно резню армян в Баку (февраль, август, октябрь 1905 г., февраль-март 1906 г.), Нахичевани и других местах. Социал-демократы были инициаторами создания интернациональных отрядов самообороны, сумели предотвратить ряд погромов в Тифлисе, Казани и других местах, защищали армян в Баку. РСДРП организовала широкие кампании в поддержку национально-освободительной борьбы поляков и финнов. В свою очередь пролетариат и часть демократических слоев населения национальных районов активно поддерживали борьбу русского народа против самодержавия.

Местные социал-демократические комитеты выпускали газеты и листовки на многих языках народов России. Так, например, в 1905-1907 гг. в Закавказье издавалось пять газет на грузинском языке, семь — на армянском и азербайджанском. В Прибалтике широкое распространение получила газета "Циня" ("Борьба"), издававшаяся на латышском языке, а на Урале — газета "Урал" на татарском языке.

Таким образом, РСДРП сыграла в 1905-1907 гг. видную роль в руководстве массовым народным движением. Это не исключало многочисленных стихийных проявлений протеста трудящихся против самодержавия и буржуазии. Соединение этих двух начал революционной борьбы — организованного и стихийного — свидетельствовало о силе революции, о наличии у нее глубоких социальных корней. При этом по мере нарастания революции стихийная, беспартийная революционность все больше уступала место сознательной, целенаправленной борьбе народа против

своих угнетателей. Важную роль в этом процессе играла российская социал-демократия.

3. Марксисты и массовые демократические организации

В ходе революции народные массы России выступили как активная социальная сила, способная к самостоятельному историческому творчеству. Именно пролетариат создал Советы рабочих депутатов — организации, давшие после 1917 г. название более чем 70-летнему периоду отечественной истории.

В историографии высказывались различные точки зрения по вопросу о генезисе Советов. Их корни искали то в институте фабричных старост, который был введен в начале XX в., то в зубатовских организациях, то в уже упоминавшейся выше комиссии сенатора Н.В. Шидловского, созданной после событий 9 января 1905 г. для выяснения причин недовольства рабочих*. В настоящее время среди отечественных историков утвердилось мнение о том, что генезис Советов тесно связан с забастовочными комитетами, которые повсеместно создавались с начала 1905 г. для руководства стачечной борьбой пролетариата.

Вероятно, трудно будет объяснить возникновение Советов и без учета ряда моментов, связанных с коллективистской психологией самих рабочих и унаследованными ими от крестьян традициями "мирской" взаимопомощи, коллективного принятия решений и общей ответственности за их исполнение. Это стихийное демократическое начало, несмотря на самодержавную природу власти в России, веками жило в сознании русского народа и не могло не проявиться в 1905 г. При этом пролетариат в силу присущих ему социальных качеств выразил эту демократическую тенденцию особенно ярко и рельефно.

Советы не были продуктом кабинетного творчества революционных лидеров. Их создал сам рабочий класс, который в ходе революции искал и находил новые формы своей организации, создавал "снизу" новое, революционное право. Советы прошли в своем развитии ряд этапов, причем начало этого процесса, как нередко бывает в истории, было более чем скромным. Первые зародыши выборных органов советского типа появились уже весной 1905 г. на Урале (Алапаевск, Надеждинск, Нижний Тагил, Мотовилиха). Так, в марте 1905 г. рабочие Алапаевского завода и

*Эта комиссия была учреждена по царскому Указу от 29 января 1905 г. Помимо правительственных чиновников, начальников казенных заводов и фабрикантов в нее должны были войти и представители рабочих, которых предстояло избрать путем двухстепенных выборов. После того, как по инициативе РСДРП рабочие выборщики выдвинули требования свободы слова, печати, собраний, неприкосновенности личности, Шидловский 18 февраля 1905 г. объявил их неприемлемыми. После этого большинство выборщиков отказалось от выборов депутатов и начало агитацию за всеобщую стачку.

Алапаевских рудников избрали в ходе стачки Собрание рабочих депутатов из 33 человек во главе с большевиком Г.Г. Ветлугиным. Оно составляло требования стачечников, избирало цеховые комиссии, устанавливало расценки, определяло квалификацию рабочих, взяло под свой контроль их прием и увольнение с предприятий. По требованию депутатов с завода были удалены наиболее ненавистные рабочим представители администрации. Собрание рабочих депутатов установило контакты с крестьянами окрестных деревень, проводило революционные митинги.

Надеждинский Совет уполномоченных от рабочих, возникший в конце апреля 1905 г., активно вмешивался во все сферы производственной жизни предприятия, в частности, нормировал рабочий день и заработную плату, увольнял пьяниц и хулиганов, удалял с завода наиболее грубых мастеров, следил за порядком в рабочем поселке.

Более зрелую форму имело созданное в мае 1905 г. Собрание уполномоченных депутатов — фактически первый общегородской Совет рабочих депутатов в текстильном центре России Иваново-Вознесенске. В Совет был избран 151 депутат, в том числе 23 женщины-работницы. Среди депутатов было 73 большевика, составлявших вместе с сочувствующими подавляющее большинство членов Совета. Его председателем стал беспартийный рабочий-гравер Авенир Ноздрин — личность яркая, щедро одаренная природой (он писал хорошие стихи, был прекрасным оратором)*.

Для руководства отдельными направлениями деятельности Совета были образованы комиссии: стачечная вела переговоры с представителями властей и фабрикантов; финансовая проделала большую работу по сбору средств в пользу бастующих, особенно для остро нуждающихся многодетных семей рабочих; продовольственная организовала их снабжение продуктами питания. При Совете были также созданы специальная агитационно-пропагандистская группа и рабочая милиция для обеспечения порядка в городе и охраны фабрик от воров и хулиганов.

Иваново-Вознесенский Совет был своего рода эмбрионом новой, народной власти. Его распоряжения, как правило, выполнялись фабрикантами и представителями администрации, вынужденными вступать в переговоры с рабочими. По постановлению Совета на предприятиях создавались специальные отряды, которые не допускали к работе штрейкбрехеров, а также следили за порядком. Совет категорически потребовал от фабрикантов, чтобы те не увольняли ни одного рабочего в период стачки, не выселяли бастующих из фабричных квартир и выплатили им заработную плату за все время стачки (последнее требование было выполнено

*В конце 30-х гг. Ноздрин стал жертвой сталинских репрессий.

лишь частично). Он запретил торговцам повышать цены на продукты питания и заставил владельцев предприятий отпускать рабочим в кредит продовольствие в заводских лавках. Родителям, имеющим детей в возрасте до трех лет, выдавались деньги на покупку молока.

Совет рабочих депутатов взял на себя и некоторые функции управления городом. Характерно, что по требованию Совета в первые же дни забастовки были закрыты все казенные винные лавки и запрещена продажа спиртных напитков в пивных и трактирах. Собрания и митинги, проходившие на берегу реки Талки, стали своеобразным "народным университетом", школой политического просвещения масс. Иваново-Вознесенский Совет (а вслед за ним и другие Советы рабочих депутатов) действовал на основе полной гласности, без всякого бюрократизма.

Активная борьба Иваново-Вознесенского Совета за удовлетворение социально-политических требований рабочих сделала его чрезвычайно популярным во всем текстильном районе. В Совет прибывали делегации из соседних городов и промышленных поселков, а также крестьянские делегации из окрестных сел и деревень, жаловавшиеся депутатам на притеснения со стороны помещиков и властей и просившие направить к ним докладчиков и революционную литературу.

По примеру иваново-вознесенцев свой Совет рабочих депутатов создали в июле 1905 г. во время стачки и костромичи. Но особенно бурно пошел этот процесс осенью 1905 г., в условиях значительного ослабления центральной и местной царской администрации. По подсчетам исследователей, в сентябре-декабре Советы рабочих депутатов возникли более чем в 50 городах и рабочих поселках страны. В 1905 г. было создано в общей сложности 36 общегородских и 8 фабрично-заводских Советов, 4 Совета рабочих и крестьянских депутатов, 1 — крестьянских депутатов (в Тверской губ.), 1 — рабочих и солдатских и матросских депутатов (Севастополь), 1 — солдатских депутатов (Москва), 1 — солдатских и казачьих депутатов. По своим функциям были близки к Советам и некоторые другие демократические организации трудящихся: в деревне — революционные крестьянские комитеты, на транспорте — железнодорожные стачечные комитеты.

Депутатами Советов могли стать мужчины и женщины, члены революционных партий и беспартийные, верующие и атеисты, люди любой национальности. Критерий отбора был один: честность, высокие деловые качества, преданность рабочему классу, авторитет у избирателей. Порядок выборов и нормы представительства были самыми разными, но принцип полного и последовательного демократизма соблюдался при этом неукоснительно.

Самым крупным из Советов рабочих депутатов был Петербургский, возникший 13 октября 1905 г., в разгар Всероссийской политической

стачки. На первом его заседании присутствовало не более 40 депутатов, через день их было уже 225, а в дальнейшем число депутатов дошло до 562 (508 из них представляли около 200 столичных предприятий, а 54 — профсоюзы, причем не только чисто пролетарские, но и таких категорий служащих, как фармацевты, приказчики, конторщики). Центральной фигурой на пленумах Петербургского Совета был рабочий-металлист (351 депутат). Кроме того, среди депутатов было 57 текстильщиков, 32 печатника и 122 представителя других профессий*.

Ведущую роль в Петербургском Совете играли социал-демократы (65%), причем позиции меньшевиков оказались сильнее, чем у большевиков (последние имели менее 10% голосов). На долю эсеров приходилось 13% голосов, беспартийных — 22%**. Характерно, что в Исполнительном комитете Совета представители РСДРП и эсеров пользовались лишь правом совещательного голоса. На тех же основаниях присутствовали на заседаниях исполкома представители Всероссийских железнодорожного, почтово-телеграфного и крестьянского союзов. Заметим, что координация действий пролетариата с городской демократией осуществлялась и в ряде других Советов — Московском (там были делегаты от союзов техников и фармацевтов), Екатеринбургском (здесь, наряду с рабочими, были приказчики, железнодорожные и почтовые служащие), Самарском (конторщики, телеграфисты, земские служащие), Воронежском (приказчики, учителя, фармацевты, инженеры) и т.д.

Уже на начальной стадии работы Петербургского Совета возник вопрос о его взаимоотношениях с РСДРП. В Иваново-Вознесенске такой проблемы не было: там местный комитет РСДРП, пользовавшийся у рабочих большим авторитетом, предлагал Совету определенную линию поведения, которая и принималась без особых возражений. Однако в Петербурге ситуация была принципиально иной: здесь шло острое соперничество большевиков, меньшевиков и эсеров. Главную роль в исполкоме СРД играли меньшевики. Первым председателем Совета (всего на один день) был меньшевик С. Зборовский, а вторым — присяжный поверенный Г.С. Носарь (в Совете он выступал под фамилией рабочего Хрусталева), также заявивший вскоре о присоединении к меньшевикам. После его ареста в конце ноября 1905 г. был избран президиум Совета, куда вошли нефракционный социал-демократ Л.Д. Троцкий, меньшевики П.А. Злыднев и Д.Ф. Сверчков. Когда 3 декабря и они были арестованы, лидером Совета стал Парвус.

Некоторые руководящие большевистские работники, включая члена ЦК РСДРП А.А. Богданова и ряд членов столичного комитета партии,

*См.: 1905. Воспоминания членов СПб Советов рабочих депутатов. Л., 1926. С.9-10; История Совета рабочих депутатов г. С.-Петербурга. СПб., 1906. С.147

.**См.: Невский В.И. Советы и вооруженное восстание в 1905 году. М. 1932. С.47.

попытались навязать Совету принятие программы РСДРП, угрожая в противном случае выйти из состава этой организации. Один из членов исполкома Совета, большевик Б.М. Кнунянц (Радин) даже опубликовал в газете "Новая жизнь" статью, в которой выдвинул надуманную и бесперспективную с точки зрения интересов революции альтернативу — Совет или партия? Отдельные большевики выражали сомнения в необходимости поддерживать столь пеструю по составу организацию, как Совет. Другие усматривали в нем чуть ли не конкурента партии в борьбе за влияние на широкие рабочие массы. Наконец, третьи подозрительно относились к Совету только потому, что в нем преобладало не большевистское, а меньшевистское влияние.

Ошибочные взгляды петербургских большевиков по вопросу о взаимоотношениях РСДРП и Советов нашли отражение и в ряде партийных документов того периода: в письме ЦК к партийным работникам от 27 октября и в резолюции 8 комитетов РСДРП (Московского, Нижегородского, Тверского и др.), представители которых собрались 21-23 ноября в Москве на конференции северных комитетов партии. Характерно, что в письме ЦК даже рекомендовалось, в случае отказа соответствующих Советов принять программу РСДРП, "разоблачать перед пролетарскими массами их антипролетарский характер"*.

Путаница во взглядах на роль Совета рабочих депутатов и пролетарской партии в революционном движении были и у некоторых меньшевиков. Так, А.С. Мартынов в газете "Начало" писал, что беспартийный Совет имеет историческое оправдание лишь до тех пор, пока социал-демократия не стала еще массовой рабочей партией.

Возвратившись из эмиграции в Россию, Ленин сразу же лично познакомился с работой Петербургского Совета и пришел к выводу, что любые попытки превратить эту широкую массовую организацию в нечто вроде филиала социал-демократической партии, поставить ее под жесткий контроль и изгнать из Совета всех несогласных с социал-демократами — это вредная и безнадежная затея, обреченная на провал.

Пролетариату, революции, подчеркивал Ленин, нужны и Советы, и рабочая партия. При этом он видел задачу большевиков в том, чтобы настойчиво и терпеливо разъяснять членам Совета линию партии, добиваться усиления социал-демократического влияния, но не командовать, не ставить нелепых ультиматумов, не отлучать от этих организаций тех, кто искренне выступает за революцию, хотя и не разделяет марксистских взглядов.

Эти советы Ленина, несомненно, оказали влияние на позицию большевиков, хотя ему пришлось столкнуться в данном случае и с непонима-

*Третий съезд РСДРП. Сб. документов и материалов. С.367.

нием, и с сопротивлением. Видимо, не случайно, ленинская статья "Наши задачи и Совет рабочих депутатов (письмо в редакцию)", предназначенная для газеты "Новая жизнь", осталась тогда не напечатанной и была опубликована лишь в 1940 г., когда ее рукопись случайно нашли в архиве Академии наук. Однако в ряде устных выступлений, а также в статье "Социализм и анархизм", опубликованной 25 ноября, Ленин сумел донести свои взгляды до петербургских партийных работников, что положительно сказалось на исправлении сектантской линии многих большевиков в этом важном вопросе.

В исторической литературе долго бытовало мнение о преобладающем влиянии большевиков в Советах 1905 г. (считалось, что большевики преобладали в 44 Советах, меньшевики — в 10, эсеры — в 1, в Белостоке). При этом в качестве одного из веских аргументов в пользу данного тезиса приводились обычно сведения о фракционной принадлежности председателя того или иного совета. Среди председателей наиболее крупных Советов были большевики П.Г. Кин (Екатеринбург), Ф.А. Алексеев (Киев), С.В. Малышев (Кострома), Н.Е. Вилонов (Самара), И.С. Якутов (Уфа). Меньшевики возглавляли Советы в Баку (Лев Шендрик), Екатеринославе (И.Б. Бассовский), Николаеве (В.П. Краснуха), Ростове-на-Дону (Н.Н. Розанов), Одессе (студент В. Шавдия). Однако анализ фактического материала о соотношении сил в руководящих органах Советов и особенно об их практической деятельности свидетельствует об отсутствии подобного рода автоматической зависимости.

Выработка общей тактической линии Советов была результатом согласования позиций различных сил, составлявших "левый блок", которые, в свою очередь, складывались с учетом настроения и интересов беспартийной массы трудящихся, прежде всего рабочих. Кроме того, следует принять во внимание и сближение позиций большевиков и меньшевиков в период высшего подъема революции, что стало важным импульсом для развития объединительного движения в РСДРП. Вот почему историкам предстоит еще раз вернуться к анализу деятельности различных Советов и дать ей более объективную оценку, отказавшись от упрощенной схемы, согласно которой большевистское руководство тем или иным Советом уже само по себе гарантировало его верный курс, а меньшевики, наоборот, якобы всегда тянули Советы на оппортунистический путь.

Анализ практической деятельности Советов в период высшего подъема революции уместно начать с самого крупного и авторитетного в то время Петербургского Совета рабочих депутатов. В его активе были такие мероприятия, как кампания по введению явочным порядком на фабриках и заводах столицы 8-часового рабочего дня, организация ряда крупных забастовок, помощь безработным, издание собственного печат-

ного органа — "Известий" (они выходили с 17 октября по 14 декабря 1905 г. тиражом от 35 до 60 тыс. экз.), публикация совместно с революционными партиями и организациями манифеста с призывом к финансовому бойкоту правительства и т.д. Петербургский Совет пытался установить контакты с Советами рабочих депутатов ряда других городов страны, заслушивал на своих заседаниях представителей крестьянства, армии, служащих. Деятельность Петербургского Совета, который известный публицист и книгоиздатель А.С. Суворин даже называл "вторым правительством" России, имела большой общественный резонанс.

Однако арест 37 членов Исполкома и 230 депутатов Совета 3 декабря 1905 г., а затем полная несостоятельность второго его состава во главе с Парвусом (Совет прекратил свое существование в январе 1906 г.) привели к тому, что в декабрьские дни Петербургской СРД уже не смог оказать сколько-нибудь серьезного влияния на ход событий в столице, не говоря уже о стране в целом.

По сравнению с Советами некоторых других городов страны, где в декабре 1905 г. произошли вооруженные восстания, роль Петербургского Совета как зачаточного органа революционной власти оказалась неизмеримо скромнее. На это были, разумеется, и объективные причины, главная из которых состояла в том, что Петербург оставался тогда главной твердыней самодержавной власти. Кроме того, нельзя не учитывать и такие факторы, как огромные масштабы города, величина его населения и т.д. Сказывалась и усталость столичного пролетариата от предшествующей многомесячной стачечной борьбы. Так или иначе, Петербургский Совет больше напоминал "рабочий парламент", где шли бурные многочасовые дебаты по самым животрепещущим вопросам, но гораздо меньше делалось для их конструктивного решения.

Деятельность Московского Совета рабочих депутатов, где значительным влиянием пользовались большевики, с самого начала была нацелена на подготовку масс к вооруженной борьбе с самодержавием, а затем — на руководство Декабрьским восстанием. Правда, Совет в Москве оформился на месяц с лишним позже, чем в Петербурге, и в этом тоже сказалось непонимание московскими большевиками роли этой новой массовой организации. В отличие от Петербурга, в Москве сначала проходили выборы в районные Советы, а те уже выбирали своих представителей в Моссовет. В нем было около 200 депутатов, представлявших почти 100 тыс. московских рабочих. Постоянного председателя в Моссовете не было. От большевиков в его исполком входили В.Л. Шанцер и М.И. Васильев-Южин.

Уже на своем втором заседании, 27 ноября 1905 г., Московский Совет призвал организовать сбор пожертвований на вооружение для предстоящего восстания и горячо приветствовал солдат, ведущих борьбу за свободу.

ду. Под влиянием Совета рабочих депутатов 3 декабря в Москве был создан Совет солдатских депутатов.

Выше уже рассказывалось о ходе вооруженного восстания в Москве, в ходе которого и Моссовет, и особенно районные Советы сыграли немалую роль в руководстве борьбой московского пролетариата. Интересна в этой связи дневниковая запись Льва Тихомирова — в прошлом одного из руководителей "Народной воли", отошедшего затем от революции и ставшего сотрудником консервативных "Московских ведомостей", который 12 декабря 1905 г. отметил: "...власть революционеров и более сильна, и более толкова..."*. Так, на Пресне в разгар боев штаб дружинников и районный Совет организовали снабжение трудящегося населения продуктами питания, на фабриках и улицах были организованы дежурства, на Пресне действовал революционный трибунал. Во время восстания продолжали выходить "Известия Московского Совета рабочих депутатов". Последний пленум Московского Совета состоялся 15 декабря.

Большую роль сыграли Советы в руководстве забастовочной борьбой и вооруженными выступлениями пролетариата на Дону и Северном Кавказе, Украине, в Донбассе и Сибири. Так, в Новороссийске на протяжении двух недель административная и судебная власть находилась в руках местного Совета. Аналогичная ситуация была в Чите и Красноярске, где Советы обладали властью в огромном районе, простиравшемся на сотни верст вдоль линии Сибирской и Забайкальской железных дорог. В декабрьские дни активно проявили себя Советы и железнодорожные комитеты Донбасса, а также Ростовский Совет рабочих депутатов. Совместно с революционными партиями они осуществляли руководство восстанием, заботились о его материально-техническом обеспечении, поддерживали в ходе восстания революционный порядок.

Советы не останавливались перед радикальным вторжением в экономическую сферу (попытки введения 8-часового рабочего дня в Петербурге, Красноярске, Чите и некоторых других местах, регулирование цен на предметы первой необходимости, борьба со спекуляцией, обложение предпринимателей прогрессивно-подоходным налогом, помощь безработным). Они явочным порядком осуществляли свободу слова, печати, собраний, создавали народные суды. В Петербурге, Москве, Костроме, Одессе, Баку, Новороссийске, Таганроге, Юзовке, Мариуполе, Кременчуге, Вятке Советы издавали свои печатные органы — "Известия Совета рабочих депутатов".

Как известно, меньшевики видели в Советах практическую реализацию выдвинутой ими идеи "революционного самоуправления". Что касается большевиков, то они шли в своих планах значительно дальше. Так,

*Красный архив, 1930. Т. 4-5 (41-42). С. 120.

Ленин полагал, что в случае победы народного восстания власть перешла бы в руки Советов, ибо они на деле были зачатками временного революционного правительства.

Бесспорно, первые Советы, возникшие еще до созыва в России Государственной думы, несли в себе большой демократический заряд. Разумеется, их демократизм был далек от "чистой" демократии современного типа, которой, кстати говоря, не было еще в то время и во многих развитых западноевропейских странах. "Советская" демократия носила в 1905 г. сугубо классовый характер и не распространялась не только на противников революции, но и на значительную часть средних слоев. Ситуация усугублялась тем, что в деятельности Советов наметилась тенденция к совмещению законодательной, исполнительной и судебной властей. Но не будем забывать, что в 1905 г. Советы делали лишь первые, очень робкие шаги, и было бы неверно делать на основании их анализа далеко идущие выводы о недостатках, присущих всем организациям этого типа, и тем более приравнивать эти организации к Советам, которые действовали после 1917 г.

Что касается достоинств первых Советов, то они совершенно очевидны: равные условия для всех участников выборов, отсутствие какой-либо элитарности при подборе кандидатов, самая тесная связь депутатов с избирателями и непосредственный контроль со стороны последних за работой Совета, минимум формальностей при принятии и реализации решений. С учетом всех этих обстоятельств, можно сказать, что опыт первых Советов 1905 г. заслуживал самого пристального внимания и осмысления.

Первая российская революция вызвала к жизни и еще одну массовую организацию трудящихся — профессиональные союзы. К концу революции насчитывалось уже около 1200 легальных и нелегальных рабочих профсоюзов, действовавших в 350 населенных пунктах страны*. В России сложился новый тип профсоюзов, которые не ограничивались борьбой за улучшение экономического положения рабочих и служащих и повышение их культурного уровня, помощью безработным и стачечникам. Они распространяли социалистическую литературу, предоставляли свои помещения в распоряжение революционных партий и организаций, посылали представителей в Советы рабочих депутатов, участвовали в Декабрьском вооруженном восстании, а затем в избирательной кампании по выборам во II Государственную думу, служили легальным прикрытием для революционеров-подпольщиков.

*См.: Профессиональные союзы рабочих России, 1905 - февраль 1917 г.: Перечень организаций: В 2 вып. Вып. 1. М., 1985. С. 9 (далее: Профессиональные союзы рабочих России, 1905 - февраль 1917 г.).

В профессиональном движении России с самого начала шла упорная борьба между большевиками и меньшевиками, сумевшими на первых порах занять руководящие позиции во многих союзах. Последнее объяснялось тем, что меньшевики с самого начала всячески подчеркивали значение экономической борьбы и быстрее начали осваивать легальные формы организации пролетариата, добившись на этом поприще немалых успехов. Следует признать, что далеко не все большевистские комитеты сразу же смогли оперативно выработать правильную линию поведения по отношению к профсоюзам, предлагая им в ряде случаев в качестве непременного условия сотрудничества принять социал-демократическую программу и партийное руководство. В дальнейшем позиция большевиков по отношению к профсоюзам приобрела более сбалансированный характер, многие досадные перегибы были устранены, что не замедлило сказаться и на укреплении их влияния в профессиональном движении.

Как известно, на Западе на протяжении долгого времени бытовала теория "нейтральности" профессиональных союзов, исходившая из принципа их внепартийности. Это означало, что в профсоюзах на равных условиях могли объединиться для защиты своих социальных интересов рабочие самых разных политических взглядов и убеждений и ни одна партия не навязывала своей воли инакомыслящим. При этом наиболее последовательные сторонники теории "нейтральности" доходили до идеи полной независимости профсоюзов от социалистических партий. Подобная ситуация во многом объяснялась тем, что профсоюзы на Западе возникли в основном до образования социалистических партий, были многочисленнее и материально сильнее их, часто подчеркнуто афишировали свою аполитичность. В этих условиях попытки партий II Интернационала руководить профсоюзами были бы заранее обречены на неудачу.

Однако в начале XX в., все чаще сталкиваясь с фактами явного тяготения профсоюзных лидеров к реформизму, социалистические партии на Западе стали приходить к выводу, что их "нейтральность" по отношению к профсоюзам может отрицательно сказаться на рабочем движении. В Германии, например, все острее ощущалась конфронтация профсоюзных и социал-демократических лидеров по ключевым вопросам борьбы пролетариата за свои права, что заставило К. Каутского и А. Бебеля выступить не только за установление более тесных контактов ГСД с профсоюзами, но и за необходимость проведения там социал-демократами выдержанной партийной линии.

В России ситуация в рабочем движении складывалась иначе: здесь социал-демократическая партия была основана в 1898 г., тогда как профсоюзы, спорадически возникавшие на рубеже XIX и XX вв. в западных районах России, находились еще в самом зачаточном состоянии, а более

или менее массовое профсоюзное движение началось лишь в 1905 г. В начале российские социал-демократы вслед за руководителями II Интернационала тоже признавали "нейтральность" профсоюзов (это относится и к В.И. Ленину, о чем он сам откровенно писал в предисловии к сборнику своих работ "За 12 лет"). Однако затем они взяли курс на активное сотрудничество с профсоюзами, их политизацию и расширение там своего влияния.

Стремление большевиков к политизации не только всех форм классовой борьбы, но и разного рода беспартийных пролетарских организаций имело достаточно противоречивые последствия. С одной стороны, это вело к усилению политической борьбы рабочих с самодержавием, а с другой — к расколу профессионального движения, к неоправданному и вредному дроблению и без того не очень значительных пролетарских сил, к ослаблению внимания к чисто социальным вопросам. Негативные последствия линии на максимальную политизацию профсоюзов особенно рельефно проявились после того, как большевики стали правящей и притом единственной в стране политической партией. В создавшихся условиях советские профсоюзы постепенно утратили одну из главных своих функций — функцию защиты интересов трудящихся и стали простым придатком партийного и государственного аппарата.

Что касается меньшевиков, то они, особенно Г.В. Плеханов, всячески подчеркивали, что многопартийный характер российского социалистического движения делает неэффективной тактику подчинения профсоюзов влиянию какой-либо одной партии, ибо в этом случае профсоюзы также распались бы на ряд соперничающих между собой параллельных организаций. Понятно, что ничего, кроме вреда, такая ситуация пролетариату бы не принесла. Одновременно Плеханов справедливо подчеркивал, что социал-демократия должна не отстраняться от профсоюзного движения, а, наоборот, стараться воздействовать на него в социал-демократическом духе и добиваться там — разумеется, агитационно-пропагандистскими средствами — усиления своего влияния и авторитета. Вместе с тем были среди меньшевиков и такие, кто настаивал на необходимости полного отказа социал-демократии от всякого влияния на профсоюзное движение и даже требовал отстранения профсоюзов от политической борьбы вообще. Очевидно, что с такой доведенной до абсурда интерпретацией "нейтральности" необходимо было бороться самым решительным образом.

IV съезд РСДРП принял (всего при двух воздержавшихся) решение о всемерной поддержке профсоюзного движения, которое, хотя и с рядом оговорок, было легализовано царским правительством в марте 1906 г. Съезд признал широкий беспартийный характер профсоюзов и обязал членов РСДРП активно в них работать, стараясь связать профсоюзы с рабочей партией. Что касается большевиков, то в предложенном ими

проекте резолюции (его автором был Ленин) подчеркивалось, что "партия должна всеми мерами стремиться к тому, чтобы воспитывать участвующих в профессиональных союзах рабочих в духе широкого понимания классовой борьбы и социалистических задач пролетариата, чтобы завоевывать своей деятельностью *фактически руководящую роль в таких союзах*, и, наконец, чтобы эти союзы могли, при известных условиях, *прямо примыкать к партии*, отнюдь, однако, не исключая из своего состава непартийных членов"* (Курсив наш. - Авт.). Разница большевистских и меньшевистских подходов к проблеме взаимоотношений между рабочей партией и профсоюзами здесь настолько очевидна, что не нуждается в комментариях. Заметим, однако, что на пленарном заседании IV съезда РСДРП этот ленинский проект не обсуждался, и поэтому в резолюцию съезда указанные выше формулировки не вошли.

Через год, на V съезде РСДРП подавляющим большинством голосов прошла большевистская резолюция о профсоюзах, где подтверждались решения предыдущего партийного съезда и подчеркивалось, что одна из основных задач социал-демократической работы в профсоюзах — это содействие признанию профсоюзами идейного руководства РСДРП, а также установление организационной связи между ними. Как видим, большевистские формулировки претерпели за период, прошедший со времени предыдущего партийного съезда, определенные изменения в сторону их смягчения. Тем не менее меньшевистские представители в комиссии съезда за этот проект не голосовали, но из-за недостатка времени на пленарном заседании дискуссия по вопросу о профсоюзах не открывалась.

В годы революции профессиональное движение в России сделало большие успехи. Точное количество членов профсоюзов в это время неизвестно (в 60% союзов, о которых имеются сведения в различных источниках, было в 1907 г. примерно 330 тыс. рабочих). При этом половина всех профессионально организованных рабочих приходилась на 8 крупнейших промышленных центров страны, включая Петербург (14%), Москву (12%) и Лодзь (9%)*. Большое развитие получила профсоюзная печать: в 1905-1907 гг. выходило в свет более 100 периодических профсоюзных изданий. Во время революции получили также развитие рабочие кооперативы и культурно-просветительные общества, в руководстве которыми принимали участие и социал-демократы.

Далеко не просто складывались взаимоотношения РСДРП с Всероссийским крестьянским союзом — массовой демократической организацией крестьянства, где к концу 1905 г. было около 200 тыс. членов. Так,

*КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 189.

**См.: Розенталь И.С. О количестве, численности и составе профсоюзов в царской России // История СССР. 1984. № 1. С. 61-62.

видный московский большевик А.В. Шестаков ("Никодим") на майском Учредительном съезде ВКС настаивал на обязательном включении в его решения требования демократической республики, но не был поддержан другими делегатами*. На ноябрьском (1905 г.) съезде ВКС было отвергнуто требование трех московских большевиков во главе с М.И. Васильевым-Южиным о предоставлении им права решающего голоса (оно мотивировалось тем, что рабочие ведут борьбу за интересы всего народа, включая крестьян). При этом один из крестьянских делегатов заявил: "Мы вас не отвергаем как борцов, но, когда вы хотите быть нашими опекунами и учителями, мы сами постараемся разобраться". Так крестьяне прореагировали на совет большевиков "учиться у рабочих и социал-демократической партии". В ответ большевики не нашли ничего лучшего, как покинуть съезд**.

Подводя итог, можно сказать, что в 1905-1907 гг. РСДРП впервые вступила в контакт с рядом массовых беспартийных демократических организаций, возникших в ходе революции, и пыталась влиять на их деятельность в социал-демократическом духе. При этом большевики ставили перед собой и более широкие задачи, связанные с подчинением подобных организаций и союзов своему контролю. Частично эта цель была ими достигнута (особенно в профсоюзном движении), однако в процессе сотрудничества с организациями, наряду с успехами, были и серьезные просчеты, и прямые ошибки сектантского характера.

В свою очередь меньшевики, позиции которых в ряде массовых организаций были в то время достаточно прочными, впадали нередко в другую крайность: они часто шли в хвосте стихийного движения масс, увлекались чисто экономическими формами борьбы, делали ставку на союз с либералами, сознательно отказывались от руководства беспартийными демократическими организациями.

Таким образом, в ходе революции РСДРП приобрела ценный опыт общения с массами, испытала на практике различные формы и методы работы среди крестьян и средних городских слоев, в армии и на флоте, а также в национальных районах страны. Стало совершенно очевидно, что залогом успеха партийной работы в этой области могут быть глубокое понимание психологии непролетарских слоев, отказ от всякого диктата и нажима на них, терпеливое и вдумчивое разъяснение им тактики партии и ее задач.

*См.: Учредительный съезд Всероссийского Крестьянского Союза (Протоколы). М., 1905. С. 24-25.

**Протоколы делегатского совещания ВКС 6-10 ноября 1905 г. в Москве. М., 1906. С. 80-85.

4. Думская арена политического противостояния

В условиях революции социал-демократы учились использовать самые разные, в том числе и новые для России формы политической борьбы. Так было и с Государственной думой, созванной царем в апреле 1906 г. Как известно, партии II Интернационала накопили большой опыт парламентской работы и в ряде отношений были образцом для РСДРП, особенно для ее думской фракции, делавшей в 1906-1907 гг. пока лишь первые, еще очень неуверенные шаги. Однако некритически использовать западный опыт РСДРП не могла. И дело здесь было не только в отсутствии в России всеобщего избирательного права и принципиальной несхожести статусов Думы и западных парламентов, но и в неприемлемости для российских социал-демократов, особенно большевиков, того культа легализма и парламентаризма, который складывался с конца XIX в. в рабочем движении на Западе.

Социал-демократические депутаты Государственной думы прекрасно отдавали себе отчет в том, что не смогут провести там подлинно демократические законопроекты, и поэтому свою главную задачу видели в критике правительства, а также разного рода либеральных иллюзий, в налаживании контактов с другими левыми депутатами и в пропаганде с думской трибуны программы РСДРП. Вместе с тем, социал-демократическая партия рассчитывала использовать свою думскую фракцию, члены которой пользовались депутатской неприкосновенностью, и как легальное прикрытие для подпольной революционной работы, причем в условиях царской России эта функция парламентского рабочего представительства играла, в отличие от стран Запада, очень важную роль.

Как же проходил процесс выработки думской тактики РСДРП? Следует подчеркнуть, что, выступая вместе с другими революционными партиями за созыв Всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права, социал-демократы тем не менее не отказывались заранее и от возможности использования таких представительных учреждений, которые могли быть созданы "сверху", по инициативе самодержавия, например, Земского собора, о предполагаемом созыве которого Николаем II много говорили весной 1905 г.

В августе-сентябре 1905 г., в условиях резкого подъема революционной волны, большевики, эсеры и некоторые другие демократические организации (Всероссийский крестьянский союз, Всероссийский союз учителей), а также "Союз союзов", объединявший более десятка профессионально-политических союзов либерально-демократической интеллигенции, высказались за активный бойкот законосовещательной (так называемый Булыгинской) Думы, о предстоящем созыве которой было объявлено 6 августа. Что касается меньшевиков, то они выдвинули тогда весьма

утопический, с точки зрения его практического осуществления, план проведения, параллельно с официальными выборами в Думу, выборов в органы революционного местного самоуправления и в так называемую "Народную думу" с перспективой последующей замены депутатов царской Думы этими подлинно народными избранниками*. Характерно, что когда вопрос об отношении к Думе был поднят в сентябре 1905 г. на Рижской конференции представителей различных социал-демократических течений России, представитель ОК меньшевиков отмежевался от общего решения бойкотировать выборы.

Новый подъем революции в октябре-декабре 1905 г. заставил царя придать будущей Думе законодательный характер и расширить избирательные права трудящегося населения. В соответствии с избирательным законом от 11 декабря 1905 г., принятым в разгар вооруженного восстания в Москве, вводилась четырехкуральная многоступенчатая система выборов, при которой в землевладельческой курии один выборщик приходился на 2 тыс. избирателей, в городской — на 4 тыс., в крестьянской — на 30 тыс. и в рабочей — на 90 тыс. В выборах по рабочей курии могли принимать участие мужчины, достигшие 25 лет и проработавшие не менее полугода на предприятии, где было занято не меньше 50 наемных работников.

Определяя свою тактику на предстоящих выборах, социал-демократы должны были учесть совокупность всех факторов, определявших политическую ситуацию в стране: состояние революционного движения, настроения различных слоев общества, систему выборов, права Думы, ее возможный состав, степень гласности думских дебатов. Сделать это априори было довольно трудно, тем более что вопрос об отношении к Думе обсуждался на Таммерфорсской большевистской конференции во время Декабрьского вооруженного восстания. По свидетельству ряда мемуаристов, Ленин сначала выступал за участие в выборах, но затем уступил преобладавшему на конференции бойкотистскому настроению делегатов-практиков, заявив следующее: в тот момент, когда в Москве идут баррикадные бои, решение об участии партии в проводимых правительством выборах выглядело бы в глазах рабочих "беспорядочным бегством вождей, отказом от руководства"**. Таким образом, бойкот выборов рассматривался в тот момент прежде всего как дополнительный фактор, способный поддерживать революционный дух пролетарских масс. Кроме того, среди большевиков преобладало тогда мнение, что никакой реальной пользы Дума все равно не принесет, социал-демократов в нее под тем или иным предлогом не пустят и т.д. Известная узорь взглядов большевиков-практиков за-

*См.: Искра. 1905. 10(23) сентября.

**РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 7. Л. 13-14.

ключалась в том, что они выдвигали явно надуманную альтернативу — участие в Думе или подготовка восстания, в то время как жизнь требовала уже совместить эти два направления социал-демократической работы, превратив думскую трибуну в средство революционной пропаганды и борьбы с правительством. Однако только в 1920 г. в книге "Детская болезнь "левизны" в коммунизме" Ленин признал, что бойкот I Государственной думы в 1906 г. был со стороны большевиков ошибкой, хотя и сравнительно небольшой и притом быстро исправленной.

Начавшийся в 1906 г. спад революционного движения в стране оказался более значительным, а возможности использования Думы революционерами в своих целях — более широкими, чем это представлялось вначале большевикам. Созданный в декабре 1905 г. Объединенный ЦК РСДРП предоставил местным социал-демократическим организациям право самостоятельно решать вопрос, следует ли им принимать большевистскую тактику активного бойкота Думы или меньшевистскую тактику полубойкота (участие в избирательной кампании и в первых стадиях многостепенных выборов при отказе от избрания самих депутатов).

Кампания активного бойкота I Государственной думы в рабочей среде в общем и целом удалось. В выборах участвовало не более 10% рабочих, имевших право голоса. Однако сорвать выборы социал-демократы не смогли, т.к. абсолютное большинство крестьян и средних городских слоев возлагали тогда на Думу большие надежды. IV съезд РСДРП решил, что в тех районах страны, где выборы еще не закончились (Кавказ, Сибирь, Туркестан), социал-демократам следует попробовать провести в Думу своих депутатов. В итоге в I Государственной думе, хотя и не сразу, возникла 12 июня 1906 г. небольшая социал-демократическая фракция из 18 депутатов, следовавших указаниям ЦК РСДРП, где преобладали тогда меньшевики. Среди них выделялись грузинские социал-демократы Ной Жордания и Исидор Рамишвили, очень популярный в пролетарских кругах рабочий с екатеринославщины М.И. Михайличенко и др.

Поскольку революционные партии и организации бойкотировали Думу и своих официальных кандидатов на выборах в Европейской России не выставляли, основная масса городских демократически настроенных избирателей отдала свои голоса кадетам как самой оппозиционной партии. Они и победили на выборах, получив в Думе третью часть всех мандатов. Победа конституционно-демократической партии, которой не ожидали даже ее лидеры, во многом объяснялась определенным разочарованием городской демократии после декабря 1905 г. в пролетарских методах борьбы, широким распространением конституционных иллюзий, а также умелым ведением кадетами избирательной кампании.

Пятую часть мандатов имели члены Трудовой группы, объединившей крестьянских депутатов Думы. Примерно столько же голосов было у

беспартийных депутатов, 14% — у так называемых "автономистов", представляющих национальные районы страны. На долю депутатов от других партий приходилось не более десятой части мест. Всего в Думе к концу ее работы было 499 депутатов.

Первая Государственная дума торжественно открылась 27 апреля 1906 г., а уже через три недели после этого по инициативе трудовиков вынесла вотум недоверия правительству И.Л. Горемыкина. Особенно жаркие прения разгорелись по аграрному вопросу. Здесь столкнулись три основные точки зрения — правительства, кадетов и трудовиков. Царские власти отвергли даже очень скромный кадетский проект принудительного отчуждения части помещичьих земель за выкуп, ограничившись обещанием передать малоземельным крестьянам все пригодные для обработки казенные земли и помочь им в приобретении через Крестьянский банк тех земель, которые добровольно согласятся продать помещики.

Такая позиция вызвала бурю негодования крестьянских депутатов, которые настаивали на постепенном сосредоточении всех земель — казенных, удельных, монастырских, помещичьих, а также надельных крестьянских — в едином национальном фонде и на введении уравнилельно-трудового землепользования без эксплуатации наемной рабочей силы. Решение вопроса о выкупе трудовики считали нужным предоставить самим крестьянам и допускали вариант безвозмездного отчуждения всех земель или минимальный выкуп за счет государства. При этом распоряжаться общенародным земельным фондом, по мнению трудовиков, должны были местные земельные комитеты, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием.

Помимо аграрного вопроса, I Государственная дума обсуждала внесенные кадетами законопроекты о неприкосновенности личности, гражданском равенстве, отмене смертной казни, свободе собраний и т.д. Однако никаких практических результатов эти острые дискуссии не дали. Ведь законопроекты должны были обсуждаться на пленарных заседаниях Думы и в ее комиссиях, затем — в случае принятия Думой — утверждаться Государственным советом и, наконец, лично царем. Пройти до конца весь этот сложный путь ни один из названных законопроектов не смог, хотя само обсуждение их, безусловно, способствовало политическому просвещению масс, узнававших о том, что происходило в Таврическом дворце из газет и от левых депутатов, которые поддерживали контакты со своими избирателями.

Именно внедумская деятельность — участие в разного рода политических митингах и собраниях, встречи с рабочими, выполнение партийных поручений во время поездок по стране и т.д. — стала начиная с 1906 г. и вплоть до 1917 г. важной составной частью работы социал-демократических депутатов.

Большой резонанс имели и запросы депутатов, адресованные царским министрам и вносившиеся кадетами, трудовиками и социал-демократами. И хотя практических последствий они чаще всего не имели, их роль в усилении антиправительственных настроений в стране была очень велика, т.к. поводами для запросов служили обычно наиболее вопиющие случаи произвола властей.

После того, как Дума подтвердила свое намерение добиваться принудительного отчуждения помещичьей земли, правительство решило досрочно распустить ее. Это произошло 8 июля 1906 г. По предложению кадетов около 200 депутатов собрались в Выборге (Финляндия) и обратились к народу с призывами отказаться от уплаты налогов и рекрутской повинности.

Однако призыв кадетов к "пассивному сопротивлению", к которому присоединились трудовики и меньшевики, не получил поддержки в массах и скоро был снят.

Революционные партии после некоторых колебаний решили пойти по пути организации активных форм народного протеста против роспуска Думы. Так, в начале второй декады июля объединенный комитет думской социал-демократической фракции и Трудовой группы обратился с воззванием "К армии и флоту", а ЦК РСДРП, ЦК эсеров, Всероссийский крестьянский союз и некоторые другие организации выпустили "Манифест ко всему российскому крестьянству". Лейтмотивом этих документов была тема единения армии и народа, борьба за землю и волю. И хотя прямого призыва к немедленному вооруженному восстанию здесь еще не было, текст воззваний не оставлял сомнений в близости решительного боя.

ЦК партии социалистов-революционеров пошел еще дальше, направив местным эсеровским организациям директиву о подготовке восстания. Как показали дальнейшие события, это был авантюристический по своей сущности шаг, который привел лишь к нескольким неподготовленным вспышкам вооруженной борьбы, стоившим народу немалого количества неоправданных жертв. Что касается меньшевистского в своей основе ЦК РСДРП, то он проявил в этой кризисной ситуации явную неспособность принимать быстрые и четкие решения. Попытки проведения всеобщей политической стачки, а тем более перевода ее в случае успеха в восстание, к чему после долгих споров склонился, наконец, ЦК РСДРП, не увенчались успехом. В итоге удалось поднять на стачку лишь рабочих Петербурга и Москвы, да и то далеко не всех. Разрозненные солдатские и матросские восстания, а также крестьянские выступления не переросли летом 1906 г. в революционный подъем всероссийского масштаба.

Учитывая опыт работы I Думы и дальнейшее усиление позиций царизма и буржуазии в борьбе с революцией, большевики приняли решение об

участии в выборах во II Государственную думу. Такой же линии придерживались и меньшевики. Таким образом, избирательная кампания конца 1906 — начала 1907 г. впервые прошла при участии всех основных политических партий страны, включая РСДРП и эсеров. Большевики выступили против соглашения с другими партиями на начальном этапе выборов, когда предвыборная агитация шла непосредственно среди избирателей. Избирательные блоки с неонародническими партиями и организациями допускались ими лишь на высших стадиях выборов, при избрании выборщиков и депутатов. При этом большевики подчеркивали, что главным условием подобных соглашений является полная политическая самостоятельность всех участников блока.

Что касается меньшевиков, то они отстаивали возможность заключения избирательных соглашений и с кадетами, которые, по словам Мартова, "исторически являются врагами наших врагов" и всякий успех которых "создает новое уязвимое место в цитадели старого режима"*. Большевики решительно возражали против такой постановки вопроса, но на очередной Таммерфорсской конференции РСДРП в ноябре 1906 г. меньшевики все же добились принятия решения о допустимости (кроме рабочей курии) соглашения РСДРП не только с революционными, но и с оппозиционно-демократическими партиями, под которыми подразумевались и кадеты, вплоть до составления общих списков кандидатов в выборщики.

"Левый блок" социал-демократов и неонародников, помимо Петербурга и Москвы, был заключен еще в 38 городах Европейской России. Однако в 42 городах верх взяла политика соглашения социал-демократов с кадетами. Очевидцы выборов в Петербурге отмечали несомненный успех тактики "левого блока". Следует отметить, что из-за колебаний меньшевиков и эсеров "левый блок" в Петербурге был заключен лишь накануне выборов — 25 января 1907 г., причем меньшевики в последний момент все же отказались от участия в нем. Неожиданным для многих был успех эсеров на первой стадии выборов по рабочей курии (109 уполномоченных из 272), что в значительной мере объяснялось недовольством рабочих тактикой меньшевиков и сочувствием недавних выходцев из деревни эсеровской партии.

В результате острой предвыборной борьбы во II Думу были избраны 98 кадетов, 42 октябриста, 157 представителей народнических партий (104 трудовика, 37 эсеров, 16 народных социалистов). В Думу прошли и 66 социал-демократов. В общей сложности левые партии завоевали более 40% всех думских мандатов.

В думской фракции РСДРП преобладали, причем с двойным перевесом сил, меньшевики, а выработка ее общеполитической линии проходила

* См.: Отклики. СПб. 1906. Вып. 1. С.14.

ла при участии таких меньшевистских лидеров, как Ю.О. Мартов. Ф.И. Дан, Н.Н. Жордания, А.Н. Потресов. Депутаты-большевики, в свою очередь, наладили постоянную связь с Лениным, который жил тогда в Финляндии, и получали от него советы и материалы для наиболее важных думских выступлений. Среди большевистских депутатов II Думы выделялись иваново-вознесенский рабочий Н.А. Жиделев, рабочий-текстильщик из Твери А.П. Вагжанов, самый молодой депутат Думы, 26-летний токарь Сормовского завода И.Р. Романов, учитель из Саратовской губернии В.М. Серов, партийный работник Г.А. Алексинский (впоследствии он стал ярким противником Ленина и большевизма). От меньшевиков во II Думу прошли рабочий железнодорожных мастерских В.М. Баташов (Тамбов), рабочий бутылочного завода Г.Е. Белоусов (Екатеринославская губ.), рабочий Ревельского вагоностроительного завода П.Г. Пярн, шахтер А.Я. Нестеров (Область Войска Донского), грузинские социал-демократы интеллигенты И.Г. Церетели, А.Л. Джапаридзе, А.Г. Зурабов и др.

Лидером думской фракции РСДРП стал грузинский меньшевик Ираклий Церетели (1881-1959). В прошлом студент юридического факультета Московского университета, он обладал хорошими ораторскими способностями, огромным обаянием и умел объединять вокруг себя товарищей. В дальнейшем Церетели, осужденный по делу о противозаконной деятельности депутатов от РСДРП во II Думе, провел многие годы в Сибири, а по возвращении весной 1917 г. в Петроград стал одним из наиболее авторитетных деятелей меньшевизма, выступая за объединение всех "живых сил" России. Он был министром Временного правительства, а затем министром в меньшевистском правительстве Грузии. В 1921 г. Церетели эмигрировал во Францию, где издал двухтомник воспоминаний о Февральской революции.

Вторая Государственная дума (февраль-июнь 1907 г.) просуществовала лишь на месяц больше, чем ее предшественница. Премьер-министр Столыпин выступил с правительственной декларацией, в которой провозгласил довольно широкую программу будущих реформ (государственное страхование рабочих, неприкосновенность личности, свобода вероисповедания, обязательное начальное образование, расширение компетенции земства и т.д.). Когда социал-демократы внесли вотум недоверия правительству, Дума по предложению кадетов ограничилась лишь простой формулой перехода к очередным делам, то есть не выразила ни доверия, ни порицания Совету министров.

Самым острым вновь оказался аграрный вопрос. При этом кадеты сделали ряд серьезных уступок помещикам и правительству, приступавшему в то время к осуществлению столыпинской аграрной реформы. Однако думские прения показали, что никакого примирения между по-

мещиками и крестьянами по вопросу о земле быть не может. О законном праве крестьян на землю ярко и убедительно говорили трудовики, эсеры и даже крестьяне, явно сочувствовавшие самодержавию. Сильное впечатление на крестьян произвела речь большевика Г.А. Алексинского (ее проект был написан Лениным), провозгласившего лозунг конфискации всех помещичьих земель. Левые фракции Думы (социал-демократы, трудовики, эсеры, энесы) внесли предложение о принудительном отчуждении частновладельческих земель и немедленной отмене столыпинских аграрных законов, принятых в обход Думы, в перерыве между ее сессиями. Однако большинством голосов (на этот раз кадеты объединились с правыми депутатами) II Дума решила не принимать никакой определенной резолюции по аграрному вопросу.

Столкнувшись в Думе с явной оппозицией политике правительства, Столыпин взял курс на ее досрочный роспуск. При этом он использовал полицейскую фальшивку о военном "заговоре" социал-демократов против существующего строя. Комиссия, созданная Думой для расследования этого вопроса, не нашла никаких доказательств правительственной версии. Тем не менее 3 июня 1907 г. Дума была распущена, а часть ее социал-демократической фракции арестована и предана суду. Десять депутатов были приговорены к пяти годам каторги и последующей пожизненной ссылке, десять других — к четырем годам каторги с последующей ссылкой и т.д. Поскольку революция в это время быстро шла на убыль, защитить своих депутатов и Думу в целом пролетариат уже не смог.

3 июня 1907 г. в России был введен новый избирательный закон, значительно увеличивший представительство в Думе господствующих классов и сокративший количество депутатов от рабочих и крестьян, а также от национальных районов. Избирательный закон 3 июня 1907 г. коренным образом перераспределил число выборщиков в пользу помещиков и крупной буржуазии. Теперь один голос помещика приравнивался на выборах к 65 голосам избирателей из средних слоев городского населения, 260 голосам крестьян и 543 голосам рабочих. Население десяти областей Азиатской части России вообще лишилось представительства в Думе.

События 3 июня 1907 г. означали конец первой российской революции, хотя все оставшиеся месяцы 1907 г. еще прошли в стране под знаком острой классовой борьбы. Закончился важный период в истории России, ставший одновременно и важным переломным моментом всемирной истории, которая вступала в период войн и социальных потрясений.

5. Итоги и уроки революции

Оценивая ту или иную революцию, часто задают вопрос о ее "цене", о соотношении достигнутых результатов и принесенных народом жертв. В

этой связи необходимо подчеркнуть: несмотря на то, что первая российская революция осталась незавершенной и потерпела поражение, народные массы все же добились в 1905-1907 гг. несомненных успехов в виде ряда уступок со стороны правительства, помещичьего дворянства и буржуазии.

Так, более чем на 10% возросла в среднем заработная плата фабрично-заводских рабочих, несколько улучшились условия их труда и быта. Большие изменения произошли и в деревне: были отменены сохранявшиеся со времен реформы 1861 г. выкупные платежи, а также некоторые сословные ограничения в отношении крестьян, понизились арендные цены на землю, увеличились заработки сельскохозяйственных рабочих. Царизм вынужден был пойти на сокращение сроков военной службы. Произошло известное смягчение русификаторской политики в национальных районах. Качественные перемены можно отметить и в политическом строе страны: на смену неограниченному самодержавию пришло самодержавие "конституционное", причем значительная часть рабочих и крестьян получила представительство в Государственной думе. Тем самым был сделан второй шаг по пути превращения России в буржуазную монархию, хотя завершить этот процесс вплоть до 1917 г. так и не удалось.

Но особенно сильно изменился социально-политический облик народных масс. Рабочие и крестьяне избавлялись от вековой покорности, начинали активно участвовать в политической жизни, приобщались к культуре и искусству.

Передовые рабочие высоко оценивали результаты революции. Народ обладает удивительным свойством просто, лаконично и вместе с тем образно выражать самую суть вещей. С этой точки зрения очень характерен ответ одного рабочего своему собеседнику-интеллигенту, который много лет спустя после событий 1905 г. пытался убедить его в том, что жизнь в результате революции стала "много хуже": "Пускай по-твоему хуже стало, да свет-то я увидел. Можешь ты понимать мои слова: *свет я увидел*"* (Курсив наш. -Авт.). Не случайно рабочие говорили после революции хозяевам предприятий, пытавшимся вернуться к старым порядкам: "Погодите, придет опять 1905 год!".

В 1905-1907 гг. впервые в истории демократической революции действовала марксистская партия, получившая возможность на практике проверить свою теорию, программу, тактику, организационные принципы, способность увлекать за собой народные массы. Социал-демократы развернули работу среди самых различных слоев трудящихся, всегда были в гуще событий, активно влияли на ход политической борьбы, хотя и составляли в 1907 г. чуть более 0,01% 140-миллионной массы населения

*Русское богатство. 1912. № 5, отд. 12. С.83.

страны. И хотя либеральная интеллигенция считала, что социал-демократия лишь "испортила" революцию своим экстремизмом и необоснованными претензиями, с такой оценкой вряд ли можно согласиться.

Жизнь показала, что России нужна была политическая сила, способная заставить самодержавие отказаться от своей эгоистичной, твердолобой политики, направленной на сдерживание не только революционных, но и реформистских тенденций общественного развития. Как известно, русские либералы такой силой не обладали, и поэтому народу оставалось рассчитывать только на себя. В этих условиях социал-демократы делали большое и в полном смысле слова общенародное дело, хотя в их политике и практической деятельности было немало спорных, а порой и ошибочных моментов, о чем будет подробнее сказано ниже.

Революция 1905-1907 гг. получила большой международный резонанс. Бесспорно, в каждой стране были свои, внутренние причины для активизации борьбы трудящихся масс. Но вести из революционной России пробуждали у народов Запада и Востока надежды на близкие перемены, придавали им уверенность в своих силах. В сознание масс постепенно входила мысль о том, что прямые революционные действия "снизу" могут дать больший эффект, чем те или иные парламентские решения и реформы "сверху", что говорить с властью имущими "по-русски" (так образно называли тогда за рубежом революционный опыт России) можно и в других странах.

В 1905-1907 гг. резко активизировалась забастовочная борьба западноевропейского и американского пролетариата, развернулось движение за демократизацию общественно-политического строя ряда стран (Германия, Австро-Венгрия). В эти годы в восьми крупнейших странах Западной Европы прошло более 22 тыс. забастовок, в которых участвовали около 4 млн. рабочих — почти вдвое больше, чем в 1901-1904 гг. Число членов социалистических партий в Западной Европе возросло в 1904-1907 гг. на 25%, а профсоюзов — почти на 30%. Больше чем на 40% увеличилось количество избирателей, голосовавших на парламентских выборах за кандидатов-социалистов*.

Большое влияние оказала первая российская революция на процесс пробуждения Азии. В Иране, Турции, Китае произошли в 1905-1911 гг. буржуазные революции. Усилилось национально-освободительное движение и в других колониальных и зависимых странах, в частности в Индии. Отклики на революцию 1905-1907 гг. были отмечены в Латинской Америке, Африке, Австралии.

И все же, несмотря на огромный размах народной борьбы, первая российская революция потерпела поражение. Слишком сильно еще было

*См.: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. С.504.

русское самодержавие, слишком велика оказалась копившаяся веками в народе "инерция покоя", преодолеть которую до конца не смогли даже бурные потрясения 1905 г. Немалую роль в стабилизации старого режима сыграла и щедрая помощь царизму со стороны международного финансового капитала.

Но дело не только в этом. В 1905-1907 гг. не была достигнута необходимая степень координации действий различных слоев трудящихся, различных потоков освободительной борьбы. Рабочие, крестьяне, революционно настроенные солдаты и матросы, демократическая интеллигенция выступали еще в значительной степени изолированно друг от друга. По большому историческому счету вопреки ожиданиям большевиков крестьянская демократия в России не смогла в полной мере восполнить отсутствие той городской революционной буржуазии, которая действовала в период ранних буржуазных революций на Западе и способствовала крушению там феодально-абсолютистских порядков. Непрочным, часто стихийным, неосознанным был союз рабочего класса и крестьянства, а гегемония пролетариата была реализована лишь частично (особенно если понимать ее по-ленински), причем в 1906-1907 гг. кадетам удалось значительно потеснить социал-демократов в городах и усилить свое влияние на средние слои. Большие сбои давал и механизм действия "левого блока": между теоретической схемой и живой практикой политической борьбы оставалась еще дистанция огромного размера.

Крупные недостатки выявились и в работе социал-демократических организаций. Деятельность РСДРП явно отставала от запросов массового движения. Людские и материальные ресурсы партии не соответствовали еще масштабам огромной многонациональной страны и сложности вставших в ходе революции задач. Не хватало оперативности в принятии партийных решений и настойчивости в их практической реализации, умения своевременно переходить от одного тактического курса к другому в соответствии с изменявшимися условиями борьбы.

Эсеровская программа социализации земли и уравнительного трудового землепользования выглядела в глазах большинства крестьян привлекательнее, чем официальная аграрная программа РСДРП, принятая на ее IV съезде в 1906 г. В отношениях социал-демократов, особенно большевиков, с легальными пролетарскими и общественными организациями часто ощущалось стремление командовать ими, навязывать свою волю. Лишь в очень небольшой степени использовала РСДРП думскую трибуну. Неудачным оказался и первый опыт вооруженной борьбы народа с царизмом, осуществлять эффективное воздействие на ход которой РСДРП не смогла. Не удалось РСДРП демократизировать в должной степени и свои партийные структуры.

В общем и целом результаты революции достаточно точно отражали реальное соотношение сил на политической арене России. Народ еще не мог тогда сбросить с себя гнет самодержавия. Далеко не всегда на высоте были и революционные партии. Поэтому основной вывод из анализа революционных событий 1905-1907 гг. состоял для РСДРП в необходимости преодолеть отмеченные выше слабости революционного движения и недостатки партийной работы.

Далеко не решив всех стоявших перед ней задач, революция 1905-1907 гг. в России все же разбудила народ, показала в действии все классы и политические партии, ускорила политическое самоопределение и размежевание общественных сил. РСДРП вышла из нее окрепшей и закаленной, обогащенной опытом открытой политической борьбы в масштабах огромной страны.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ (июнь 1907- февраль 1917)

ГЛАВА IV. ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ БОРЬБЫ

1. Россия на распутье: реформы или новая революция?

Период между двумя буржуазно-демократическими революциями занимает особое место в отечественной истории. Все классы и политические партии подводили итоги пройденного пути, анализировали ошибки, намечали перспективы на будущее. Поражение революции 1905-1907 гг., вызвав в стране временное затишье, отнюдь не сняло с повестки дня такие проблемы, как дальнейшая модернизация всех структур и институтов и ускорение социально-экономического и культурного развития страны. Уйти от них в начале XX в. было уже нельзя, но решать их можно было либо путем реформ, либо путем революции. Вопрос стоял так: повторится ли в России — и притом на расширенной основе, в еще более острой форме и с фатальным для господствующих классов исходом — народная революция или же правящие "верхи" найдут в себе силы и государственную мудрость, чтобы извлечь необходимые уроки из событий 1905-1907 гг. и выступить в несколько парадоксальной, но вполне реальной роли "душеприказчиков" революции, как это уже сделал в свое время в Германии Бисмарк.

Пока же царизм и буржуазия торжествовали победу и мстили народу за "безумный" 1905 год, хотя о полном возврате к дореволюционным порядкам уже не могло быть и речи. У рабочих были отобраны многие завоевания периода революции. Тяжело сказывались на их положении и последствия экономической депрессии, которая сохранялась в России до середины 1909 г. Апатия, уныние, усталость коснулись и пролетарских масс, и средних слоев общества, и интеллигенции.

С 1907 по 1909 г., по неполным данным, в России только по политическим делам было осуждено свыше 26 тыс. человек, причем более 5 тыс. из них приговорили к смертной казни*. Для сравнения заметим, что за 30 лет, предшествовавших первой российской революции, — а это было

*См.: Обнинский В.П. Новый строй: В 2 ч. Ч. 2. М., 1909. С. 353.

время, на которое приходится многочисленные террористические акты сначала народовольцев, а затем эсеров, — было казнено в общей сложности вместе с уголовниками менее 500 человек*. После революции 1905-1907 гг. смерные приговоры стали, по образному выражению писателя В.Г. Короленко, "бытовым явлением". Так выглядело на практике столыпинское "успокоение", которое должно было предшествовать, по мнению главы правительства, реформам.

Особенно тяжелые потери несли революционные партии. Были разгромлены многие профессиональные союзы и различные демократические организации. Усилилось наступление реакции в области идеологии: изгонялась "крамола" из стен высших и средних учебных заведений, закрывались прогрессивные газеты и журналы, верноподданические призывы заполняли страницы официальных изданий, звучали с церковных амвонов. В 1906-1912 гг. в России было открыто 5,5 тыс. новых церквей, а число церковнослужителей превысило 100 тыс. человек.

Резко изменился по сравнению с периодом революции и состав Государственной думы. В III Думе (1907-1912) крайне правые получили 50 мест, умеренно-правые и националисты — 97, октябристы и примыкающие к ним — 154, прогрессисты — 28, кадеты — 54, трудовики — 13, социал-демократы — 19 (в том числе только 4 большевика) и т.д. Таким образом, членам фракций, стоящих левее кадетов, принадлежало лишь 7% думских мандатов, тогда как во II Думе они имели 43% мест. На долю правых и октябристов приходилось теперь две трети депутатов против примерно 10% во II Думе. Что касается кадетов, то их удельный вес в общей массе депутатов упал с 19 до 12%.

Ни одна из фракций не имела в III Думе абсолютного большинства, поэтому исход голосований решали октябристы, которые попеременно блокировались то с правыми, то с прогрессистами и кадетами. Правооктябристское большинство позволяло царизму осуществлять охранительные функции и принимать карательно-полицейские законопроекты, а октябристско-кадетское — давало возможность обеспечить проведение реформ, приемлемых для правительства. Октябристы, состоявшие в большинстве своем из помещиков и чиновников, вместе с тем защищали политические интересы верхов торгово-промышленной буржуазии. Поэтому они были идеальным инструментом в руках Столыпина, позволяя царизму лавировать между господствующими классами и сохранять при этом почти в неурезанном виде свою традиционную власть.

После революции царизм лихорадочно искал средства укрепления своих позиций и пытался путем целой серии реформ смягчить социальную напряженность в стране. Программа умиротворения и обновления

*См.: Таганцев Н.С. Смертная казнь. СПб., 1913. С. 90.

России, разработанная премьер-министром П.А. Столыпиным и рассчитанная, по словам ее инициатора, на 20 лет внутреннего и внешнего "покоя", включала в себя аграрную реформу, введение страхования рабочих, реформу местного управления, суда, переход к всеобщему начальному образованию и т.д. Эти важные преобразования Столыпин намеревался провести методами бонапартистского лавирования, при опоре на помещиков и крупную буржуазию. Однако решающие политические позиции сохранились при этом за старым правящим классом — дворянством.

Такой крупнейший революционный политик начала XX в., как лидер большевиков Ленин, отнюдь не склонен был отмахиваться от столыпинских проектов и видеть в них лишь "мираж". Судьбы российской революции, подчеркивал он, больше всего зависят от успеха или неуспеха столыпинской политики. Больше того, Ленин видел лишь два возможных варианта дальнейшего прогрессивного развития России: либо победа крестьянской аграрной революции, либо осуществление столыпинской аграрной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики невозможен. Возможен!""*, — писал он весной 1908 г.

Иначе говоря, в России теоретически отнюдь не исключалась возможность отрыва крестьянства от революционного лагеря и превращения его в класс мелких земельных собственников, готовых благословить любую власть, обеспечивающую ему право распоряжаться своим клочком земли. Так уже было в ряде стран Запада. То же самое могло произойти и в России, если бы здесь сложились условия, аналогичные обстановке в Германии после поражения революции 1848 г.

О Столыпине много говорили и спорили и при его жизни, и после оборвавшего ее в сентябре 1911 г. выстрела агента охраны Д. Богрова, связанного одновременно и с анархистами. В наши дни незаурядная фигура Столыпина опять привлекла внимание публицистов, историков, политиков, широкого круга читателей. В Столыпине видят не просто "русского Бисмарка" — одного из крупнейших государственных деятелей царской России, но и своего рода альтернативу Ленину и другим революционерам, человека, который хорошо знал, что стране нужна крепкая державная власть, религия и сильный крестьянин-собственник, способные обеспечить ее процветание. При этом с именем Столыпина (правда, далеко не всегда обоснованно) связывают все успехи, достигнутые российской экономикой к 1913 г., который долгое время принято было считать отправной точкой при оценке всех последующих достижений советской власти. Многие считают, что если бы сначала убийство Столыпина, а

*Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 17. С. 31.

затем первая мировая война не прервали осуществление его курса, процесс модернизации России сделал бы ненужной Октябрьскую революцию. Добавим, что многим импонируют в Столыпине его твердый характер и искренний патриотизм. Недаром сейчас так часто повторяют его слова из правительственной декларации, оглашенной в Думе весной 1907 г.: "Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия"*.

Бесспорно, Столыпин был последним крупным политиком романовской империи. Его фигура еще более вырастает на фоне довольно бесцветного последнего русского царя и его ближайшего окружения. Несмотря на то, что идеи Столыпина не отличались особой оригинальностью (во многом он повторял своего предшественника на посту Председателя Совета Министров С.Ю. Витте), ему нельзя отказать ни в уме, ни в сильной воле, ни в настойчивости в проведении намеченных мероприятий. Столь же несомненно, что Николай II и придворная камарилья завидовали Столыпину, боялись его и не смогли по достоинству оценить того, что делал он для спасения самодержавия и правящего дворянского класса. В конечном счете они предали Столыпина и постарались отделаться от него, хотя именно он предлагал то, что еще могло отсрочить гибель существующего строя.

Постигшая Столыпина неудача объясняется переплетением многих факторов: сохранением в стране революционной обстановки, сложностью поставленных им задач и недостатком средств для их осуществления, сопротивлением консервативных бюрократических кругов, личной позицией Николая II. Заслуживает внимания и вывод историков о том, что Столыпин споткнулся на попытке чуть-чуть потеснить дворянство в земстве и в местной администрации, хотя в целом его курс отвечал коренным интересам помещиков**. Парадокс истории состоял в том, что как раз тогда, когда обострение классовой борьбы и социальных антагонизмов в России требовало максимальной независимости правительства в осуществлении намеченного им курса, в реальной действительности росла зависимость правящих сфер от узкокорыстных конъюнктурных интересов поместного дворянства, что не могло не сказаться и на результатах столыпинских реформ.

Столыпин хорошо понимал, что "гвоздем" русской революции является аграрно-крестьянский вопрос. Однако его социально-политическое

*Петр Аркадьевич Столыпин. Нам нужна Великая Россия. М. 1991. С. 96.

**См.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978. С.

кредо состояло в сохранении сословных привилегий и экономического могущества дворянства. Поэтому, задумывая свои реформы, он пытался соединить несоединимое: создание широкого слоя крепких крестьян-собственников и сохранение помещичьих латифундий. Решать эту проблему Столыпин предполагал путем насильственного разрушения крестьянской общины, переселения значительных масс избыточного крестьянского населения в восточные районы страны, расширения операций Крестьянского банка, развития кустарных промыслов, кредита и т.д. На заседании Совета Министров 10 октября 1906 г. констатировалось: "Новый политический порядок в нашем отечестве, для своей прочности и силы, нуждается в соответствующих экономических основах и, прежде всего, в таком распорядке хозяйственного строя, который опирался бы на начало личной собственности и на уважение к собственности других. Только этим путем создана будет та крепкая среда мелких и средних собственников, которая повсеместно служит оплотом и цементом государственного порядка"*.

Эта программа вынашивалась царской бюрократией, в частности Витте, на протяжении многих лет. Революция еще более укрепила дворян в стремлении покончить с крестьянским "миром", который показал себя в 1905-1907 гг. как активная антипомещичья сила. Исходя из этого, Столыпин предложил дать крестьянам не только предусмотренное еще в 1861 г. право после завершения выкупной операции закреплять в собственность свои наделы, но и выходить из общины. Об этом говорилось в правительственном указе от 9 ноября 1906 г., который официально стал законом лишь в июне 1910 г., после обсуждения в Думе, Государственном совете и утверждения царем, хотя практическая реализация его началась уже с 1907 г.

Курс на создание в России широкого слоя крестьян-собственников преследовал далеко идущие цели: рассредоточить и разъединить крестьян-общинников, которые были страшны для помещиков именно своим единством; увеличить производство зерна и других сельскохозяйственных продуктов, в том числе на экспорт; поднять покупательную способность сельского населения и тем самым значительно расширить в стране внутренний рынок. Один из соратников Столыпина, А.В. Кривошеин, откровенно говорил: в интересах государства земля должна находиться в руках того, кто лучше других сумеет взять у нее все, что она может дать, и ради этого надо отказаться от "несбыточной мечты, что в общине все могут оказаться сильными и довольными"***.

Однако столыпинская аграрная реформа натолкнулась на целый ряд серьезных трудностей. В начале XX в. общинным землевладением было

*Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год: Публикация. Вып. 3. М., 1982. С. 473-474.

**Цит. по кн.: Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 350.

охвачено 9,2 млн. из 12,3 млн. крестьянских хозяйств, то есть примерно 75% (остальные уже перешли к тому времени на подворное землевладение). При этом основная масса крестьян явно не хотела порывать с общиной, в которой они видели средство своеобразной социальной самозащиты перед лицом помещиков и государства. Большинство крестьян-общинников не принимало идеи частной собственности на землю, считая ее "ничьей", "божьей", т.е. общенародным достоянием. Кроме того, само правительство не располагало необходимыми материальными ресурсами и кадрами технических исполнителей для реализации намеченных аграрных мероприятий. Реформа проводилась старыми, командно-бюрократическими, по преимуществу принудительными способами, что не могло не вызывать сопротивления крестьян.

Жизнь показала, что крестьянин не хотел добровольно отказываться от своей вековой мечты о получении помещичьей земли и решать аграрный вопрос за счет общины, то есть в конечном итоге за счет своего же брата-крестьянина, путем покупки земли "на стороне", переселения и т.д. К 1916 г., когда выход из общины в условиях начавшейся мировой войны был прекращен, число выделившихся на отруба и хутора крестьянских хозяйств составляло максимум около трети их общего количества, причем 3/4 вышедших из общины "укрепили" свои участки в собственность против воли односельчан. Таким образом, община устояла, а фермер так и не стал центральной фигурой российской деревни. Характерно, что даже кулаки, которые, казалось бы, должны были в первую очередь устремиться на хутора, далеко не всегда хотели порвать с "миром", находя для себя более выгодным оставаться его членами. Нежелательным для властей моментом было и то, что в результате реформы в деревне усилилась борьба крестьянской бедноты с кулачеством. Примечательно, что уже с 1911 г. выход крестьян из общин значительно сократился, а к началу первой мировой войны столыпинская аграрная реформа фактически стала выдыхаться.

Не дала ожидаемых результатов и политика переселения крестьянства в Сибирь, хотя она и способствовала дальнейшему хозяйственному освоению этого богатейшего края. До начала первой мировой войны за Урал переселилось свыше 3,1 млн. крестьян, однако лишь меньшинство из них были выходцами из тех районов, которые являлись центрами крупного помещичьего землевладения и где крестьянское малоземелье приобрело особенно острый характер. Кроме того, недостаток у новоселов материальных средств, непригодность для обработки многих выделяемых им земельных участков, тяжелые условия жизни привели к росту обратного переселения. Всего в 1906-1916 гг. возвратились назад около 550 тыс. человек.

Столыпинская аграрная реформа в общем и целом работала на пользу капиталистического прогресса. Но после гигантской вспышки крестьянской войны 1905-1907 гг. деревню уже нельзя было успокоить полумерами. И хотя либеральные экономисты доказывали, что раздел непрерывно сокращающихся помещичьих земель между крестьянами существенно не улучшит хозяйственное положение последних и выход надо искать не в "выкурировании" помещиков из их усадеб, а в кредитах, мелиорации, кооперации и т.д., крестьяне хотели прежде всего получить помещичью землю, не отказываясь при этом, разумеется, и от перечисленных выше средств повышения своего благосостояния. Достаточно сказать, что к 1915 г. в России было более 35 тыс. крестьянских кооперативов всех видов, в том числе более 14 тыс. кредитных, около 11 тыс. потребительских, около 5 тыс. сельскохозяйственных обществ, 2700 маслодельческих артелей и т.д.*

Попытки Столыпина улучшить положение пролетариата ограничились принятием очень важного, но явно недостаточного для решения рабочего вопроса в целом страхового закона 1912 г. Характерно, что значительную часть страховых фондов составляли принудительные взносы самих трудящихся.

В итоге политика Столыпина — по разным причинам — не могла устроить ни народ, ни либералов, ни правых, ни левых, ни самого царя. Либералы, в частности, хотели бы видеть в столыпинской политике больше "эластичности" и соблюдения элементарных законодательных норм. Они довольно резко критиковали Столыпина за его ярко выраженный "социальный эгоизм", нежелание поступиться хотя бы частью помещичьих интересов во имя решения общегосударственных задач, а также за излишнюю, по их мнению, прямолинейность и грубые административные методы проведения намеченного им курса.

Как же повлияла столыпинская реформа на состояние народного хозяйства страны? В 1913 г., когда торжественно отмечалось 300-летие династии Романовых, Россия достигла высшей точки своего экономического могущества, хотя продолжала значительно отставать от высокоразвитых стран Запада. Однако решающую роль сыграли здесь не столько результаты столыпинской политики (они просто не могли еще в полной мере сказаться на состоянии экономики страны), сколько общая благоприятная хозяйственная конъюнктура (промышленный подъем 1909-1913 гг., небывалые урожаи 1909 и 1910 гг., высокие цены на хлеб на мировом рынке и т.д.).

Действительно, в 1909-1913 гг. среднегодовой прирост промышленной продукции составил около 9%, а по группе А — даже 13%, причем темпы

*См.: Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации, М., 1916. С. 370.

развития ряда отраслей русской тяжелой промышленности были тогда самыми высокими в мире. Выросло количество монополистических объединений предпринимателей, активы банков, вложения иностранного капитала в русскую промышленность. Сельское хозяйство развивалось гораздо медленнее, хотя некоторый рост продукции имел место и здесь. Рост вывоза зерна (в 1909-1913 гг. ежегодно экспортировалось более 20% общего сбора зерновых) был обусловлен прежде всего погоней за получением валюты, а не действительным наличием в русской деревне избыточного хлеба. Старый лозунг министра финансов Вышнеградского "Недоедим, но вывезем" в смягченной форме сохранял свою силу и при Столыпине.

В целом отставание экономики России от мировых лидеров, прежде всего по производству промышленной продукции на душу населения, урожайности и продуктивности скота, на рубеже первых двух десятилетий XX в. не только не сократилось, но продолжало расти. Уже накануне первой мировой войны Россия начала входить в полосу новой экономической депрессии. В итоге широкого и подлинно свободного развития капитализма в стране в 1907-1914 гг. не получилось, как не получилось и того политического "умиротворения", о котором мечтал Столыпин.

Во второй половине 1907-1910 гг. в России бастовало более 1,1 млн. рабочих*. Это было намного меньше, чем в 1905-1907 гг., но вдвое больше, чем в предреволюционный период. В деревне в 1907-1914 гг. произошло около 2700 крестьянских выступлений, более половины из которых были направлены против помещиков. Свыше 650 выступлений были связаны с протестом против аграрной политики правительства и нередко сопровождались применением против крестьян вооруженной силы**. Таким образом, в России сохранялась объективная основа для назревания новой революции. И хотя прежние оценки столыпинского реформаторства ("крах", "провал" и т.п.) представляются сегодня необъективными и нуждаются в корректировке, апология Столыпина тоже вряд ли приблизит нас к постижению истины.

2. "Веховство"

Сложные процессы происходили в 1907-1914 гг. и в общественно-политической жизни страны. Широкое распространение получило, в частности, увлечение новейшими течениями философской мысли, разного рода религиозными исканиями, мистицизмом.

*См.: Пушкарева И.М. Рабочее движение в России в период реакции. 1907-1910 гг. М., 1989. С. 262.

**См.: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1986. С. 68.

Одним из новых религиозно-философских направлений стало так называемое богоискательство. Его теоретики Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Д.А. Филосовов, Н.Н. Минский и др., выступая с довольно резкой критикой официального православия, предлагали перестроить все формы гражданского быта на основе обновленного христианства, путем постепенной внутренней трансформации человеческой личности на принципах свободы и равенства. Одновременно они самым решительным образом выступали против марксистской теории классовой борьбы, любых форм революционного насилия, проповедовали в качестве нормы поведения людей терпение и смирение перед волей Бога. Эти идеи нашли свое выражение в сборнике "Вехи", выпущенном в 1909 г. группой публицистов правокadetского направления (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, А.С. Изгоев, С.Л. Франк, Б.А. Кистяковский, М.О. Гершензон).

Появление "Вех" вызвало в буквальном смысле слова сенсацию. Менее чем за год после выхода в свет первого издания сборника в периодической печати было опубликовано более 220 статей, рецензий и разного рода откликов на него. Очень оперативно было подготовлено и издано в 1909-1910 гг. несколько контрвеховских сборников: "В защиту интеллигенции", "По вехам. Сборник об интеллигенции и "национальном лице"", "Интеллигенция в России", ""Вехи" как знамение времени". В разного рода научных и религиозных обществах состоялись десятки публичных диспутов, на которых присутствовали широкие круги интеллигенции.

В полемике вокруг "Вех" приняли участие видные общественные, политические и религиозные деятели, ученые, писатели, поэты, литературные критики, публицисты. Достаточно назвать здесь имена лидеров кадетской партии П.Н. Милюкова, И.И. Петрункевича, Д.И. Шаховского, профессоров Н.А. Гредескула и А.А. Кизеветтера; лидера партии эсеров В.М. Чернова; народного социалиста А.В. Пешехонова; известного русского социолога М.М. Ковалевского; одного из идеологов прогрессизма князя Е.Н. Трубецкого. На выход в свет "Вех" отозвались писатели Л.Н. Толстой, Андрей Белый, Д.С. Мережковский. Участниками дискуссии стали также публицисты "Нового времени" М.О. Меньшиков и брат премьера, А.А. Столыпин, иерарх православной церкви архиепископ Антоний Волинский. В ноябре-декабре 1909 г. откликнулся на "Вехи" и Ленин.

"Вехи" явились своеобразной реакцией наиболее восприимчивого к новейшим общественным веяниям слоя русской либеральной интеллигенции на потрясения 1905-1907 гг. Революция стала для многих из них временем духовного прозрения и вместе с тем источником огромных разочарований, сомнений и даже самого черного пессимизма. Она раскрыла большие потенциальные возможности пробудившегося от векового сна народа и одновременно показала, каким трудным будет путь к избавле-

нию его от духовного рабства. Революция обострила интерес к таким кардинальным историко-философским проблемам, как интеллект и власть, интеллигенция и народ, насилие и прогресс, политика и мораль, но найти для них какого-то общезначимого, приемлемого для всех социальных слоев решения, естественно, не смогла. Поражение революции поставило под вопрос саму идею революционного преобразования общества как альтернативу мирным эволюционным процессам его модернизации, заставило многих усомниться в правильности избранного в 1905 г. пути, вновь задуматься о соотношении материи и духа, науки и религии. Возникал не лишенный основания вопрос: в правильном ли направлении вела интеллигенция народ и способна ли она вообще руководить им? Этот широкий спектр проблем, которые не могли не волновать российскую интеллигенцию, так или иначе нашел свое отражение и на страницах "Вех".

Одна из главных сюжетных линий "Вех" — оценка революции 1905-1907 гг. Исходной посылкой, в той или иной мере объединившей всех "веховцев", стало отрицание ими социальной революции как таковой. Известно, что еще в конце XIX в. "легальные марксисты" (а большинство авторов "Вех" когда-то принадлежало к этому течению), заложившие идейно-теоретические основы либерализма нового типа, выступили против марксистской идеи социальной революции. По мнению П.Б. Струве, она является "теоретическим псевдопонятием", которое следует вообще устранить из теории общественного развития. Отстаивая идею исторической закономерности и неизбежности капитализма и одновременно всячески затушевывая его противоречия, "легальные марксисты" в лице того же Струве призывали идти на выучку к капитализму как оптимальному варианту общественного развития на обозримую историческую перспективу. Эта позиция стала отправной во всех последующих теоретических построениях "веховцев". "В данный момент, — писал С.Н. Булгаков, — его (капитализм. -*Авт.*) непосредственно нельзя устранить, не подвергая опасности само существование общества"*.

Подчеркивая, что общественный прогресс мыслим только в рамках капитализма, Н.А. Бердяев утверждал, что в истории "социальных катастроф и революций, строго говоря, никогда не было и никогда не будет, бывает лишь социальная эволюция большей или меньшей интенсивности"***.

Правда, принципиально отвергая идею социальной революции, "легальные марксисты" вначале не отрицали возможность, а иногда и необ-

*Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. В 2 т. Т. 2. М., 1911. С. 223.

**Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907. С. 81.

ходимость политических революций, поскольку они берут на себя решение тех объективно назревших исторических задач, которые не в состоянии решить существующая власть. Именно такой политической революцией "веховцы" считали в России события с 9 января до 17 октября 1905 г., подчеркивая, однако, что "актом 17 октября по существу и формально революция должна была бы завершиться" (Струве)*.

В дальнейшем "веховцы" пошли еще дальше, сделав вывод, что в России оказалось практически невозможным отделить революцию политическую от революции социальной. "Теперь-то мы знаем, — писал А.С. Изгоев, — всю искусственность отделения политической революции от социальной, знаем, что каждая политическая революция есть в то же время социальная и каждая социальная революция будет неизбежно революцией политической"**. Поэтому "веховцы" предложили вообще отбросить идею всякой революции, окончательно и бесповоротно встав на реформистский путь. При этом из факта поражения революции 1905-1907 гг. они пытались вывести некий общесоциологический закон, суть которого сводилась к тому, что всякая революция с логической неизбежностью приводит к реакции. "Всякая революция, — писал Н.А. Бердяев, — есть реакция на реакцию, после которой наступает реакция на революцию"***.

"Веховцы" прилагали немало усилий к тому, чтобы представить революцию в качестве сугубо деструктивного процесса, издержки которого всегда превосходят его созидательные результаты. Считая, что основным содержанием событий 1905-1907 гг. были ненависть и разрушение, С.Н. Булгаков писал: "Русская революция развила огромную разрушительную энергию, уподобилась гигантскому землетрясению, но ее созидательные силы оказались далеко слабее разрушительных"****. Не скупились "веховцы" и на обвинения революционеров в том, что объективно они помогли установлению в России третьеиюньского режима. Такой исход революции "веховцы" считали "наказанием свыше за совершенные преступления, за грехи власти и грехи народа".

Авторы "Вех" пытались найти ответ и на традиционный для российской интеллигенции вопрос: кто виноват? При этом "виновники" были обнаружены ими без особых усилий. Интеллигенция, по словам Булгакова, была "нервами и мозгом гигантского тела революции. В этом смысле революция есть духовное детище интеллигенции, а, следовательно, ее

*Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. 5-е изд. М., 1910. С. 165 (далее: Вехи. 5-е изд.).

**Русская мысль. 1914. Кн. 3. С. 99.

***Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции: Статьи по общественной и религиозной психологии. СПб., 1910. С. 92

****Вехи. 5-е изд. С. 24.

история есть исторический суд над этой интеллигенцией"* Характерно, что себя "веховцы" относили не к "отщепенческой", "кружковой" и "подпольной" интеллигенции, которая инспирировала революцию, а к "образованному классу", передовые представители которого продолжали творчески развивать и обогащать национальную идеологию, генетически связанную с идеалистическими и религиозно-мистическими течениями русской философской мысли. Революционно-демократическая интеллигенция, наоборот, постоянно занималась, по мнению "веховцев", трансплантацией модных западноевропейских идей (материализм, позитивизм, эмпириокритицизм, неокантианство, ницшеанство и т.п.) и приспособлением их без должной критической переработки к собственным специфическим интересам. При этом игнорирование и даже вражда к идеалистическим и религиозно-мистическим системам (как отечественным, так и западноевропейским) происходили у русской интеллигенции якобы потому, что ее вообще мало интересовали гносеологические проблемы и тем более поиски абсолютной истины и что она всецело была поглощена сугубо утилитарными социальными идеями "уравнительной справедливости", "общественного добра", "народного блага". Отсюда вытекали обвинения интеллигенции в "народолюбии", "пролетариатолубии", "народопоклостве" и т.д.

Наиболее характерными чертами русской интеллигенции "веховцы" считали ее "противогосударственность", "безрелигиозность" и "космополитизм"**. Именно "в безрелигиозном отщепенчестве" русской интеллигенции, ее "противогосударственности" Струве видел "ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции"***. В результате основная масса интеллигенции, по мнению "веховцев", проявила в годы революции неспособность к позитивному государственному творчеству. "Надо иметь, наконец, смелость сознаться, — писал А.С. Изгоев, — что в наших Государственных думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырёх десятков кадетов и октябристов, не обнаружили знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России"****.

Упрекая интеллигенцию в космополитизме и потере "национального лица", "веховцы" предлагали положить в основу нового мировоззрения идею нации вместо идеи классов. Они поднимали на щит русскую государственность, поддерживали лозунг "Великой России". Характерно, однако, что эта откровенно великодержавная позиция "веховцев" не была

*Вехи. 5-е изд. С. 25.

** Там же. С. 160.

***Там же. С. 164.

****Там же. С. 123.

поддержана кадетским руководством, предпочитавшим более тонкую политику в национальном вопросе. Отстаивая программный лозунг культурно-национального равноправия народов, населявших Российскую империю, кадетское руководство рассчитывало на его поддержку и со стороны национальных либеральных партий и организаций.

Содержание социалистической доктрины сводилось "веховцами" исключительно к идее уравнительного распределения материальных и духовных благ. "Интересы распределения и уравниения, — писал Бердяев, — в сознании и чувствах русской интеллигенции всегда доминировали над интересами производства и творчества"*. Эту же мысль высказал и С.Л. Франк, считавший, что производство благ во всех областях жизни ценится ниже, чем их распределение; интеллигенция почти так же мало, как о производстве материальном, заботится о производстве духовном, о накоплении идеальных ценностей; развитие науки, литературы, искусства и вообще культуры ей гораздо менее дорого, чем распределение уже готовых, созданных духовных благ среди массы"**. "Веховцы" усматривали несчастье русской интеллигенции в том, что она ставит благо народа "выше вселенской истины и добра", что для нее характерно "аскетическое отрицание богатства", а абсолютизация ею идеи уравнительного распределения есть не что иное, как "философское заблуждение и моральный грех"***.

Едва ли следует специально доказывать тот факт, что социализм, в научном понимании этого слова, не исчерпывается идеями распределения и уравнительности. Вместе с тем было бы наверно не замечать, что в конкретных условиях России начала XX в. достаточно широкие круги радикально настроенной интеллигенции действительно придавали гипертрофированное значение уравнительно-распределительным идеям, а это не могло не привести в дальнейшем и к деформации социалистического идеала вообще.

Резким обвинением со стороны "веховцев" подверглась политическая позиция русской интеллигенции, занятая ею в период революции 1905-1907 гг. Интеллигенции инкриминировались "максимализм целей и максимализм средств", склонность к "тотальному насилию", пренебрежение к инакомыслящим и т.д. "На наших митингах, — писал Кистяковский, — свободой слова пользовались ораторы, угодные большинству, все несогласно мыслящие заглушались криками, свистками, возгласами "довольно", а иногда даже физическим воздействием"****. По мнению авторов

*Вехи. 5-е изд. С. 3.

**Там же. С. 198-199.

***Там же. С. 10, 199, 201.

****Там же. С. 141.

"Вех", духовные вожди русской интеллигенции "никогда не уважали права", игнорировали "правовые интересы личности или высказывали к ним даже прямую враждебность"* . Следует признать, что в этих обвинениях тоже была определенная доля истины. Отсутствие в России гласности, прочных демократических традиций и законов, закрепляющих права личности, неизбежно отражалось и на взаимоотношениях между классами, политическими партиями и организациями. И все же подобные обвинения "веховцев" в адрес русской интеллигенции были во многом преувеличены.

Авторы "Вех" были убеждены в том, что русская интеллигенция — и в этом состоял, по их мнению, ее великий грех — сознательно разжигала темные, разрушительные инстинкты масс. "Прививка политического радикализма интеллигентских идей социальному радикализму народных инстинктов, — писал Струве, — совершалась с ошеломляющей быстротой"** , и в результате такого синтеза революция приняла бессознательный, стихийный и сугубо разрушительный характер.

Обвинив русскую интеллигенцию во всех смертных грехах, "веховцы" делали неожиданный вывод, что массы с "бессознательным мистическим ужасом" ненавидели ее. Эти настроения предельно откровенно выразил М.О. Гершензон. "Каковы мы есть, — писал он, — нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, бояться его мы должны пуще всех козней власти и благославлять ту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной"*** .

Тем не менее "веховцы" под занавес посчитали все же возможным проявить известное снисхождение к обвиняемым и предоставить им возможность исправиться. "Нужно, — писал Булгаков, — "покаяться", т.е. пересмотреть, передумать и осудить свою прежнюю душевную жизнь в ее глубинах и изгибах, чтобы возродиться в новой жизни"**** . В процессе этого покаяния интеллигенция должна была осознать, что прежние основы ее традиционного мировоззрения являлись глубоко ошибочными и подлежат замене новым религиозным сознанием, конечная цель которого сводится к созданию царства Божия на земле.

"Веховцы" рекомендовали интеллигенции раз и навсегда отказаться от "классовой науки марксистов" и "субъективной науки народников" и признать, что ""буржуазная" наука и есть именно настоящая, объективная наука"***** . При этом при разработке научных доктрин следовало стремиться к поиску универсальной истины, синтезу знания и веры,

*Вехи. 5-е изд. С. 132.

**Там же. С. 170.

***Там же. С. 89.

****Там же. С. 58.

*****Там же. С. 12.

"правды-истины" и "правды-справедливости"*. Этот призыв означал на практике отказ от материалистических идей, разрыв со всеми традициями русского освободительного движения и признание, что оптимальным вариантом общественного развития является эволюционный путь.

Важнейшим элементом духовного перерождения интеллигенции должен был стать и коренной пересмотр ею своих экономических представлений, а также решительный отказ от утопических идей социального равенства и коллективизма. "...Русская интеллигенция в ее целом не понимала и до сих пор не понимает значения и смысла промышленного капитализма, — писал Струве. — Она видела в нем только "неравное распределение", "хищничество", "хапание" и не видела в его торжестве победы более производительной стороны, не понимала его роли в процессе хозяйственного воспитания и самовоспитания общества"**. Струвистская идея "личной годности" как мерила всех общественных отношений легла в основу "веховской" концепции "нового экономического человека", без которого немыслимо было ни экономическое возрождение России, ни дальнейший общественный прогресс. Согласно этой концепции, интеллигенция должна была рассматривать свое содействие развитию капитализма в России "как национальный идеал и национальное служение"***.

Настаивая на отказе от социалистических идей, "веховцы" призывали русскую интеллигенцию обуржуазиться и пропитаться духом буржуазного эгоизма. "Эгоизм, самоутверждение — великая сила, — писал Гершензон, — именно она делает западную буржуазию могучим бессознательным орудием Божьего дела на земле"****.

Россию, подчеркивал Бердяев, "необходимо "обуржуазить", если под этим понимать призыв к социальному творчеству, переход к высшим формам хозяйства и отрицание домогательства равенства"*****.

Даже беглый пересказ основных идей сборника "Вехи" в достаточной мере объясняет ту далеко не однозначную реакцию, которую вызвала эта книга в России. Общеизвестно, что Ленин назвал "Вехи" энциклопедией либерального ренегатства*****. Гораздо менее известно, что официальное кадетское руководство, разделяя многие положения этого сборника, решило тем не менее откреститься от наиболее одиозных обвинений "веховцев" в адрес русской интеллигенции, выпустив с этой целью контрсборник "Интеллигенция в России". Примечательно, например, что Н.А. Гредескул предложил в нем переложить ответственность за исход рево-

*См.: Вехи. 5-е изд. С. 21.

**Русская мысль. 1909. Кн. 1. С. 204-205.

***Слово. 1908, 16 ноября.

****Вехи. 5-е изд. С. 95.

*****Слово. 1908, 30 ноября.

*****См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 19. С. 168.

люции 1905-1907 гг. с интеллигенции на весь народ в целом, а П.Н. Милюков горячо защищал кадетскую интеллигенцию и партию кадетов, создание которой стало, по его мнению, самым крупным и самым ценным положительным приобретением революционного периода.

В то же время "веховская" идея компромисса со старой властью очень импонировала кадетскому руководству. Недаром П.Н. Милюков заявил: "Пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству"*.

Процесс "правения" кадетов сопровождался ослаблением их связей с городской демократией. Число кадетских организаций в 1908-1909 гг. сократилось по сравнению с 1906 г. почти в пять раз, а количество ее членов уменьшилось вдвое. Что касается партии октябристов, то после третьеиюньского переворота она встала на путь прямой поддержки правительства Столыпина, а ее тактика приобрела откровенно консервативную окраску. Количество октябристских организаций также значительно сократилось.

Идеи "Вех" переживают сегодня как бы второе рождение. Но вопрос заключается в том, достаточно ли "покаяния" интеллигенции для предотвращения социальных катаклизмов и нет ли у них более глубоких корней, чем "безумие" мыслящей части общества, преданное анафеме в "Вехах"? И может ли стать капитализм гарантом социальной и национальной гармонии и вечным двигателем прогресса? Над этим, видимо, предстоит еще думать и думать и нам, и нашим потомкам, читая и перечитывая "Вехи".

3. Кризисная ситуация в РСДРП

Большие изменения произошли и в революционно-демократических кругах. Шел процесс отхода от революционного движения его временных попутчиков, тех, кто устал от "перегрузок" революции, разочаровался в ее идеалах. Особенно сильно он затронул интеллигентские элементы революционных партий, включая РСДРП. Печальным знаменем времени в революционной среде стали идейные шатания, сомнения, а нередко и прямое ренегатство, провокаторство. В то же время несколько активизировались анархистские течения и группы, что являлось реакцией на отступление революции, правительственные репрессии и рост "ликвидаторских" настроений в рядах РСДРП и в партии эсеров. Что касается последней, то после разоблачения в 1909 г. провокатора Азефа она долго не могла оправиться от шока и заметно снизила свою революционную активность.

Результатом репрессий, а также общего упадка настроения и дезорганизации рабочих масс стало резкое сокращение численного состава

*Речь. 1909, 21 июня.

РСДРП. Так, Петербургская организация РСДРП, насчитывавшая к V съезду партии свыше 7,3 тыс. членов, к началу 1908 г. уменьшилась примерно до 3 тыс. В начале 1909 г. в ней было уже менее 1 тыс., а в 1910 г. — лишь около 600 членов. Петербургский комитет РСДРП с июня 1907 г. по 1910 г. шесть раз арестовывался полностью. Московская организация в 1907 г. насчитывала в своих рядах 7,5 тыс., а в 1909 г. — лишь около 1,5 тыс. членов партии. В Киевской организации в конце 1907 г. осталось всего 80 социал-демократов.

Вновь оказалась свернутой внутрипартийная демократия. Если в период революции съезды РСДРП созывались ежегодно, как того требовал устав партии, то теперь положение изменилось: между V и VI съездами РСДРП прошло десять лет. Крайне нерегулярно проходили и всероссийские партийные конференции, не говоря уже о заседаниях ЦК. Снова стала широко применяться кооптация в руководящие органы РСДРП всех уровней.

Тем не менее социал-демократическая работа в России не прекращалась и в этот трудный период. Всего в 1907-1910 гг. в разное время вели работу более 180 комитетов и групп РСДРП — примерно втрое меньше, чем в период революции*. Выдвигались новые руководители из числа наиболее зрелых, теоретически подготовленных рабочих, заменявшие уходивших из партии интеллигентов.

С другой стороны, после поражения революции вновь возросло значение социал-демократической эмиграции, куда вернулись из России многие видные деятели РСДРП. В.И. Ленин до конца 1907 г. находился в Финляндии, затем перебрался сначала в Женеву, а в конце 1908 г. — в Париж. Там же находились в это время большевистский центр и редакция газеты "Пролетарий", ставшей центральным органом фракции большевиков и выходившей под редакцией Ленина. У меньшевиков аналогичную роль играла заграничная газета "Голос социал-демократа" (1908-1911 гг.). С февраля 1908 г. за границей выходил также, хотя и нерегулярно, центральный орган всей партии — газета "Социал-демократ".

Роль руководящего партийного центра в России играло Русское бюро ЦК РСДРП, состоявшее из большевиков И.Ф. Дубровинского, И.П. Гольденберга, В.П. Ногина и меньшевиков Н.Н. Жордания и Н.В. Рамишвили. В дальнейшем состав Русского бюро ЦК неоднократно менялся, причем из-за арестов и неконструктивной позиции представителей обеих фракций деятельность его оказалась в конечном счете парализованной. В России издавалось несколько социал-демократических газет и журналов, значение которых для сплочения партийных рядов в условиях

*См.: Пушкарева И.М. Рабочее движение в России в период реакции. 1907-1910 гг. С. 67-68.

реакции резко возросло, однако многие издания прекращали свое существование после выхода 1-2 номеров, а другие печатались нерегулярно.

В последней декаде декабря 1908 г. (в начале января 1909 г. по н.ст.) в Париже прошла с участием В.И. Ленина, Г.Е. Зиновьева, А.А. Богданова, П.Б. Аксельрода, Ф.И. Дана и представителей всех крупнейших организаций партии V (общероссийская) конференция РСДРП. Центральным пунктом повестки дня был доклад Ленина "О современном моменте и задачах партии". Он подчеркнул неизбежность нового революционного кризиса в стране, но отметил, что партия должна сосредоточить свои силы на кропотливой и длительной работе по политическому воспитанию масс, сочетая нелегальную подпольную деятельность с легальной.

Несмотря на то, что после поражения первой российской революции РСДРП продолжала оставаться единой, пути большевиков и меньшевиков в это время расходились все дальше и дальше. Один из меньшевистских лидеров Ф.И. Дан писал в декабре 1907 г. "Меньшевизм как организации теперь попросту в России нет, и собрать его снова механическим путем невозможно. В меньшевизме как направлении происходит, несомненно, разложение"*.

Это же отмечал и А.Н. Потресов, говоривший о полном распаде и деморализации меньшевиков. "Нет не то что организации, — жаловался он, — но даже и элементов для нее..."** Для части меньшевистской интеллигенции были характерны в то время культ "малых дел" и откровенное перерождение в духе социал-реформизма.

Кризис меньшевизма наиболее рельефно проявился в так называемом "ликвидаторстве". Ядро этого течения внутри меньшевизма составили известные публицисты А.Н. Потресов и Н. Череванин (Ф.А. Липкин), брат Мартова В.О. Левицкий (Цедербаум), И.А. Исув, Б.И. Горев (Гольдман) и др. Наиболее откровенные "ликвидаторы" крайне скептически относились к перспективам новой революции в России, призывали рабочих сосредоточиться на своих повседневных экономических нуждах, жить сегодняшним днем, бросить все разговоры о лидерстве пролетариата в освободительном движении, а главное — отказаться от сохранения нелегального подпольного аппарата РСДРП, на смену которому должны были прийти дозволенные законом легальные рабочие организации.

П.Б. Аксельрод писал, например, что нужно считаться с возможной перспективой гибели нелегальной партии и "не солидаризировать нашего дальнейшего движения с ее судьбой"***, а меньшевики-практики, работавшие в России, были откровеннее: они вообще склонялись к роспуску подпольных организаций, так что среди петербургских "ликвидаторов" даже ходил такой афоризм: "Теперь в партии умные люди не работают".

*Дан Ф.И. Письма (1899-1946). Амстердам, 1985. С. 184.

**Социал-демократическое движение в России. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 171.

***Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. В 2 т. Т. 2. М., 1925. С. 253-254.

Главными идейными центрами "ликвидаторства" были журналы "Возрождение" (Москва) и "Наша заря" (Петербург).

Однако наряду с "ликвидаторством" в меньшевизме было и другое течение, выступавшее за сохранение нелегальной социал-демократической партии, ее революционной программы и традиций. Оно получило название "партийного", или революционного меньшевизма и возглавлялось Г.В. Плехановым. Он страстно выступил в защиту революционного подполья, куда "наша мачеха-история" издавна загоняла лучших людей России. Одновременно, в противовес большинству меньшевистских теоретиков и публицистов, откровенно объявлявших идею гегемонии пролетариата устаревшей и совершенно бесперспективной, Плеханов признавал ее плодотворность в 1905-1907 гг. и выражал надежду на возрождение этой гегемонии в будущем, связывая повышение общественной значимости рабочего движения с усилением воздействия РСДРП на крестьянство.

Характерно, что Плеханов со свойственной ему прямоотой порвал в 1909 г. с редакцией меньшевистской фракционной заграничной газеты "Голос социал-демократа", и еще раньше — с редакционной коллегией многотомного труда "Общественное движение в России в начале XX-го века", где ведущую роль играли Мартов, Дан и Мартынов, вполне терпимо относившиеся к "ликвидаторству".

Меньшевики-партийцы не смогли, однако, стать сколько-нибудь значительной политической силой. Их сравнительно немногочисленные группы существовали в Петербурге, Москве, Екатеринославе, Одессе, Баку, Харькове, Саратове, Уфе и некоторых других городах, а также среди меньшевиков-эмигрантов в ряде стран Западной Европы. Изоляция меньшевиков-партийцев от основного ядра меньшевистской фракции и нежелание Плеханова идти на более тесные контакты с большевиками предопределили их маргинальное положение в рабочем движении России и сравнительно быстрый уход с политической арены в 1912-1914 гг.

Большинство меньшевиков не стали ни откровенными "ликвидаторами", ни "партийцами" плехановского толка, сохранив свою приверженность политическому курсу, провозглашенному лидерами фракции Мартовым и Даном на страницах заграничной газеты "Голос социал-демократа". Разделяя некоторые взгляды "ликвидаторов" (отказ от гегемонии пролетариата, критика "стачечного азарта", повышенное внимание к работе в легальных рабочих организациях и т.д.), меньшевики-"голосовцы" никогда не доходили тем не менее до отречения от революции и нелегальной социал-демократической партии, хотя большевики в полемическом запале тоже называли их "ликвидаторами".

Мартов и его сторонники считали, что рано или поздно в результате процесса "левения" буржуазии и ее конфликта с самодержавием в России

начнется сначала конституционный, а затем революционный кризис, в котором пролетариат должен будет выступить в роли союзника буржуазных и мелкобуржуазных элементов, способных на реальную оппозицию третьеиюньскому режиму. Призывая к радикальной реформе старых социал-демократических партийных структур и беспощадно критикуя большевиков за ультрацентрализм, вождизм, "нечаевщину", моральную нечистоплотность и т.д., "голосовцы" мечтали об обновленной, более демократичной и широкой по составу рабочей партии, в которой "подполье", выражаясь словами Ф.И. Дана, будет играть лишь "служебную роль для легальных открытых позиций"*.

Мартов принципиально не желал следовать советам Ленина и Плеханова, призывавших его организационно порвать с "ликвидаторами", и стоял за сохранение единства меньшевистских рядов и РСДРП в целом. И когда Плеханов в ультимативной форме потребовал в 1908 г. снять не понравившуюся ему "ликвидаторскую" статью Потресова для первого тома "Общественного движения в России...", Мартов предпочел пожертвовать самим Плехановым, но настоял на публикации очерка о "допартийном" периоде в истории марксистских организаций в России (1880-1890-е годы), написанного Потресовым с позиций "легального марксизма".

Заметим в этой связи, что пятитомник "Общественное движение в России в начале XX-го века", собравший лучшие литературные силы меньшевизма, до сих пор не получил объективной оценки в отечественной историографии. Легально изданный в 1909-1914 гг. в Петербурге (авторский замысел остался незавершенным из-за начала первой мировой войны), он содержал ряд интересных богато документированных статей о предыстории революции 1905-1907 гг. и о самих событиях этого бурного времени. Здесь была сделана попытка проанализировать политические платформы, тактику и конкретную деятельность всех основных политических партий России, показать ход массовых социальных движений начала XX века, политику правительства, международную обстановку, состояние народного хозяйства страны и т.д. Собранный в многотомнике фактический материал поистине бесценен.

В то же время в концептуальном плане этот труд несет на себе яркий отпечаток тех взглядов на русскую революцию, ее истоки, ход, результаты и перспективы, которые утвердились на рубеже первого и второго десятилетий XX века в меньшевистской среде. Не случайно здесь было много критических замечаний по адресу большевистского радикализма и гегемонизма, признаний в ошибках, совершенных в то время самими меньшевиками (переоценка сил рабочего класса, увлечение антибуржу-

*РЦИХДНИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 241. Л. 5.

азными лозунгами), призывов к политическому реализму. Вполне понятно, что такая позиция редакционной коллегии и авторов меньшевистского многотомника вызвали резкую, во многом продиктованную фракционными интересами критику со стороны Ленина.

Несмотря на то, что из всех политических течений, существовавших в тот период в России, большевики отступили с наименьшими потерями для своих рядов, общий идейно-организационный кризис революционного подполья затронул и их. В большевизме возникло левое течение во главе с А.А. Богдановым (Малиновским), являвшимся в период революции одним из главных руководителей большевистской фракции. Это был разносторонне и щедро одаренный человек со сложной, трагической судьбой (он погиб в 1928 г. в возрасте 55 лет, поставив на себе рискованный опыт по переливанию крови). Врач по образованию, Богданов много занимался политэкономией, философией, писал увлекательные научно-фантастические романы ("Красная звезда" и "Инженер Мэнни"). Отдав в юности дань увлечению народничеством, он вступил в 1896 г. в социал-демократическое движение. На следующий год Богданов издал "Краткий курс экономической науки" — первый популярный марксистский учебник политэкономии, созданный на базе его лекций в рабочих кружках и получивший высокую оценку Ленина. За участие в революционной работе Богданов подвергался арестам, был в ссылке. После раскола РСДРП он примкнул к большевикам, весной 1904 г. приехал в Швейцарию, но уже осенью того же года вернулся в Россию. В конце 1904 г. Богданов стал членом большевистского фракционного центра — Бюро комитетов большинства.

Еще раньше Богданов стал увлекаться модной тогда на Западе идеалистической философией Маха и Авенариуса, искренне пытаясь соединить ее с марксизмом. Это создавало определенные трудности во взаимоотношениях Богданова с Лениным, однако между ними был заключен политический союз для борьбы с меньшевиками, молчаливо устранявший философию как "нейтральную область". Это означало, что Богданов не выступал на страницах большевистской печати по вопросам философии, а большевики-ортодоксы не критиковали его философские взгляды. Что касается меньшевиков, то они уже в 1904 г. выступили в "Искре" с критикой Богданова как философа. В 1905 г. избранный на III съезде РСДРП членом ЦК Богданов работал в Петербурге, в том числе в Совете рабочих депутатов и в редакции большевистской газеты "Новая жизнь". С декабря 1905 г. по май 1906 г. он находился в тюрьме.

Начиная с 1906 г., когда была опубликована третья, последняя часть книги Богданова "Эмпириомонизм" (первая вышла в свет еще в 1903 г.), Ленин по-товарищески критиковал Богданова за отход от диалектического материализма, написав ему большое, в размере трех тетрадей, письмо,

где откровенно выразил свое несогласие с его взглядами. Но особую остроту разногласия между Лениным и Богдановым приобрели после поражения первой российской революции.

На этот раз предметом спора стали уже чисто политические вопросы. Как известно, часть большевиков проявила колебания в вопросе о тактике партии в условиях стабилизации самодержавного режима. Им казалось, что нет объективных оснований отказываться от методов вооруженной борьбы с царизмом. Кроме того, "левые" большевики — а среди них были такие видные партийные работники, как А.А. Богданов, Л.Б. Красин, В.Л. Шанцер, А.В. Луначарский, М.Н. Лядов, М.Г. Цхакая, Г.А. Алексинский, Н.А. Рожков, М.Н. Покровский, В.А. Десницкий, Д.З. Мануильский, В.Р. Менжинский и др. — предостерегали товарищей по партии от увлечения работой в легальных организациях и Государственной думе, опасаясь сползания РСДРП на реформистские позиции.

Особенно остро стоял вопрос об участии социал-демократов в III Государственной думе. На Петербургской общегородской партийной конференции (8-14 июля 1907 г.) силы сторонников и противников бойкота выборов оказались примерно равными (30 голосов — за бойкот, 33 — против). На III конференции РСДРП, состоявшейся в финском городе Котка 21-23 июля 1907 г., после длительной и горячей дискуссии было принято решение об участии партии в выборах. Однако путь к нему оказался очень непростым. В ходе первого тура голосования за участие в выборах высказались Ленин, 5 польских социал-демократов, 5 меньшевиков, 5 бундовцев и один латышский делегат. Против голосовали 8 большевиков во главе с Богдановым и один латышский социал-демократ. Пожалуй, такой ситуации еще не было в истории большевизма. Но затем Ленину удалось добиться компромисса с "богдановцами". В результате последние проголосовали за несколько видоизмененный Лениным проект резолюции против бойкота, но высказали при этом свое особое мнение, суть которого сводилась к признанию антибойкотизма лишь "меньшим злом" по сравнению с оппортунизмом меньшевиков. Второй тур голосования дал следующие результаты: за участие в выборах в III Государственную думу было подано 15 голосов, против — 11*.

В дальнейшем часть "левых" большевиков стала требовать немедленного отзыва социал-демократических депутатов из III Думы ("отзовисты"), а другая настаивала на предъявлении думской фракции РСДРП ультиматума: безоговорочно подчиняться всем решениям ЦК партии или покинуть Думу ("ультиматисты")**.

*См.: Цехновичер Л.Я. Школа политической борьбы. Из истории участия большевиков в думских избирательных кампаниях 1906-1912. Тула, 1989. С. 60-61.

**Следует учитывать, что в ноябре 1907 г. меньшевистское большинство думской фракции РСДРП приняло решение о неподчинении ЦК, заявив, что фракция лишь "прислушивается к голосу партии", но решает все вопросы самостоятельно.

"Богдановцы" обвиняли Ленина в "авторитарном поведении", недооценке роли пролетарских элементов в партии и даже в реформистских иллюзиях. Одновременно Богданов развивал левацкую идею создания новой, пролетарской культуры (в области труда, быта, политики, социального общения), которую он резко противопоставлял старой, буржуазной культуре, буржуазному индивидуализму и эгоизму. Эта новая пролетарская культура, по мысли Богданова, должна была определять весь стиль партийной работы, пронизывать собой все стороны жизни партии.

Составной частью идеологии "левого" большевизма было так называемое богостроительство. Его сторонниками выступали А.В. Луначарский (Плеханов иронически называл его в этой связи "отец Анатолий" или "блаженный Анатолий"), А.А. Богданов, Н.В. Вольский (Валентинов), В.А. Базаров, отчасти А.М. Горький. Они считали необходимым подвести под марксизм религиозно-философский фундамент, придать ему характер религиозного верования, что, по их мнению, должно было сделать социализм более доступным для понимания широких слоев трудящихся, способствовать успеху его пропаганды. Богостроители объявляли своей задачей теоретическое обоснование новой пролетарской религии без бога, которая должна была фактически превратиться в обожествление народных масс и особенно пролетариата. По мнению богостроителей, именно пролетариат генетически несет в себе совершенно новую форму человеческой цивилизации, в основе которой лежит не индивидуальная личность, а коллектив, в котором личность полностью растворена.

Свои идеи Богданов и его единомышленники пытались активно пропагандировать среди рабочих, устроив с этой целью при содействии А.М. Горького весной 1909 г. партийную школу для приехавших из России товарищей на острове Капри в Италии. Большую роль в организации Каприйской школы сыграл уральский рабочий-большевик, активный участник революции 1905-1907 гг. Никифор Вилонов, который после жестоких тюремных пыток заболел туберкулезом и в 1908 г. выехал для лечения на Капри. Именно он, вернувшись в Россию, набрал там группу из 15 рабочих и повез их за границу. На Капри к ним присоединились еще человек 12 эмигрантов, выразивших желание поехать затем на работу в Россию. Программа занятий включала в себя лекции по политэкономии (их читал А.А. Богданов), истории (М.Н. Покровский, М.Н. Лядов и А.В. Луначарский), русской литературе (А.М. Горький) и т.д. Кроме того, проводились практические занятия по ораторскому искусству и технике газетной работы.

Совершенно очевидно, что Богданов попытался опереться на Каприйскую школу, чтобы потом дать бой Ленину в подпольных организациях России. Слушателям внушали, что Ленин уже не тот, каким его знали рабочие по революционным событиям 1905-1907 гг., что он зазнался и

ушел далеко вправо, ведет раскольническую линию в партии, является невеждой в области философии и т.д. Отсюда делался вывод о том, что пора "одернуть" Ленина от имени русских социал-демократических организаций.

Рабочие, которые сначала не подозревали о планах Богданова, пригласили Ленина прочитать им на Капри несколько лекций. В ответном письме он раскрыл фракционный характер Каприйской школы и советовал рабочим приехать к нему в Париж. Вскоре шесть слушателей, в том числе Вилонов, высказавшиеся в поддержку Ленина, были исключены из Каприйской школы. Они приехали в ноябре 1909 г. в Париж (по окончании занятий на Капри там же собрались и остальные ученики), где прослушали лекции Ленина "Современный момент и наши задачи", "Аграрная политика Столыпина" и откровенно беседовали с ним по самым важным вопросам партийной жизни. С лекциями перед рабочими выступили также Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, И.Ф. Дубровинский и др.

В 1910-1911 гг. группа Богданова устроила новую школу для рабочих в итальянском городе Болонья. На этот раз к чтению лекций были дополнительно привлечены Ю.О. Мартов, Л.Д. Троцкий, А.М. Коллонтай, П.П. Маслов. Поскольку в число слушателей Каприйской и Болонской школ попали провокаторы, большинство слушателей по возвращении в Россию были арестованы.

"Отзовистские" и "ультиматистские" настроения получили распространение в Петербурге, Москве, Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве, на Урале (здесь они вылились в продолжение партизанских действий и экспроприаций). Ленин строго различал интеллигентское и рабочее крыло "левых" большевиков, подчеркивая, что рабочие идут за "отзовистами" в основном бессознательно, проявляя неосведомленность о деятельности думской социал-демократической фракции. "Отзовизм" для них был своеобразной реакцией на резкое изменение тактики партии после поражения революции, на "ликвидаторство" меньшевиков, на общий упадок настроения в пролетарской среде. Поэтому Ленин выступал против механического исключения из партийных организаций "отзовистски" настроенных рабочих.

В июне 1909 г. в Париже состоялось совещание расширенной редакции "Пролетария", на котором присутствовали 9 членов Заграничного большевистского центра во главе с Лениным, представители большевистских организаций Петербурга, Московского областного комитета, Урала. Совещание осудило "отзовизм" и "ультиматизм" и призвало вести самую решительную борьбу с этими "уклонениями от пути революционного марксизма".

В связи с отказом Богданова подчиниться решению совещания была принята специальная резолюция, в которой говорилось, что редакция

"Пролетария" снимает с себя ответственность за все его политические шаги. В конце 1909 г. под руководством Богданова и Луначарского за границей оформилась группа "Вперед", а вскоре в Париже была опубликована в виде брошюры ее платформа под названием "Современное положение и задачи партии". Авторы платформы подчеркивали, что в России неотвратим новый революционный кризис, и хотя момент его пока неизвестен, но можно с уверенностью сказать одно: уже нынешнему поколению партийных работников предстоит в нем участвовать. "Впередовцы" считали, что слабый состав думской фракции РСДРП и трудности, связанные с партийным руководством ее работой, делают усилия по проведению избирательной кампании и саму деятельность думской социал-демократической фракции неэффективными. Подчинившись партийному решению об участии в III Думе, говорилось в платформе, большая часть прежних бойкотистов выступает теперь за то, чтобы обязать фракцию подчиняться всем указаниям партии. Выражая свое несогласие с "отзовистами", члены группы "Вперед" тем не менее считали "отзовизм" законным оттенком в партии.

"Впередовцы" призывали своих сторонников поддерживать думскую фракцию РСДРП и систематически работать в различных легальных организациях. Однако главное, по их мнению, состояло в сохранении нелегальной, сплоченной и активной пролетарской партии с сильным рабочим ядром, свободной от всяких междоусобиц. Думская работа, говорилось в платформе, — это одно из средств агитации и пропаганды, но не центральная задача партии и не повод для расколов. "Впередовцы" советовали также не упускать из вида военно-боевую работу партии, призванную сыграть большую роль в подготовке неизбежной в будущем вооруженной борьбы народа со старым порядком. В платформе подчеркивалось, что пролетариат должен явиться руководителем и вождем всей демократии в предстоящей демократической революции, к которой нужно готовиться в организационном, тактическом и идеологическом отношениях.

Платформа группы была принята 7 рабочими и 8 интеллигентами*, причем по вопросу о тактике в отношении Государственной думы воздержались два отзовиста и один антибойкотист. В дальнейшем группа "Вперед" распалась: часть "впередовцев" вернулась на ленинские позиции (А.В. Луначарский, М.Н. Покровский, М.Н. Лядов), а сам А.А. Богданов постепенно отошел от политики. В 1918-1920 гг. он возглавил новую организацию — "Пролеткульт" ("Пролетарская культура"), а затем занялся научной работой в области медицины.

Таким образом, в сложных условиях межреволюционного периода и среди большевиков, и среди меньшевиков произошел раскол. Существо-

*Среди них были А.А. Богданов, А.В. Луначарский, А.М. Горький.

вало в это время и центристское течение, которое возглавил Л.Д. Троцкий, издававший с 1908 г. в Вене газету "Правда", где он пытался примирить все существовавшие тогда в РСДРП течения. "Правда", которая предназначалась для русских рабочих и доставлялась в Россию нелегально, выходила крайне нерегулярно и не оказала сколько-нибудь значительного влияния на рабочие массы.

Попытка примирения всех течений и групп, оформившихся к тому времени в РСДРП, была предпринята на трехнедельном январском 1910 г. пленуме ЦК РСДРП в Париже. В нем участвовали почти все наиболее видные деятели российской социал-демократии, в том числе В.И. Ленин, И.Ф. Дубровинский, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев — от большевиков; Ю.О. Мартов, А.С. Мартынов, Н.Н. Жордания — от меньшевиков; Я. Тышка и А. Варский — от польских социал-демократов; А.А. Богданов — от группы "Вперед"; Л.Д. Троцкий — от венской "Правды" и др. Г.В. Плеханов отсутствовал по болезни.

Историки до сих пор не располагают текстом протоколов этого пленума, но из различных источников известно, что он проходил в очень сложной, нервной обстановке, причем Ленин столкнулся с сильными настроениями в пользу примирения с меньшевиками даже внутри самого заграничного большевистского центра. Участники пленума осудили идеи "ликвидаторства" и "отзовизма", однако ради сохранения мира в партии не назвали их прямо в резолюции, что, естественно, не могло вызвать одобрения Ленина. Борьбу с этими уклонами пленум считал необходимым вести без организационных выводов, преодолевая разногласия в ходе конкретной практической работы. Пленум постановил распустить большевистский центр, закрыть фракционные печатные органы — большевистский "Пролетарий" и меньшевистский "Голос социал-демократа" и потребовать от большевиков передачи денежных средств, полученных ими в ходе экспроприаций и от наследников Н.П. Шмита, в общую партийную кассу (часть денег передавалась немедленно, а другая сдавалась на временное хранение так называемым "держателям", представителям германской социал-демократии — К. Каутскому, К. Цеткин и Ф. Мерингу). Пленум решил субсидировать венскую "Правду" и делегировать в ее редакцию Л.Б. Каменева как представителя ЦК. Наконец, было решено начать подготовку новой общепартийной конференции РСДРП.

Однако соглашение большевиков с меньшевиками и Троцким оказалось непрочным. Меньшевики продолжали выпускать "Голос социал-демократа" и сохранили свои фракционные центры в России. Крайне неблагоприятная обстановка сложилась в редакции официального центрального органа РСДРП — газеты "Социал-демократ", где Мартов и Дан в полном смысле слова воевали с Лениным и Зиновьевым. Каменев со скандалом вынужден был уйти из венской "Правды". В итоге в конце 1910

г. Ленин заявил о расторжении заключенного на январском пленуме ЦК договора с меньшевиками.

Большевики во главе с Лениным выступали и против "ликвидаторов", и против "отзовистов".

При этом ареной особенно ожесточенной идейной борьбы стала, казалось бы, далекая от политики область философии, где развернулся настоящий бой за мировоззренческие основы революционного пролетарского движения. Еще в феврале 1908 г. Ленин начал работать над "антибогдановской" книгой "Материализм и эмпириокритицизм", которая через год была издана в Москве и стала заметным явлением в развитии философии марксизма.

В нашу задачу не входит специальный разбор этого сложного полемиического произведения, в котором поднят целый ряд основополагающих философских проблем (материя и сознание; движение, пространство и время как формы существования материи; абсолютная и относительная истина; практика как критерий истины; революция в естествознании на рубеже XIX и XX вв. и т.д.). Отметим лишь, что "Материализм и эмпириокритицизм" вызвал очень неоднозначные отклики — от прямого восхищения до обвинений в грубом примитивизме, научной некомпетентности и т.п.

В большевистской среде оценки "Материализма и эмпириокритицизма", естественно, были положительными, хотя понять всю глубину содержания этой книги, если учесть довольно низкий уровень философской подготовки партийных кадров того времени, могли лишь немногие. Характерна в этом плане реакция на ленинскую работу Сталина, который назвал ее единственной в своем роде "сводкой положений философии (гносеологии) марксизма"*.

Что касается Плеханова, то он иронизировал по поводу того, что Ленин — первоклассный философ в том смысле, что находится пока только в первом классе философской школы**. Многие считали, что политическая заданность книги (борьба с Богдановым) очень снижает ее значение как философского произведения. Идейные противники Ленина отнеслись к "Материализму и эмпириокритицизму" крайне недоброжелательно. Лидер эсеров В.М. Чернов назвал ее, например, "карательной экспедицией в область философии" и писал о содержащихся в ней "грубейших промахах и наивностях", о полной "неприспособленности" Ленина к философствованию и т.д.***

*РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5225. Л. 3 об.

**См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 178.

***См.: Родина, 1990. № 4. С. 15.

Ленин подошел к своей работе прежде всего как политик и партийный лидер, которого не могли не волновать разброд и идейные шатания среди части большевиков. Как вспоминал Зиновьев, еще в 1906-1907 гг. Ленин с беспокойством говорил о распространении среди социал-демократов махистских взглядов, а в конце 1907 г. уже прямо ставил под сомнение возможность своей дальнейшей совместной работы с Богдановым "из-за махизма"*.

Фактом было и влияние философских работ Богданова на некоторых молодых большевиков, например, на Бухарина.

С точки зрения Ленина, ряд положений, содержащихся в работах Богданова, принадлежал к разряду "ересей" (отождествление общественного бытия и общественного сознания, отрицание объективности истины, "биологизация" форм общественного развития и т.д.). Сам он вслед за Плехановым был горячим приверженцем диалектического и исторического материализма Маркса и Энгельса и, в отличие от Богданова, не считал нужным "подправлять" своих великих учителей. Неодобрительно относился Ленин и к усложненной, часто туманной форме изложения Богдановым его взглядов.

Характерной чертой Ленина было стремление подчинить все, в том числе и философию, делу революции. Для него было аксиомой, что настоящий революционер обязательно должен быть материалистом и атеистом, и ради решения этой воспитательной задачи лидер большевиков готов был пренебречь "тонкостями" богдановского анализа, дойти до грубой, "черно-белой" схемы окружающего мира, лишь бы сохранить в неприкосновенности основные методологические принципы марксизма. К тому же не надо забывать, что в борьбе с Богдановым Ленин защищал и свои позиции лидера большевистской фракции, которые посмел поставить под сомнение его несговорчивый оппонент.

Важно подчеркнуть и другое: Ленин долго воздерживался от полемики с Богдановым, сознавая недостаточность своей философской эрудиции, но когда интересы политической борьбы потребовали его включения в дискуссию, он, как пишет тот же Чернов, со свойственным ему упорством "преодоле"л" труды тех, кто служил в Европе прототипом богдановских "ересей", затем тщательно пересмотрел работы их противников и только после этого сам взялся за перо. Заметим, что Ленин-философ тоже находился в процессе развития и его известные "Философские тетради" (память об углубленных занятиях философией в годы первой мировой войны) выше по своему теоретическому уровню и интереснее в чисто философском плане, чем "Материализм и эмпириокритицизм".

Союзником Ленина в борьбе с "эмпириокритицизмом" стал Плеханов, выступивший в это время с рядом работ, посвященных критике взглядов

*См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 177-178.

Богданова, Луначарского и их единомышленников. В 1908-1909 гг. он опубликовал работу "Materialismus militans", в которой тоже выступил против махизма. "Идейная неясность, — писал он, — особенно вредна у нас в настоящее время, когда под влиянием реакции и под предлогом пересмотра теоретических ценностей идеализм всех цветов и оттенков справляет в нашей литературе настоящие оргии и когда некоторые идеалисты — вероятно, в интересах пропаганды своих идей — объявляют свои взгляды марксизмом самоновейшего образца. Я твердо убежден, что теоретическое размежевание с этими идеалистами необходимо нам теперь больше, чем когда-нибудь"*. Плеханов показал связь идей Богданова с субъективным идеализмом Юма и Беркли, подчеркнул, что Богданов отказывается не от слабостей "старого" материализма, а от самой идеи материальности мира.

Богданов отверг критические замечания Ленина и Плеханова, в свою очередь обвиняя их в слишком "упрощенном" подходе к вопросу о соотношении объективного и субъективного, материи и сознания. При этом он доказывал, что Ленин стремится прежде всего свести с ним чисто политические счёты. Однако четким и ясным ленинским положениям Богданов не смог противопоставить стройной, последовательной и доступной понимания широких слоев партийной интеллигенции и тем более рабочих теории познания законов развития природы и общества.

Как уже не раз бывало в истории, период, последовавший за поражением революции, стал временем напряженных идейных исканий, интенсивной работы марксистской мысли. При этом параллельно шли два процесса — осмысление опыта и уроков первой российской революции, которая в начале XX в. больше всего продвинула вперед международное рабочее и социалистическое движение, и анализ новых явлений и тенденций мирового экономического и социального развития. Характерно, что из всех лидеров РСДРП Ленин показал себя в то время наиболее глубоким и разносторонним мыслителем-марксистом, занимавшимся не только текущей политикой, но и вопросами теории.

Ленин советовал большевикам смелее обогащать свой тактический арсенал новыми приемами борьбы, умело переходить от наступления к обороне, а затем к новому наступлению. Образно говоря, марксистская партия должна была научиться действовать и "по-французски", подобно революционерам 1789 и 1793 гг., и "по-немецки" — как боролись, например, германские социал-демократы в период исключительного закона против социалистов 1878-1890 гг., двигаясь шаг за шагом, завоевывая вершок за вершком.

Эту сложную диалектику партийной работы в различных исторических условиях многие большевики поняли далеко не сразу. Характерна в

*Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 3. М., 1957. С. 207.

этом отношении позиция будущего лидера советских профсоюзов, а тогда молодого петербургского рабочего-металлиста, делегата V съезда РСДРП М.П. Томского. Однажды на заседании большевистского фракционного центра в конце 1907 г., после выступления Ленина о необходимости использования партией всех легальных возможностей, включая кассы взаимопомощи, различные просветительские общества и т.д., Томский с иронией и даже некоторым вызывом спросил: "Может быть, и в кружок балалаечников нужно идти?" На это Ленин невозмутимо ответил: если это пролетарский кружок, в котором участвуют хотя бы 3-5 рабочих, то нужно идти и туда, а для начала научить их вместо "Боже, царя храни" играть "Марсельезу"*.

Поражение революции с особой остротой поставило вопрос об использовании РСДРП легальных возможностей. В III Государственной думе социал-демократы, несмотря на значительное сокращение числа депутатских мандатов (всего 19) по сравнению с предшествующим периодом, выступали с резкой критикой финансовой политики правительства, столыпинской аграрной реформы, законопроектов по рабочему вопросу. Хотя в декабре 1907 г. на заседании думской фракции РСДРП было принято решение о том, что каждый депутат вправе сам решать, будет он выезжать к своим избирателям или нет, большевики и примыкавшие к ним депутаты активно включились во внедумскую работу. Так, например, депутат-большевик Н.Г. Полетаев, начинавший свою революционную деятельность еще в "Союзе борьбы" в Петербурге, а в 1905 г. являвшийся членом исполкома столичного Совета рабочих депутатов, часто бывал на петербургских заводах и выступал в партийной печати. Другой большевистский депутат П.И. Сурков выезжал к избирателям в Костромскую губернию, а большевик М.В. Захаров — в Москву. Аналогичную работу вели и депутаты-меньшевики. Многие запросы социал-демократов правительству — а их было свыше 60 — сопровождались политическими выступлениями рабочих ряда промышленных центров страны, что в свою очередь повышало авторитет депутатов, укрепляло их связи с массами.

РСДРП усилила внимание к профессиональному и кооперативному движению. Созданная в декабре 1907 г. профессиональная комиссия при ЦК РСДРП, в дальнейшем преобразованная в профессионально-кооперативную, систематически руководила работой социал-демократии в профсоюзных и кооперативных организациях. В феврале 1908 г. ЦК РСДРП принял решение о создании внутри профсоюзов партийных групп, которые должны были работать под руководством местных комитетов РСДРП. Там, где деятельность легальных профсоюзов по полицейским условиям была невозможна, рекомендовалось переводить профсоюзы на нелегальное положение.

*См.: Возвращенные имена: Сб. публицист. статей: В 2 кн. Кн. 2. М., 1989. С. 247.

Не оставались без внимания социал-демократов культурно-просветительные общества, клубы, библиотеки, народные университеты, общества самообразования, воскресные школы, нередко становившиеся легальным прикрытием для партийных работников. Представители РСДРП принимали участие в работе всероссийских съездов: народных университетов, кооперативном, женском, фабрично-заводских врачей, по борьбе с пьянством и т.д.

При Петербургском, Московском, Харьковском, Киевском, Екатеринославском, Минском и других комитетах РСДРП были созданы специальные комиссии для работы среди крестьян. Значительными тиражами выпускались листовки, в деревне распространялась социал-демократическая литература, велась устная пропаганда. Вопрос о работе среди крестьянских масс неоднократно обсуждался на городских и областных конференциях РСДРП в Москве, Владимире, Саратове, Екатеринбурге, Вятке, Тифлисе и других городах.

Значительную работу проводили социал-демократы среди солдат и матросов. В начале 1908 г. при ЦК РСДРП было создано Центральное военное бюро, которое занималось координацией деятельности партийных организаций в армии. В 1907-1910 гг. около 60 социал-демократических групп вели активную работу более чем в 100 армейских частях и на 40 военных кораблях. В ряде мест выходили социал-демократические газеты для солдат и матросов: "Солдатская газета" (Екатеринбург), "Жизнь солдата" (Екатеринослав), "Ревельский военный листок", "Штык" (Рига) и др.

В 1908-1910 гг. продолжали функционировать студенческие социал-демократические организации в Московском, Петербургском, Харьковском, Казанском, Киевском, Одесском университетах и других высших учебных заведениях. По инициативе большевиков весной 1908 г. в Петербурге состоялся студенческий съезд, на котором была принята резолюция, нацелившая демократическое студенчество на активизацию революционной борьбы. Социал-демократы принимали активное участие во всеобщей студенческой забастовке осенью 1908 г.

Большое значение имело восстановление социал-демократических ячеек среди железнодорожников, торговых служащих, фармацевтов.

Учитывая многонациональный состав населения России, социал-демократы развернули агитационную кампанию среди нерусского населения. Например, Уральский областной комитет создавал национальные социал-демократические группы в крупных промышленных центрах (Казань, Уфа, Оренбург, Челябинск, Екатеринбург, Пермь) среди татар, башкир, удмуртов.

4. Социал-демократия в условиях нового революционного подъема

Уже в середине 1910 г. появились первые признаки того, что в обстановке нового промышленного подъема рабочие массы вновь начинают приходить в движение. После трагических апрельских событий 1912 г., когда царские власти вновь устроили кровавое побоище, на этот раз на далеких Ленских золотых приисках, где войсками было убито и ранено более 500 рабочих, пролетарское движение резко пошло в гору. В 1912 г. бастовало более 1 млн., а в 1913 г. — более 2 млн. рабочих. Как никогда высок был удельный вес политических стачек: число их участников, составлявшее в 1909 г. меньше 8% всех бастующих, выросло в 1912 г. до 76%.

Под непосредственным влиянием рабочего движения начались выступления демократического студенчества, интеллигенции, крестьянства, движение среди солдат и матросов, хотя масштабы выступлений непролетарских слоев значительно отставали от масштабов борьбы пролетариата (в этом сказалось, в частности, влияние столыпинской аграрной реформы и некоторое усиление либерального влияния на средние городские слои).

В 1912-1914 гг. вновь усилились оппозиционные настроения среди либералов, углубились противоречия между помещиками и верхушкой буржуазии. Даже партия октябристов, которая при Столыпине являлась по существу правительственной партией, стала выступать сначала с умеренной, а затем и с более резкой критикой третьиюньской политической системы. Участились оппозиционные выступления кадетов в Думе и на страницах печати.

В этих условиях перед РСДРП во весь рост встала задача восстановления и укрепления своих организаций, оживления их деятельности. Преодолению внутрипартийного кризиса должна была помочь общепартийная конференция РСДРП, решение о созыве которой было принято еще на январском пленуме ЦК 1910 г. в Париже. Однако прошло два года, прежде чем этот план был реализован, причем, не находя общего языка с "ликвидаторами", бундовцами, Троцким, группой "Вперед", большевики вместе с меньшевиками-партийцами взяли курс на проведение собственной конференции. Большую работу по ее подготовке проделала Российская организационная комиссия во главе с Г.К. Орджоникидзе. В состав РОК вошли также С.Г. Шаумян, С.С. Спандарян, И.И. Шварц и меньшевик-партиец Я. Соколин.

В работе VI конференции РСДРП, собравшейся в январе 1912 г. в Праге, участвовали 16 большевиков и 2 меньшевика-партийца, представлявшие социал-демократические организации Петербурга, Москвы,

Центрального промышленного района, Украины, Закавказья, Поволжья, Литвы, а также заграничный большевистский центр. Получившие приглашения национальные социал-демократические партии, думская фракция РСДРП, группа "Вперед", редакция венской "Правды", а также Г.В. Плеханов и А.М. Горький от участия в конференции уклонились.

По воспоминаниям Г.Е. Зиновьева, на Пражскую конференцию из России прибыл целый "выводок" молодых большевиков-практиков, представителей нового большевистского поколения, "разбуженных событиями 1905 года и теперь до известной степени сменивших первый кадр большевистских организаторов"*. Среди них были известные в дальнейшем партийные работники А.И. Догадов, Л.П. Серебряков, П.А. Залуцкий и др.

Делегаты конференции высказывались откровенно, подчас резко. Были критические выступления и в адрес Ленина за его излишнюю, по мнению отдельных делегатов, "непримиримость" к инакомыслящим. Ставился под сомнение меньшевиками-партийцами и ряд теоретических положений большевиков (о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, контрреволюционной роли либеральной буржуазии). Однако решения Пражской конференции по важнейшим вопросам повестки дня были приняты единогласно.

Конференция подтвердила, что ближайшей целью партии остается свержение царской монархии, установление демократической республики, конфискация помещичьей земли и введение 8-часового рабочего дня. Под этими лозунгами РСДРП предстояло выступить на выборах в IV Государственную думу, которые должны были состояться весной 1912 г. Шли в Праге и дискуссии по вопросу о назревшей перестройке партийных организаций, о более гибком и эффективном сочетании легальных и нелегальных форм работы. Нужно было создать массовую рабочую печать, шире использовать легальные пролетарские организации.

Большое значение имели решения Пражской конференции по организационным вопросам. Делегаты считали, что группа меньшевиков-"ликвидаторов", органами которой были журналы "Наша заря" и "Дело жизни", окончательно поставила себя вне партии. "Две партии у нас — это факт. Наличие их вытекает из всей совокупности русской действительности", — говорил на конференции Ленин**. При этом он не отделял тогда большевиков от меньшевиков-партийцев, считая, что они вместе должны противостоять "ликвидаторству".

Однако к началу первой мировой войны фактически прекратились и контакты большевиков с меньшевиками-партийцами. Правда, позже, в

*Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 192.

**Коммунист. 1988. № 8. С. 61.

1917 г. в большевистскую партию вступили некоторые бывшие меньшевики-партийцы (В.П. Затонский, Г.И. Чудновский, Я.Д. Зевин и др.), члены группы "Вперед" А.В. Луначарский, М.Н. Лядов, Д.З. Мануильский, М.Н. Покровский, так называемые "большевики-примиренцы", члены левоцентристской петербургской организации "межрайонцев", оформившейся в 1913 г.

В период сталинщины с Пражской конференцией необоснованно связывалось рождение новой, самостоятельной большевистской партии. Подобная оценка во многом объяснялась тем, что в 1912 г. Сталин путем кооптации впервые вошел в руководящее ядро партии. Однако независимо от этого вопросы генезиса и дальнейшего развития большевизма представляют собой сложную научную проблему, на организационных аспектах которой хотелось бы остановиться здесь более подробно.

Известно, что РСДРП была создана в 1898 г. Этот акт нередко трактовали в исторической литературе лишь как чисто формальное провозглашение партии, хотя в действительности его значение было неизмеримо больше. Однако на рубеже XIX и XX вв. оформление РСДРП как системы организаций, имеющих общую программу, устав и руководящие органы, фактически еще только начиналось. Этот процесс шел очень неравномерно, успехи чередовались в нем с неудачами. Так было, в частности, и после I съезда РСДРП, решения которого как бы повисли в воздухе: на социал-демократов обрушился град репрессий, усилились центробежные тенденции в самом социал-демократическом движении, наступила полоса господства так называемого "экономизма". Потребовалась огромная работа "Искры" и самого В.И. Ленина, чтобы создать подлинно всероссийскую сеть организаций социал-демократов, разделяющих "искровские" идеи. К середине 1903 г. эта работа была в основном завершена, что позволило созвать II съезд РСДРП.

На съезде "искровская" программа была принята практически единогласно, всего при одном воздержавшемся. Однако разногласия по организационным вопросам привели к расколу делегатов. Так возникли большевизм и меньшевизм, причем само это деление лишь закрепило те идейно-организационные тенденции, которые наметились в социал-демократическом движении России по крайней мере с 90-гг. прошлого века (революционный марксизм и марксисты "легальные", "политики" и "экономисты", "твердые" и "мягкие" сторонники "Искры"). Аналогичное положение существовало и в международной социал-демократии, где достаточно четко различались последовательные марксисты и так называемые "ревизионисты".

Сложность российской ситуации состояла, однако, в том, что сторонники Ю.О. Мартова, получившие незначительное большинство (всего 6 голосов при одном воздержавшемся) при обсуждении первого параграфа

устава партии, оказались затем в меньшинстве, хотя тоже незначительном, при выборах редакции "Искры". Таким образом, явного, бесспорного перевеса не было тогда ни на стороне большевиков, ни на стороне меньшевиков. В итоге сразу же после II съезда РСДРП разгорелась ожесточенная внутрипартийная борьба, в ходе которой обе формировавшиеся тогда фракции — большевистская и меньшевистская — не смогли конструктивно разрешить возникшие разногласия и взяли курс на раскол партии.

Маховик фракционной борьбы раскручивался все сильнее, неудержимо вовлекая в споры, а порой и в интриги как меньшевиков, так и большевиков. В результате в начале революции 1905-1907 гг. в РСДРП вполне оформились две самостоятельные фракции со своими печатными органами и руководящими центрами. К старым организационным разногласиям прибавились новые, тактические. Раскол в той или иной степени захватил и местные социал-демократические организации в России, хотя там было много "нейтралов", не имевших четкой фракционной линии.

С позиций сегодняшнего дня, когда в ряде стран существуют одновременно социалистические и коммунистические партии, причем в отдельных случаях последние тоже представлены двумя и более параллельными организациями, — ситуация начала века в России не представляла собой какого-то особого, из ряда вон выходящего явления. Кстати говоря, и в практике II Интернационала тоже были отдельные случаи, когда в пределах одной страны (Франция, Англия) существовало несколько социалистических партий. Однако нормой во II Интернационале в то время считался принцип: одна социалистическая партия в каждой стране. В частности, об этом шла речь в решениях Амстердамского конгресса II Интернационала 1904 г., ссылаясь на которые руководящие деятели западноевропейских социалистических партий пытались организовать в 1905 г. третейский суд между большевиками и меньшевиками и добиться их примирения.

Особая острота идейно-организационной борьбы в РСДРП во многом объяснялась переломным характером переживаемого страной момента, сложностью социальной и национальной структуры российского общества, некоторыми специфическими особенностями российской интеллигенции и нашего национального менталитета вообще, сильным крестьянско-мещанским окружением пролетариата. Все это вместе взятое, наряду с недостатком опыта ведения политических дискуссий и излишней амбициозностью некоторых партийных лидеров, привело к тому, что раскол принял резкие, непримиримые формы. Возвращаясь в 1910 г. к некоторым ранним страницам истории партии, Ленин подчеркивал, что большевизм вполне сложился, как направление, весной и летом 1905 г.*

*См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 19. С. 364.

При этом существовавшие в РСДРП фракции по своему характеру в значительной мере уже приближались тогда к самостоятельным политическим партиям. Анализируя ситуацию, сложившуюся после проведения III съезда РСДРП и Женевской конференции меньшевиков, Ленин говорил о наличии в России двух социал-демократических партий*.

В дальнейшем, в конце 1905 — начале 1906 гг., объективная логика революционной борьбы и тяга рядовых рабочих к единству пролетарского движения вновь привели к объединению, а точнее говоря к полубъединению большевиков, меньшевиков и ряда национальных социал-демократических организаций в единую РСДРП. Однако подлинного единства партии достигнуть тогда не удалось. Продолжала существовать фракционность, причем между большевиками и меньшевиками, а после поражения революции и между различными течениями внутри самих этих фракций, шла острейшая идейная борьба. Сохранялось и центристское течение, наиболее ярким представителем которого был Троцкий. Попытки январского 1910 г. пленума ЦК РСДРП на деле добиться роспуска всех существующих в РСДРП фракций и группировок в конечном счете оказались безуспешными.

К началу 1912 г. Ленин пришел к выводу, что дальнейшее сохранение двусмысленного и фальшивого полубъединения большевиков и меньшевиков не имеет больше смысла. Эта точка зрения была закреплена на Пражской конференции РСДРП хотя и после нее полного и окончательного раскола большевиков и меньшевиков в ряде местных организаций РСДРП все-таки не произошло. Пережив весной 1917 г. еще одну, последнюю волну "объединительных" настроений и приняв в свои ряды на VI съезде партии лучшую часть революционно-интернационалистских элементов из небольшевистских групп, большевики подошли к октябрю 1917 г. как достаточно сплоченная вокруг своего вождя — Ленина социалистическая партия, готовая взять на себя бремя ответственности за судьбы страны и стать правящей партией.

Рассматривая становление большевизма как достаточно длительный и диалектически сложный процесс, в котором можно выделить ряд "критических" точек (1898, 1903, 1905-1907, 1912, 1914-1917 гг.), следует кратко остановиться и на вопросе о марксистских партиях "старого" и "нового" типа. В течение многих десятилетий историки КПСС утверждали, что Ленин с первых же шагов своей революционной деятельности создавал учение и саму партию нового типа, которая коренным образом отличалась от партий II Интернационала. При этом они считали возможным переносить ленинские оценки более позднего периода на ранние этапы становления большевизма. Такой подход логически вытекал из сталин-

*См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 44. С. 265; Т. 47. С. 107-108.

ского тезиса о том, что между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой лежала целая полоса "безраздельного господства оппортунизма II Интернационала"*. Именно после письма Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция" (1931 г.) понятие "партия старого типа" стало однозначно трактоваться историками как синоним оппортунистической партии. Едва ли нужно специально доказывать, что такой подход был глубоко антиисторичным.

Анализ всей совокупности ленинских высказываний позволяет сделать вывод о том, что он на протяжении первого десятилетия существования большевизма вообще не говорил о "старом" или "новом" типе пролетарской партии. Лишь в статье "Как В. Засулич убивает ликвидаторство" (сентябрь 1913 г.) Ленин впервые употребил термин "старый тип" партии. Причем он противопоставил "старый испытанный тип" пролетарской партии, под которой подразумевалась именно самостоятельная революционная социал-демократическая партия в России, новой, "открытой партии", к созданию которой призывали меньшевики-"ликвидаторы"**.

Принципиально иную трактовку вопроса о типе пролетарской партии Ленин дал в годы первой мировой империалистической войны. Крах II Интернационала и последовавший за ним раскол международного рабочего движения привели к необходимости решительного размежевания с партиями, вставшими на позиции социал-патриотизма. В письмах к А.М. Коллонтай от 16 и 17 марта 1917 г. Ленин указал на важность систематической работы "над партией нового типа, ни в коем случае не а la "II Интернационала"***. При этом он с особой силой подчеркнул: "Ни за что снова по типу II Интернационала! Ни за что с Каутским"****.

Главными признаками пролетарской партии нового типа Ленин считал ее полное освобождение от сторонников реформизма, способность возглавить революционную борьбу пролетариата за власть, идейно-организационное единство и построение по принципу демократического централизма, тесную связь с рабочим классом и всем народом. Вполне понятно, что создание такой партии могло быть лишь результатом достаточно длительной и кропотливой "селекционной" работы, неотделимой от процесса борьбы с царизмом и буржуазией. При этом Ленин всегда отдавал должное тому позитивному опыту, который был накоплен в вопросах партийного строительства во II Интернационале, и прежде всего в германской социал-демократии.

*Сталин И.В. Соч. Т. 6. М., 1947. С. 71.

**См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 24. С. 29.

***Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 49. С. 403

****Там же. С. 400.

Больше того, в течение длительного времени Ленин исходил из того, что российские марксисты должны брать пример с немецких социал-демократов. Еще в 1901 г. он говорил, что "немцы уже добились того, за что мы боремся. У них есть единая социал-демократия, которой принадлежит гегемония в политической борьбе"* . В годы своего расцвета германская социал-демократия была, по оценке Ленина, ближе всего к такой партии, которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить**.

Однако механически копировать немецкий опыт — и Ленин прекрасно это понимал — было нельзя, во-первых, из-за существенных различий в условиях исторического развития России и Германии, а, во-вторых, из-за наличия в организационной структуре и тактике СДПГ целого ряда существенных недостатков, подражать которым было бы просто неумно. Вот почему в высказываниях Ленина о партиях II Интернационала нередко прорывались критические ноты***, хотя до начала первой мировой войны он действительно не противопоставлял еще большевизм западной социал-демократии в той форме, как делал это позже.

Анализ ленинских произведений показывает, что в организационный план Ленина, начало которому было положено на рубеже XIX и XX вв., несомненно, уже закладывались многие из тех идей, которые получили развитие, оформление и практическую реализацию в более поздний период. Однако нельзя забывать и о динамике этого процесса, который отнюдь не завершился ни в 1903, ни в 1912 гг., а продолжался еще годы, дав в полной мере свои результаты в историческом 1917 г.

В организационном отношении характерными чертами большевизма были небывало высокий и не всегда оправданный даже специфическими условиями российского самодержавно-абсолютистского режима уровень централизации, строго иерархическая структура организаций, значительное сужение внутривнутрипартийной демократии, безраздельная гегемония "профессиональных революционеров" над рядовыми партийцами, тенденция к подбору руководящих кадров по принципу личной преданности вождю-Ленину, строжайшая идеологическая, финансовая и кадровая дисциплина. Таким образом, в конечном счете большевистская фракция, а потом и партия строилась по типу закрытой, тщательно законспирированной организации с очень строгим подбором членов. Она нередко грешила сектантством и командно-приказным стилем отношений с внепартийной и околупартийной средой. Чисто деловые качества ценились в большевистских кругах выше нравственных, инакомыслие строго преследовалось, а неподчинение вышестоящим структурам и лицам — каралось.

*Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 5. С. 274.

**См.: Там же. Т. 41. С. 16.

***См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 6. С. 97; Т. 8. С. 385 и др.

Разумеется, и в истории большевизма были периоды "демократической разрядки" (1905-1907 гг., весна 1917 г.), да и сам тип "твердокаменного" большевика формировался не сразу, а постепенно. Большевики успешнее, чем меньшевики, вели военно-боевую работу, а также работу в деревне, часто уступая в то же время своим соперникам по степени влияния в профсоюзах, кооперативах, культурно-просветительных организациях. Они легче переносили репрессии властей, быстрее преодолевали внутренние кризисы, скорее находили общий язык с радикально настроенной, средней по своему культурному уровню и производственной квалификации частью рабочих, чем сторонники меньшевистской фракции, ориентировавшиеся прежде всего на "рабочую интеллигенцию". Занимая интернационалистские позиции и концентрируя в своих рядах представителей самых разных национальностей, большевики тем не менее были более "русской" по составу частью РСДРП, чем меньшевики.

Что касается идеологии большевизма, то она представляла собой очень сложный комплекс самых разных компонентов, попытку синтеза русской радикально-демократической и социалистической традиции (Пестель, Чернышевский, Ткачев, Нечаев, Бакунин, народовольцы) с марксизмом в его собственно марксовой и плехановской версиях. Были в нем и некоторые другие идеологические "примеси", например, элементы бланкизма, которые Ленин включал в свой теоретический и тактический арсенал. Все эти вопросы еще ждут своей детальной разработки, ибо большевизм представляет собой оригинальное, влиятельное и очень важное социо-культурное идеологическое и политическое явление не только российской, но и мировой истории XX века.

Но вернемся к VI (Пражской) партийной конференции. На ней был избран новый состав ЦК (до этого в течение нескольких лет ЦК, избранный на V съезде РСДРП, практически не функционировал). В него вошли большевики В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Г.К. Орджоникидзе, С.С. Спандарян, Ф.И. Голощекин, Р.В. Малиновский и меньшевик-партиец Д.М. Шварцман. Тяжелые условия подпольной работы в России требовали подготовки определенного резерва руководящих партийных кадров. Поэтому ЦК было предоставлено право кооптации новых членов. На состоявшемся в Праге, уже в конце работы конференции, пленуме ЦК в него были включены бывший рабочий-путиловец И.С. Белостоцкий и находившийся в Вологде под надзором полиции 32-летний И.В. Сталин.

К этому времени за плечами у Сталина были уже больше 10 лет революционной работы в Тифлисе, Батуми, Баку, Кутаиси, несколько лет тюрьмы и ссылки, участие в Таммерфорсской общероссийской конференции большевиков 1905 г., IV и V съездах РСДРП. Он был уже достаточно известным большевистским функционером регионального масштаба, автором нескольких брошюр и многочисленных статей в марксист-

стской печати. Как правило, Сталин поддерживал ленинскую линию, но были случаи, когда он пытался отстаивать и собственную точку зрения (так, например, он выступал как "разделист" при обсуждении аграрной программы на IV съезде РСДРП). Сталин активно выступал против меньшевиков, но его взгляды уже в то время несли на себе отпечаток провинциальной узости, прямолинейности и догматизма. Тяжелый, закомплексованный характер, властолюбие, подозрительность, неуживчивость в отношениях с людьми, неразборчивость в средствах достижения своих целей — таковы некоторые черты характера Сталина, которые в полной мере проявились в более поздний период. В то же время нужно сказать, что версия о связях Сталина с царской охранкой, обошедшая всю западную, а в последние годы — и отечественную историческую литературу, не получила пока основательного документального подтверждения, хотя некоторые серьезные зарубежные исследователи, например, Р. Такер, не исключают возможности того, что Сталин вступал в определенные деловые отношения с полицией, передавая ей информацию о товарищах, мешавших осуществлению его личных или фракционных целей*.

На случай ареста кого-либо из членов ЦК кандидатами для кооптации на Пражской конференции были намечены также А.С. Бубнов, Е.Д. Стасова, С.Г. Шаумян, рабочие М.И. Калинин и А.П. Смирнов. Однако обстоятельства сложились так, что никто из них в дальнейшем в ЦК кооптирован не был. В конце декабря 1912 г. в состав ЦК вошли Я.М. Свердлов и депутат IV Думы Г.И. Петровский.

Для практического руководства партийной работой в России было создано Русское бюро ЦК в составе Г.К. Орджоникидзе, С.С. Спандаряна, Ф.И. Голошекина, И.В. Сталина и Е.Д. Стасовой. Руководителем техническо-транспортной группы был утвержден И.А. Пятницкий. Конференция избрала редакционную коллегия газеты "Социал-демократ" во главе с Лениным, который был также избран представителем РСДРП в Международном социалистическом бюро.

Особо нужно сказать о члене ЦК РСДРП Романе Малиновском. Мало кто мог тогда предположить, что этот энергичный, обаятельный, наделенный практической сметкой и даром красноречия, хотя и несколько неуравновешенный, рабочий-токарь ведет двойную жизнь, сочетая активное участие в профсоюзном и социал-демократическом движении со службой в царской охранке.

К сожалению, провокаторство в революционной среде было нередким явлением, причем чем более массовый характер приобретало социал-демократическое и эсеровское движение, тем больше в полиции был спрос на агентов-провокаторов, с одной стороны, и шире предложение подобно-

*См.: Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. История и личность. М., 1990. С. 108.

го рода "услуг" со стороны морально разложившихся участников и попутчиков этого движения — с другой. В конце XIX - начале XX в. и особенно после революции 1905-1907 гг. внедрение провокаторов в революционные партии приняло очень широкие масштабы, да и само провокаторство приобрело изощренные, высокопрофессиональные формы. Это были уже не старые агенты охранки, так называемые "гороховые пальто", неуклюже топтавшиеся на углах городских улиц, а люди, занимавшие ответственные партийные посты. Большевики сумели раскрыть в своих рядах таких крупных провокаторов, как Житомирский, Бряндинский, Черномазов, Романов и др. Были провокаторы и среди меньшевиков, но особенно широкое распространение провокаторство получило в партии эсеров.

Выходец из Польши, Малиновский рано вступил на путь нарушения закона, дважды побывал в тюрьме. Не исключено, что на его совести было и убийство. Умело лавируя между большевиками и меньшевиками, Малиновский сумел стать видным профсоюзным функционером (в 1907-1909 гг. он работал секретарем правления Петербургского союза металлистов). В 1910 г. Малиновский перебрался в Москву, где в мае был арестован и завербован полицией (вполне возможно, впрочем, что его сотрудничество с охранкой началось гораздо раньше).

Уже на январском 1910 г. Пленуме ЦК РСДРП было высказано мнение о том, что Малиновский может быть рекомендован для кооптации в Русскую коллегию ЦК, но подлинный взлет в его карьере связан с Пражской конференцией РСДРП. Избрание Малиновского в состав ЦК свидетельствовало о явно недостаточной информированности заграничного большевистского центра о личных качествах новых партийных работников, появившихся на политическом горизонте после 1905 г. В случае с Малиновским, бесспорно, имело место неоправданно быстрое выдвижение его в число руководящих социал-демократических деятелей, что нанесло затем огромный урон не только революционной работе, но и самому престижу марксистской партии. Ответственность за это в значительной мере нес лично Ленин.

Малиновский сумел внедриться непосредственно в руководящий большевистский центр, неоднократно бывал за границей. В 1912 г. с помощью полиции он был избран рабочим депутатом IV Государственной думы, а через год стал руководителем думской большевистской фракции. Поэтому информация Малиновского представляла для полиции особую ценность и хорошо ею оплачивалась (до 700 руб. в месяц — сумма по тем временам очень большая).

В мае 1914 г. Департамент полиции приказал Малиновскому добровольно сложить с себя депутатские полномочия. Большую роль в этом решении сыграл товарищ министра внутренних дел Джунковский, воспитанный в строгих традициях дворянской чести и считавший, что даже в

борьбе с революционным движением далеко не все средства могут быть оправданы. К тому же затеянная Департаментом полиции рискованная игра имела для правительства как свои плюсы, так и свои минусы: Малиновский не только выдавал полиции виднейших революционеров-большевиков (среди них были Я.М. Свердлов, Г.К. Орджоникидзе, С.С. Спандарян, Е.Д. Стасова и др.), но и активно работал на РСДРП, что, естественно, не входило в планы полиции.

Находившиеся весной 1914 г. в Петербурге члены ЦК вместе с депутатами-большевиками IV Государственной думы исключили Малиновского из рядов РСДРП за отказ от выполнения партийных обязанностей. Вопрос же о провокаторстве Малиновского (такие подозрения были и у некоторых большевиков, в частности у Н.И. Бухарина, и у меньшевиков) рассматривала специальная следственная комиссия в составе польского социал-демократа Я.С. Ганецкого (председатель), В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева. Но вывести провокатора на чистую воду она не смогла. В результате "за отсутствием улик" обвинения Малиновского в провокаторстве были признаны необоснованными. Тем не менее его поступок квалифицировался как акт, несовместимый с пребыванием в рядах партии, хотя в дальнейшем и не исключалась возможность возвращения Малиновского к партийной работе.

Во время войны Малиновский был мобилизован в армию и в ноябре 1914 г. попал в плен. Прошел даже слух о его гибели, что дало Ленину и Зиновьеву основание опубликовать в центральном органе большевиков газете "Социал-демократ" некролог "Роман Вацлавович Малиновский". Позже там же появилась их заметка с сообщением о том, что Малиновский жив. Находясь в лагере для военнопленных Альтен Грабов в Германии, он вел там интернационалистскую социал-демократическую пропаганду, продолжал поддерживать связи с Лениным и Зиновьевым.

Лишь после Февральской революции, когда выявились неопровержимые факты сотрудничества Малиновского с охранным отделением, он был окончательно изобличен как провокатор. В "Правде" появилась статья, озаглавленная "Иуда". Познакомившись с ней в поезде, на пути в Петроград в начале апреля 1917 г., Ленин был потрясен. "Экий негодяй! Надул-таки нас. Предатель. Расстрелять мало!" — так, по воспоминаниям Зиновьева, реагировал Ленин на известие о разоблачении Малиновского. В мае 1917 г. Ленин и Зиновьев, наряду с другими видными большевиками и меньшевиками, давали показания о своих взаимоотношениях с Малиновским следователю Чрезвычайной следственной комиссии по делу бывших царских министров, созданной Временным правительством. После возвращения из немецкого плена Малиновский предстал перед Верховным трибуналом при ЦИК РСФСР и в ночь с 5 на 6 ноября 1918 г.

был расстрелян. Тем не менее и по сей день в деле Малиновского остается много неясного.

Решения Пражской конференции получили отклик в социал-демократических организациях России, причем отношение к ним было далеко не однозначным. Часть организаций поддерживала резолюции конференции безоговорочно, другая считала новый раскол в партии нежелательным и выступала за компромиссное решение вопроса о взаимоотношениях партийцев и "ликвидаторов". Этими настроениями в пользу единства партии попытался воспользоваться Л.Д. Троцкий, организовавший в Вене в августе 1912 г. своего рода контрконференцию. На ней присутствовали 33 делегата с решающим и совещательным голосом (17 "нефракционных", 4 большевика-примиренца, 2 — меньшевика-партийца и 10 меньшевиков-"ликвидаторов")*. Однако сколоченный Троцким в противовес большевикам так называемый Августовский блок быстро развалился.

В годы нового революционного подъема начался быстрый рост партийных рядов. В настоящее время мы не располагаем сколько-нибудь точными данными о количестве членов партии в этот период. Столь же трудно на основе имеющихся источников провести четкое разделение организаций РСДРП на большевистские и меньшевистские. Известно лишь, что в 1911-1914 гг. вели работу 46 комитетов и областных центров, 259 организаций и групп РСДРП**. Кроме того, есть данные, что с ЦК РСДРП и Лениным были связаны около 100 партийных организаций.

Большую роль в возрождении социал-демократической партии играла подготовка новых кадров партийных руководителей, прежде всего из числа самих рабочих. Летом 1911 г. в местечке Лонжюмо под Парижем Лениным была организована школа для партийных работников из России. Среди 18 ее слушателей было 10 большевиков, четверо меньшевиков-партийцев, один "впередовец" и др. — в большинстве своем рабочие. Ведущим лектором стал Ленин, который вел курс политэкономии, читал лекции по аграрному вопросу, теории и практике социализма. Кроме того, занятия в Лонжюмо проводили Г.Е. Зиновьев (история РСДРП), Л.Б. Каменев (история буржуазных партий в России), Н.А. Семашко (рабочее законодательство и деятельность Думы), И.Ф. Арманд, внефракционный Д.Б. Рязанов (профсоюзное движение), "впередовец" А.В. Луначарский (история искусства) и др.

Аудиторией школы служило помещение бывшей столярной мастерской, вся мебель состояла из одного большого стола, двух десятков плете-

*РЦХИДНИ. Ф. 1. 75. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.

**Подсчитано на основании перечня организаций РСДРП (1905 - февраль 1917 г.), хранящегося в Российском Независимом Институте социальных и национальных проблем.

ных стульев и маленького столика для лектора. Ежедневно читалось по 3-4 лекции, каждая из которых продолжалась полтора-два часа. Слушатели школы общались с преподавателями не только на занятиях, но и в свободное время ездили с ними в Париж и Версаль, гуляли по окрестностям Лонжюмо. В школе сложилась своеобразная коммуна. 17 августа, после того как были израсходованы все имевшиеся в распоряжении "школьной комиссии" средства, занятия прекратились. В дальнейшем ряд слушателей школы в Лонжюмо (Г.К. Орджоникидзе, И.С. Белостоцкий, А.И. Догадов, И.Д. Чугурин и др.) играли видную роль в работе местных большевистских организаций в России.

Для непосредственного руководства революционным движением Ленин в июне 1912 г. переехал в Краков, находившийся тогда на территории Австро-Венгрии, вблизи границы с Россией. Здесь были проведены Краковское (декабрь 1912 г.) и Поронинское (сентябрь 1913 г.) совещания ЦК РСДРП с партийными работниками, сыгравшие важную роль в укреплении и активизации деятельности большевистских организаций.

Меньшевики тоже постепенно выходили из кризиса, созданного появлением в их рядах "ликвидаторов". Все больше и больше меньшевиков-практиков сотрудничало теперь в местных меньшевистских инициативных группах (первая из них была создана в 1911 г. в Петербурге С.О. Цедербаумом (Ежовым) и Ю. Лариным). Отдавая предпочтение легальному рабочему движению, они тем не менее не сбрасывали со счетов и значения партийного подполья, без которого нельзя было сохранить преемственность и общее направление социал-демократической работы. Вместе с тем сохранялись в рядах меньшевиков и убежденные "ликвидаторы", ратовавшие за освобождение легальных организаций от влияния социал-демократии и не верившие в новую революцию — не только социалистическую, но и буржуазную.

Логика рассуждений "ликвидаторов" о перспективах политической эволюции в России выглядела так. В стране рождается новый социополитический слой — городская демократия (техническая интеллигенция, "белые воротнички", студенты и другие представители средних слоев), которая либо вообще заменит буржуазию как оппозиционную царизму силу, либо подтолкнет ее влево, вступив в союз с наиболее прогрессивной частью предпринимательских кругов. Н. Череванин, например, считал, что в России складывается коалиция этой новой демократии с "прогрессистами" типа Рябушинских и Коновалова, способная стать противовесом помещикам. Давление этой коалиции на правительство могло бы, по мнению Череванина, привести даже к переходу власти в руки указанных сил чисто эволюционным путем. А затем пролетариат и другие демократические силы подтолкнули бы новое буржуазное правительство к введению в России демократических институтов.

Проигрывался меньшевистскими теоретиками и революционный вариант развития событий, но и в этом случае они возлагали надежды на коалицию пролетариата, средних слоев и прогрессивной части буржуазии как средство спасения страны от анархии. Что касается Мартова, то его надежды на "левение" российской буржуазии то угасали, то вспыхивали с новой силой, но чем дальше, тем больше он приходил к выводу, что подлинным носителем демократических идей в России является лишь один класс — пролетариат, а его надежным союзником может быть только рабочий класс других стран*.

В годы нового революционного подъема в России резко обострился национальный вопрос. Развитие и углубление национальных движений и рост национального самосознания угнетенных царизмом народов России вызвали в ответ активизацию воинствующего ("Россия для русских") черносотенного национализма (дело Бейлиса)**. Одновременно происходило оживление великорусских национально-имперских настроений в либеральных кругах, идеологи которых, в частности П.Б. Струве, считали, что грубый казенный национал-патриотизм "не собирает, а дробит государство", ведет "не к национально-государственному объединению, а к автономизму и федерализму"*** и потому должен уступить место более гибкому и современному "внеклассовому" национализму английского типа.

При этом различные течения внутри русского либерализма понимали национализм по-своему. Так, Струве и другие "веховцы" разделяли народности, населяющие Российскую империю, на "державные" и "недержавные", объявляя Россию национальным русским государством, а русских — "державной народностью". "Великому народу, создавшему могущественное государство, — подчеркивал Струве, — не только нравственно приличествует, но и интересам его здоровья отвечает лишь открытый, мужественный, завоевательный национализм, провозглашающий и осуществляющий свободное состязание национальностей"****. Тезис о русских как "державной", государственной нации автоматически снимал с повестки дня вопрос о необходимости национального равноправия. Недаром "веховцы" со всей определенностью настаивали на сохранении сопер-

*Подробнее см.: Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993. С. 30-41.

**Речь идет о сфабрикованном в 1913 г. в Киеве процессе над евреем Бейлисом, обвиненным в ритуальном убийстве православного подростка. Суд присяжных за недостаточностью улик оправдал обвиняемого.

***Струве П.Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм: Сб.статей за пять лет (1905-1910 гг.). СПб., 1911. С. 301.

****Русская мысль. 1910. Кн. 4. С. 177.

ничества между национальностями во имя соблюдения "национальной гигиены"*.

Однако лидер кадетов П.Н. Милюков и его единомышленники выступили против крайностей великодержавного национализма, призывая "веховцев" "укротить бурные чувства", чтобы не оказаться "по ту сторону культуры"**. Предложил Милюков и собственное, более обтекаемое, но весьма туманное решение национального вопроса — синтез национализма и космополитизма. "Космонационализм, — писал он, — как нечто среднее между национальностью и человечеством — это, если не решение, то путь к решению, в котором права национальности и интересы культуры не пожертвованы одно другому"***.

Отмеченные различия не мешали, однако, "веховскому" и милюковскому направлению внутри русского либерализма выступать единым фронтом против пролетарского интернационализма. Так, С.Н. Булгаков критиковал "Манифест Коммунистической партии" за стремление направить рабочее движение по ложному пути интернационализма, а С.Н. Трубецкой отождествлял последний с разрушительным космополитизмом.

Националистические тенденции усилились и в рядах национальных социал-демократических партий и организаций, особенно в Бунде, затронув также меньшевиков и народнические партии.

В этих условиях, как никогда прежде, перед большевиками остро встала задача теоретической разработки национально-колониального вопроса и уточнения соответствующих разделов Программы РСДРП. Не случайно Ленин посвятил в 1913-1914 гг. этой проблеме специальные работы "Критические заметки по национальному вопросу", "О праве наций на самоопределение" и др.

Выше уже отмечалось, что РСДРП с самого начала выдвигала требование полного равенства всех наций, подчеркивая необходимость решительной борьбы против любых национальных привилегий и нарушений прав этнических меньшинств, против всякой национальной исключительности и эгоизма. Теперь, в 1913 г. в решениях Поронинского совещания большевиков впервые в официальном партийном документе было прямо сказано о том, что право наций на самоопределение включает в себя и право на отделение и образование самостоятельного национально-государства.

Вместе с тем Ленин настоятельно советовал не смешивать это право с целесообразностью отделения той или иной нации от большого многона-

*Струве П.Б. *Patriotika*... С. 299.

**По вехам. Сборник статей об интеллигенции и "национальном лице". 2-е изд. М., 1909. С. 40-41, 76-77.

***ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3514. Л. 37-39.

ционального государства, предлагал подходить к решению этого вопроса конкретно-исторически, с учетом интересов всего общественного развития в целом и интересов классовой борьбы пролетариата.

"Отделение, — откровенно писал Ленин в письме к С.Г. Шаумяну от 6 декабря 1913 г., — вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения. Но мы стоим за **право** на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда **больше** связи получится после свободного отделения!!" Что же имел в виду Ленин под "нашим планом"? В том же письме Шаумяну содержится предельно ясный ответ на этот вопрос. "Автономия, — писал Ленин, — есть наш план устройства демократического государства". Что касается федерации, то Ленин выступал тогда категорически против нее. "Мы, — подчеркивал он, — в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства. Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь или, вернее, если гнет и трения "сожительства" таковы, что они портят и губят дело экономической связи. Не хочешь отделяться? Тогда извини, за меня не решай, не думай, что ты имеешь "право" на федерацию"*.

Выступая самым решительным образом против всех форм национализма, Ленин указывал на необходимость самого пристального внимания к национальным чувствам масс. Он показал коренное различие между национализмом угнетающих и угнетенных наций, подчеркнув при этом необходимость борьбы с тенденцией перерастания национализма угнетенных наций в шовинизм. Каждое национальное требование, подчеркивал Ленин, пролетариат и его партия должны поддерживать не безусловно, а в зависимости от того, содействует ли оно равноправию наций, миру между народами и прежде всего интересам классовой борьбы пролетариата, ибо в противном случае признание и поддержка национального движения может превратиться в апологию национализма**.

Большое внимание Ленин уделил проблеме укрепления интернационального единства рабочего класса, подчеркивая, что марксистская партия должна строиться на принципах пролетарского интернационализма. Решения Краковского и Поронинского совещаний ЦК наметили конкретный путь к достижению единства пролетариата: сплочение рабочих различных национальностей в единых партийных, профессиональных, культурно-просветительных, страховых и кооперативных организациях.

В разработке и популяризации марксистских взглядов по национальному вопросу принимали также участие С.Г. Шаумян, И.В. Сталин, Н.А.

*Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 48. С. 235.

**См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 24. С. 132.

Скрыпник, П.И. Стучка. Из ряда работ, написанных большевистскими публицистами на эту тему, наибольший резонанс получила статья И.В. Сталина "Национальный вопрос и социал-демократия", опубликованная в трех номерах большевистского легального журнала "Просвещение" в 1913 г.* Для сбора материала Сталин специально выезжал в Вену, ибо австрийская социал-демократия особенно славилась тогда во II Интернационале теоретической разработкой национального вопроса — ведь Австро-Венгрия была одним из крупнейших многонациональных государств Запада. Вполне вероятно, что ему помогал в работе живший тогда в Вене молодой большевик Н.И. Бухарин, поскольку сам Сталин не владел, как известно, ни одним иностранным языком. Кроме того, есть основания предполагать, что в редактировании сталинской рукописи по национальному вопросу принимал участие и Ленин**, называвший в то время Сталина "чудесным грузином", а его статью — очень хорошей.

Известно, что в этой работе Сталина было дано определение нации, которое затем прочно вошло в марксистскую литературу. Сталин подчеркивал, что нация представляет собой устойчивую, исторически сложившуюся общность людей, и выдвигал на первый план такие ее признаки, как общность языка, территории и экономической жизни, а затем уже называл этнопсихологические и этнокультурные факторы — общность психического склада, проявляющуюся в общности национальной культуры***.

Следует отметить, что Сталин взял за основу (без ссылки на источник) концепцию нации, выдвинутую крупнейшим теоретиком германской социал-демократии и всего II Интернационала Карлом Каутским, который акцентировал внимание на таких признаках нации, как общность языка и территории, сложившихся в условиях консолидации экономики на базе развития капитализма. Что касается национального характера и национальной культуры, то Каутский, как ни странно, считал их "миражом", исчезающим при ближайшем рассмотрении в воздухе. Однако Сталин осуществил своеобразный синтез взглядов Каутского и другого видного теоретика II Интернационала Отто Бауэра, связывавшего национальную общность прежде всего с относительной общностью характера и культуры, хотя и несколько видоизменил его формулу.

*Заглавие сталинской статьи повторяло название книги известного австрийского марксиста О. Бауэра. В 1914 г. статья Сталина была издана отдельной брошюрой под названием "Национальный вопрос и марксизм", а в собрание его сочинений она вошла под названием "Марксизм и национальный вопрос".

**В беседе с югославским коммунистом М. Джиласом в 1948 г. Сталин сказал, что в работе "Марксизм и национальный вопрос" он выразил взгляды Ленина, который и отредактировал его статью (см.: Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. История и личность. С. 149).

***См.: Сталин И.В. Соч. Т. 2. М., 1949. С. 296.

Сталин подверг критике австро-марксистскую концепцию культурно-национальной автономии, разработанную К. Реннером и О. Бауэром и взятую в России на вооружение бундовцами и меньшевиками. Она предусматривала национальное самоуправление в вопросах культуры, школы и языка, т.е. являлась формой экстерриториальной национальной автономии, не затрагивающей сферу политики и не проводящей строгого различия между отдельными социальными группами внутри данного этноса. Именно это последнее обстоятельство и смущало большевиков, считавших культурно-национальную автономию утонченной разновидностью буржуазного национализма, которая ведет к консервации национальной обособленности трудящихся и может помешать созданию единых рабочих партий и профсоюзов, построенных по принципу интернационализма.

Между тем в условиях характерных для XX века интенсивных этнических миграций и своеобразного "распыления" многих наций, крайней болезненности отделения того или иного этноса от многонационального государства и технической невозможности предоставления ряду малых этнических групп территориальной автономии предложения теоретиков II Интернационала по вопросам культурно-национальной автономии заслуживали не огульного отрицания, а по крайней мере тщательной проработки и обсуждения. Кстати говоря, и сам Сталин, выступавший в данном случае от лица всего большевистского руководства, считал наиболее целесообразной формой национального самоопределения в России областную автономию в рамках единого государства для крупных наций и возможность пользоваться родным языком в школах, культурно-просветительных учреждениях и т.д. — для всех без исключения национальных меньшинств (чем последнее предложение отличалось от той же культурно-национальной автономии, — сказать трудно).

В итоге большевистская программа решения национального вопроса при всем своем декларативном радикализме носила достаточно умеренный, половинчатый характер и в скрытой форме несла на себе отпечаток старого имперского мышления. Характерными чертами большевистской методологии в подходе к национальным проблемам были: недооценка нематериальных, духовно-психологических признаков нации; глубокое убеждение в примате социального над национальным (недаром большевики считали, что рабочие должны чувствовать себя прежде всего членами одной классовой интернациональной семьи, а потом уже — представителями той или иной нации); наивная вера во всемогущество пролетарского интернационализма как панацеи от всех зол в области межнациональных отношений; переоценка темпов процесса интернационализации всех сторон общественной жизни в мировом масштабе.

Нужно отдать большевикам и прежде всего Ленину должное: они отвергли ультраинтернационалистскую концепцию Розы Люксембург, которая критиковала лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения за то, что он якобы льет воду на мельницу буржуазных националистов угнетенных наций. Несколько позже, в годы первой мировой войны Ленину пришлось столкнуться с рецидивом подобных взглядов уже в большевистской среде (Г.Л. Пятаков, Н.И. Бухарин), причем тогда дело дошло даже до левацких лозунгов типа "Прочь границы!", поскольку мировая пролетарская революция чуть ли не одним ударом покончит якобы не только с национальным гнетом и колониализмом, но и быстро создаст единое мировое плановое социалистическое хозяйство, построенное на принципах братского сотрудничества всех наций, которые начнут "отмирать" буквально на глазах. Однако и "правовверные" большевики склонны были неоправданно ускорять в своем воображении процесс стирания национальных различий и явно не представляли себе, насколько сложным окажется преодоление имперской модели межнациональных отношений, сколько здесь будет возвратов к прошлому, драматических ошибок и катастроф.

Вот почему, вспоминая сегодня о претензиях Сталина на роль главного теоретика марксизма в национальном вопросе, нужно подчеркнуть, что его взгляды были отнюдь не оригинальны, а предложенная им концепция национальной общности явно не могла претендовать на универсальность. Точно так же совершенно очевидны характерные для Сталина после 1917 г. прямолинейность, грубость и торопливость в подходе к национальному вопросу, стремление решать его сугубо административными средствами, без учета воли самих народов. Следует также иметь в виду, что многие верные положения статьи Сталина "Марксизм и национальный вопрос" оказались позднее забыты и отброшены самим же ее автором, ибо для практики национально-государственного строительства в СССР были характерны грубейшие извращения и прямые преступления против целых народов. Нельзя не сказать и о том, что абсолютизация сталинского определения нации и монополизация Сталиным права на теоретическую разработку национального вопроса вообще привели в дальнейшем к стагнации в этой области марксистской теории.

Возвращаясь к деятельности РСДРП в годы нового революционного подъема, отметим, что в это время вновь заметно активизировалась партийная печать. Так, в Петербурге большевики и меньшевики-партийцы выпускали газету "Звезда" (1910-1912 гг.). В Москве издавался журнал "Мысль", а в Петербурге — журнал "Просвещение". Выходили в свет также и другие легальные органы: "Наш путь" (Москва), "Современная жизнь" (Баку).

Но особенно велика была роль легальной общероссийской большевистской газеты "Правда", которая стала выходить с 22 апреля (5 мая) 1912 г. в Петербурге. День выпуска первого номера "Правды" стал отмечаться как День рабочей печати. "Правда" была по-настоящему рабочей по своему содержанию, кругу читателей и количеству рабочих корреспондентов газетой, оперативно откликаясь на все интересовавшие пролетариат вопросы. Подобно "Искре", "Правда" стала не только агитационно-пропагандистским, но и важным организационным центром большевиков. Идейным руководителем "Правды" и одним из основных ее авторов был Ленин, стремившийся придать газете как можно большую политическую остроту, включить ее в активную борьбу с "ликвидаторами". На этой почве в 1912 г. имели место разногласия Ленина с членами редакции "Правды" В.М. Молотовым, М.С. Ольминским и другими "правдистами", придерживавшимися более "нейтралистской" тактики. В январе 1913 г. редакция "Правды" была реорганизована. Редактором газеты с широкими полномочиями был утвержден Я.М. Свердлов. Под влиянием критики Ленина политическая линия газеты стала меняться в сторону большей определенности и антиликвидаторства.

"Правда" создавалась на средства, собранные самими рабочими. Ее тираж доходил до 40-60 тыс. экземпляров. В газете широко освещались вопросы внутренней жизни России, положение и борьба рабочего класса, крестьянства, демократической интеллигенции, студенчества, трудящихся национальных районов. Был в газете и обширный международный раздел. В "Правде" печатали свои новые произведения А.М. Горький, поэт Демьян Бедный. В 1913 г. несколько статей в газете опубликовал Г.В. Плеханов.

"Правда" неоднократно подвергалась репрессиям со стороны царских властей. Газету 8 раз закрывали, и большевикам приходилось выпускать ее под новыми названиями ("Пролетарская правда", "Путь правды", "Рабочая правда" и др.). Почти четверть номеров газеты была конфискована, а общая сумма штрафов превысила 16 тыс.руб.

Меньшевистским аналогом и главным соперником "Правды" стал "Луч". Эта газета выходила с сентября 1912 по июль 1913 г. в Петербурге. Затем на смену ей последовательно приходили "Живая мысль", "Новая рабочая газета", "Наша рабочая газета", "Северная рабочая газета". В этих изданиях сотрудничали как меньшевики-"ликвидаторы", так и меньшевики-мартовцы, а также Троцкий. Они стремились откликаться на важнейшие события российского и международного рабочего движения, подробно освещали профсоюзную жизнь, работу IV Государственной думы и ее социал-демократических депутатов, не забывали о новостях культуры и науки.

Интереснейший материал для определения соотношения большевистского, меньшевистского и эсеровского влияния в рабочем движении тех лет дают данные о количестве групповых рабочих сборов на "Правду", меньшевистские и эсеровские газеты. В 1912 — июне 1914 г. групповые рабочие сборы на "Правду" (всего 6050) были проведены в 279 городах и местечках. При этом 31 % сборов приходится на долю металлистов, около 8 % — печатников, 4 % — текстильщиков и т.д. На меньшевистские газеты поступило за это же время около 1500 сборов (в том числе 39 % от металлистов, 17 % — от печатников, 1 % — от текстильщиков), а на эсеровские — около 790 (из них половина от металлистов). В 1913 и 1914 гг. за большевиками, судя по данным о рабочих сборах на социал-демократическую и эсеровскую печать, шли 70 % политически сознательных рабочих, за меньшевиками 21 % (1913) и 17 % (1914), а за эсерами — соответственно 9 и 13 %. Если же принимать в расчет лишь сборы на социал-демократическую печать, то за большевиками шли 4/5 всех передовых рабочих (в 1913 г. 77 %, а в 1914 г. — 81 %)*. При этом меньшевики сумели добиться некоторого преимущества над большевиками лишь в 20 губерниях (Польша, Западный район, Дон и Северный Кавказ, Закавказье, Сибирь и Дальний Восток). Рабочие основных пролетарских центров страны в эти годы шли в большинстве своем за большевиками.

Для меньшевиков было характерно стремление придать экономической борьбе рабочих самодовлеющий характер и не "осложнять" ее политическими требованиями. Ликвидаторский "Луч" предостерегал рабочих от "легкомысленной растраты сил", "игры в забастовки", "стачечного азарта"**. Знаменитым большевистским "трем китам" — лозунгам 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьей земли, демократической республики — меньшевики противопоставляли более обтекаемые требования свободы "коалиций" (прежде всего профсоюзов), слова, печати, собраний, всеобщего избирательного права и полновластного народного представительства.

Уже с 1910 г. меньшевики взяли курс на создание собственных инициативных групп — новой формы самостоятельных фракционных организаций, которые должны были вести подготовительную работу по созданию новой легальной рабочей партии. На августовской конференции 1912 г. был избран также временный руководящий центр меньшевиков — Организационный комитет в составе Б.И. Гольдмана (Горева), П.А. Бронштейна (Гарви), А.Н. Смирнова, М.С. Урицкого, Г.И. Уротадзе (в дальнейшем состав ОК неоднократно менялся) и его заграничный секре-

*См.: Иванова Н.А. Структура рабочего класса России. 1910-1914. М., 1987. С. 174, 178-179, 187, 189.

**Луч. 1912. 3, 17, 21 ноября.

тариат, куда вошли Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод, И.С. Повес (Астров), А.С. Мартынов, С.Ю. Бронштейн (Семковский).

Борьба большевиков и меньшевиков вновь приобрела в это время очень резкие формы. Она шла на всех уровнях — в социал-демократических организациях, печати, профсоюзах, других легальных рабочих организациях, а также в думской фракции РСДРП.

Кампания по выборам в IV Государственную думу, проходившая в 1912 г., способствовала подъему рабочего и демократического движения в стране. От наиболее развитых в индустриальном отношении губерний страны, где депутаты избирались прямо от рабочей курии, были избраны большевики: от Петербурга и Петербургской губернии — слесарь вагонных мастерских Николаевской железной дороги, член РСДРП с 1904 г. А.Е. Бадаев; от Екатеринославской губернии — слесарь завода "Русский Провиданс", участник социал-демократического движения с 1897 г. Г.И. Петровский; от Владимирской губернии — рабочий ситцепечатной мануфактуры, член РСДРП с 1903 г. Ф.Н. Самойлов; от Харьковской губернии — рабочий одного из депо Северо-Донецкой железной дороги, член РСДРП с 1904 г. М.К. Муранов; от Московской губернии — Р.В. Малиновский; от Костромской губернии — ткач из села Родники, член РСДРП с 1905 г. Н.Р. Шагов. Среди них не было ни публицистов, ни профессиональных политиков. Но это были опытные партийные работники-практики, прошедшие школу революции 1905-1907 гг. и тесно связанные с рабочими массами. В общей сложности большевистские депутаты представляли в Думе свыше 1 млн. рабочих.

Меньшевики провели на выборах семь депутатов от Закавказья, Области Войска Донского, Иркутской, Таврической и Уфимской губерний, где насчитывалось менее 140 тыс. рабочих. Среди меньшевистских депутатов выделялись журналист Н.С. Чхеидзе, адвокат А.И. Чхенкели, инженер М.И. Скобелев. Лишь трое депутатов были рабочими (А.Ф. Бурьяков, И.Н. Туляков, В.И. Хаустов), а один (И.Н. Маньков) — конторским служащим.

Во второй городской курии, где шла острая борьба между кадетами и социал-демократами, последним удалось собрать около 100 тыс. голосов. Особенно удачно выступили они на выборах в Петербурге и Москве.

В IV Думе по сравнению с Третьей за счет сокращения числа мандатов октябристов (со 154 до 98) усилились черносотенцы, "прогрессисты" (национал-либеральная "веховская" партия) и отчасти кадеты. При этом усиление правого крыла Думы компенсировалось некоторым полевением кадетской и октябристской фракций.

Постепенно овладевая техникой думской работы, депутаты от РСДРП наращивали свою активность, смело вступали в полемику с политическими оппонентами, учились сохранять выдержку в крайне неблагоприят-

ной для них обстановке (грубые реплики правых депутатов, постоянные попытки председателя Думы М.В. Родзянко помешать выступлениям социал-демократов и т.п.). Поэтому, несмотря на то что представители рабочих составляли лишь 3% всех депутатов IV Думы, их голос, помноженный на силу рабочих демонстраций и стачек за стенами Таврического дворца, звучал там все громче и авторитетнее.

Большой резонанс получил, в частности, политический дебют тогда еще единой социал-демократической фракции, выступившей в декабре 1912 г. с программной декларацией. И хотя Роман Малиновский, оглашавший с думской трибуны ее текст, преднамеренно опустил принципиально важное место с требованием всеобщего избирательного права и полновластного народного представительства, острая критика внутренней и внешней политики правительства не раз заставляла председателя Думы нервно прерывать оратора. Принципиальное значение имело голосование социал-демократов и трудовиков, лидером которых был в IV Думе молодой адвокат А.Ф. Керенский, против государственного бюджета. Внесенный депутатами-большевиками и опубликованный в "Правде" законопроект о 8-часовом рабочем дне для рабочих и служащих и 6-часовом — для шахтеров вновь привлек внимание всей страны к тяжелому положению пролетариата.

Депутаты от РСДРП поднимали в Думе такие острые вопросы, как Ленский расстрел, преследования властями стачечников, профсоюзов, рабочей печати, наиболее вопиющие случаи нарушения техники безопасности на ряде фабрик и заводов, локауты. Вели депутаты и антимилитаристскую пропаганду. Характерно, что никогда еще рабочие не откликались так живо и энергично на выступления своих депутатов, как в период работы IV Думы. Они собирали подписи под резолюциями солидарности с позициями большевистской и меньшевистской фракций РСДРП (при этом за большевиков высказалось вдвое больше рабочих, чем за меньшевиков), проводили забастовки в поддержку требований социал-демократов в Думе.

В IV Думе социал-демократы первоначально составляли единую фракцию, в которой шла, однако, острая борьба. Меньшевики не признавали ЦК РСДРП, избранный на VI Пражской конференции, защищали лозунги полновластной Думы, свободы коалиций, культурно-национальной автономии, ориентировались в проведении своей тактической линии прежде всего на либеральную оппозицию. В октябре 1913 г. по рекомендации ЦК РСДРП большевики образовали самостоятельную думскую фракцию (предварительно они потребовали от меньшевиков прекратить ущемлять их интересы при назначении ораторов от фракции, распределении мест в думских комиссиях и т.д., но получили отказ). Интересно отметить, что в январе 1914 г. рабочий Бурьянов по совету Плеханова

вышел из состава думской меньшевистской фракции, чтобы численно уравнивать ее с большевистской и тем самым помочь в дальнейшем преодолеть их раскол. Однако последующий уход из Думы большевика-provokatora Малиновского вновь позволил депутатам-меньшевикам получить численный перевес.

Для большевистских депутатов, среди которых не было людей с высшим образованием, особенно остро стоял вопрос о консультациях с лидерами своей фракции. Поэтому они неоднократно выезжали за границу для встреч с Лениным, получали от него и от большевистских партийных работников в Петербурге большую помощь в составлении текстов их думских выступлений, запросов и законопроектов. Депутаты-меньшевики тоже получали необходимую помощь от своих руководителей, в частности от Ф.И. Дана, который находился после политической амнистии в связи с 300-летием Дома Романовых в 1913 г. в Петербурге.

Ф.И. Дан (настоящая фамилия Гурвич, 1871-1947) стал к этому времени одной из крупнейших фигур в меньшевистском руководстве. Врач по образованию, он вступил в социал-демократическое движение еще в 1894 г. и в 1896 г. был членом петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". В том же году был впервые арестован и выслан в Вятскую губернию. Бежав оттуда за границу, Дан принял участие в "искровском" движении, был вторично арестован, сослан в Сибирь и в сентябре 1903 г. снова бежал. Перебравшись за границу, Дан стал активным меньшевиком.

Малообщительный, холодноватый, уравновешенный человек, Дан не был ни блестящим публицистом, ни выдающимся оратором, хотя часто печатался в "Искре", а затем в "Голосе социал-демократа" и "Луче". Он участвовал в работе IV и V съездов РСДРП и вскоре стал активно участвовать в выработке меньшевистской политической линии. Не последнюю роль в его быстрой партийной карьере сыграли и родственные отношения с Мартовым, который приходился Дану шурином. Дан был мастером закулисной фракционной интриги, отличался расчетливостью и некоторым политическим цинизмом, за что его очень не любили такие разные марксистские лидеры, как Ленин и Плеханов.

Вершиной политической карьеры Дана стала его деятельность в исполкоме Петроградского Совета и в ЦИК Советов первого созыва в 1917 г. В 1922 г. Дан был выслан из советской России.

И большевики, и меньшевики десятки раз выступали с думской трибуны, вносили множество запросов правительству, поддерживали связь со своими избирателями, готовили статьи и материалы для легальной партийной печати, участвовали в подготовке стачек. Особую активность в этом направлении проявляли большевики,

Весной 1914 г. на всю Россию прогремело так называемое "дело Чхеидзе" — привлечение лидера думской фракции меньшевиков к судебной ответственности за речь, произнесенную им 11 марта при обсуждении вопроса о создании исправительно-рабочных домов для борьбы с бродяжничеством и нищенством. При этом Н.С. Чхеидзе заявил, что "Наиболее подходящим режимом для достижения обновления страны является режим демократический, режим парламентский и, если хотите еще более точное определение, режим республиканский"*.

Эти слова были расценены как призыв к ниспровержению существующего строя, хотя, строго говоря, такого смысла они не имели. "Верхи" решили проучить Чхеидзе, а заодно и всех левых депутатов, но натолкнулись на решительное сопротивление едва ли не всех думских фракций за исключением правых и вынуждены были накануне войны спустить это шумно разрекламированное "дело" на тормозах.

Большой резонанс получила и обструкция, устроенная социал-демократами и трудовиками премьеру Горемыкину, которого в 1914 г. в очередной раз "вынули из нафталина" и призвали к управлению страной. Ряд большевиков и меньшевиков были при этом исключены председателем Думы Родзянко на 15 заседаний, причем Чхенкели, Чхеидзе, Петровского, Шагова и Манькова выводили из зала силой. Рабочие поддержали своих депутатов стачками протеста.

В целом работа социал-демократических фракций IV Государственной думы была очень интенсивной, носила четко выраженный конфронтационный характер по отношению к правительству и неизменно встречала сочувственный отклик демократических слоев, прежде всего рабочих.

В 1912-1914 гг. демократическое движение в стране явно шло на подъем, хотя разрыв между уровнем и масштабами рабочих выступлений и выступлений других слоев российской демократии был еще очень значительным.

Казалось бы, в последние предвоенные годы в России впервые возникли благоприятные условия для роста реформистских настроений в рабочей среде. Повышение спроса на рабочую силу в связи с промышленным подъемом, опережающие темпы роста заработной платы по сравнению с темпами роста цен, издание страхового закона 1912 г., некоторое смягчение режима существования различных рабочих организаций, оживление рабочей печати, успехи столыпинской аграрной реформы — все это как будто работало на меньшевиков-"ликвидаторов", откровенно стремившихся интегрировать российский пролетариат в третьеиюньскую систему

*Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Ч. 2. Пг. 1914. Стлб. 1642.

и ориентировавшихся на западный вариант рабочего движения, признанного и даже охраняемого законом.

И все же Россия оставалась Россией с ее Ленским расстрелом, полицейским произволом, бюрократической волокитой и страшной косностью предпринимательского класса, надеявшегося на царские штыки и нагайки и с огромным трудом овладевавшего искусством социального компромисса. Достаточно сказать, что накануне первой мировой войны в России, по подсчетам историков, было менее 200 профсоюзов (в 1905-1907 гг. их возникло более тысячи), на которые постоянно сыпались репрессии властей. Медленно шло и создание больничных касс, предусмотренных страховым законом 1912 г.: к июлю 1914 г. действовало лишь немногим более 60% из них.

В итоге радикально-революционная струя в рабочем движении России продолжала преобладать над умеренно-реформистской, что нашло отражение и в приведенных выше данных о соотношении сборов на газеты различных социалистических направлений. Трудно сказать, как развивались бы события в дальнейшем. Совершенно очевидно, что определенные шансы на успех у российского реформизма были, но для его победы в рабочем движении требовались еще многие годы, которых история царизму и капитализму в России не отпустила.

Пока же продолжалась острейшая борьба большевиков и меньшевиков в социал-демократических организациях, в рабочей печати, профсоюзном движении, а также в Государственной думе.

Чем дальше, тем больше большевизм и меньшевизм, у истоков которых стояли Маркс, Энгельс, Каутский, Плеханов, расходились в своем понимании исторических судеб России, роли рабочего класса и его марксистской партии в ближайшем и более отдаленном будущем. В России явственно просматривались контуры двух социал-демократических партий с разными типами политического мышления и политической культуры, разными организационными принципами, разной тактикой, а в недалекой перспективе — и с разными стратегическими установками и разным пониманием социализма.

Для большевизма была характерна тенденция к идентификации рабочего движения с революционной борьбой, а этой последней — с борьбой за власть, фокусировка усилий на массовой политической мобилизации и политической организации пролетариата и других слоев трудящегося населения страны в ущерб борьбе за их повседневные экономические нужды, ставка на сильную, строго дисциплинированную и централизованную марксистскую партию с ядром профессиональных революционеров, преданных своему вождю. Большевизм отличался большой тактической гибкостью, но приоритетами для него всегда оставались прямые

массовые революционные действия, не останавливающиеся перед применением насилия.

Для меньшевизма же были характерны идея общенациональной борьбы с абсолютизмом за политическую свободу, стремление к созданию открытой рабочей партии, разного рода легальных организаций и развитию рабочей самодеятельности, гораздо больший по сравнению с большевиками рационализм в подходах ко всем явлениям общественной жизни, глубокое западничество, городской взгляд на вещи и незнание крестьянства. Не приходится поэтому удивляться, что меньшевики были хуже адаптированы к реалиям российской жизни, чем большевики. Кроме того, они явно проигрывали большевикам в организованности и фракционной дисциплине.

Весной 1912 г. лидер меньшевиков Мартов жаловался на то, что "меньшевизм представляется в виде разного рода групп, группок и единиц, течений и настроений; объединению и организации мешает не существо взглядов и стремлений, а отвычка к коллективному действию и коллективному мышлению"*.

При этом невольно приходят на память слова Ленина о "твердокаменных" большевиках, которые были сильны своей железной спайкой, умением и готовностью раствориться в коллективе, отдать себя партии без остатка.

Между тем в России снова наступали бурные времена. Летом 1914 г. в Петербурге впервые после 1905 г. дело опять дошло до строительства баррикад. Однако дальнейшее развитие революционного кризиса в стране было прервано войной.

ГЛАВА V. ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

1. Характер мировой войны и отношение к ней рабочих

19 июля (1 августа) 1914 г. началась первая мировая война. Мы еще до сих пор, пожалуй, не осознаем в полной мере все значение этого события, ознаменовавшего вступление человечества в новейший период его истории. Невиданный по своим масштабам и последствиям кризис охватил сферу экономики, политики, культуры, поставил под вопрос многие нравственные ценности. Колоссальные человеческие жертвы, разрушение и гибель материальных и культурных ценностей, резкое нарушение всей системы общественно-экономических связей, моральная деградация миллионов людей, разгул разного рода экстремистских настроений — вот что несла война народам воюющих, а в значительной мере и нейтральных стран.

*Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. Берлин, 1924. С. 223.

К концу войны в ее орбиту оказались втянутыми 38 стран с населением более 1,5 млрд. человек (большинство из них в последний момент вступили в войну на стороне Антанты). Осью конфликта стало столкновение двух группировок держав, во главе одной из которых стояли державы-агрессоры Германия и Австро-Венгрия, а во главе другой — Англия, Франция, Россия, а с весны 1917 г. и США.

В сложном и достаточно многоцветном клубке противоречий, которые хотели разрубить участники войны, легко можно выделить его ядро — столкновение колониально-имперских амбиций и притязаний ведущих стран мира, в первую очередь Англии и Германии. И с этой точки зрения война явилась продолжением той империалистической (по терминологии, принятой тогда в партиях II Интернационала) политики, синонимом которой были агрессия, колониальный грабеж, гегемонизм. При этом и здесь вряд ли можно было уравнивать вину Германии и России или Австро-Венгрии и Франции. Вместе с тем в ходе войны встал вопрос о судьбах Сербии и Бельгии, народов, входивших в состав Австро-Венгерской и Османской империй, восстановлении польской государственности, воссоединении армянского народа.

Что касается России, то она не просто оборонялась от объявившей ей войну Германии и выполняла свои союзнические обязательства перед странами Антанты, но и стремилась овладеть, наконец, Черноморскими проливами и Константинополем, захватить Галицию и Турецкую Армению.

Таким образом, первая мировая война носила достаточно сложный и противоречивый характер, а ее результаты должны были на многие годы вперед определить основные направления мирового развития. Предстояло ли миру вступить в стадию "ультраимпериализма" и пацифизма, пойти по пути антиимпериалистических и антиколониальных революций, перейти к радикальным структурным реформам в рамках демократии или попытаться решить свои проблемы методами тоталитарной диктатуры? Ответить на все эти вопросы могла только сама жизнь, но чувствовалось, что простой возврат к довоенному статус-кво уже невозможен.

Как известно, социалистические партии II Интернационала довольно долгое время предавались иллюзиям о возможности предотвратить мировую войну, противопоставить милитаризму и шовинизму силу пролетарского интернационализма и рабочей солидарности. В то же время представители леворадикального крыла международного социалистического движения стремились на случай войны связать членов Интернационала обязательством использовать порождаемый ею кризис для ускорения революции и замены капитализма социализмом. Именно к этому призывали, в частности, российские и польские социалисты (Ленин, Мартов, Р. Люксембург), внося в 1907 г. на Штутгартском конгрессе II Интернацио-

нала свою знаменитую поправку к проекту антивоенной резолюции А. Бебеля. Эта точка зрения получила поддержку других делегатов конгресса и была затем закреплена на Копенгагенском (1910) и Базельском (1912) конгрессах Интернационала.

При этом в Базеле надвигавшаяся мировая война уже прямо характеризовалась как грабительская, чуждая интересам пролетариата. Конгресс заявил, что рабочие считают преступлением стрелять друг в друга. Тем самым создавалась обманчивая видимость единства международного рабочего и социалистического движения в борьбе против милитаризма и угрозы войны, иллюзия твердой решимости членов II Интернационала помешать развязыванию новой, беспрецедентной по своим масштабам кровавой драмы. Правда, во II Интернационале не было единого мнения по вопросу о средствах борьбы с войной. В ходе его обсуждения звучали и авангардистские, ультрарадикальные призывы ответить на войну объявлением всеобщей стачки, отказом от военной службы, даже восстанием, но они были отвергнуты абсолютным большинством социалистов. Предлагались и такие средства протеста, как проведение митингов и демонстраций, отказ от голосования за военные кредиты в парламентах, широкая антимилитаристская пропаганда, особенно среди молодежи. При том право выбора форм и времени проведения антивоенных акций предоставлялось каждой социалистической партии в отдельности, тогда как за Международным социалистическим бюро сохранялись лишь координирующие функции.

Однако реальный ход событий безжалостно перечеркнул все эти планы и торжественные обещания. Уже 29 июля 1914 г., за три дня до начала войны правление германской социал-демократии уведомило рейхсканцлера Бетман-Гольвега о том, что их партия не планирует никаких антивоенных акций, а социал-демократической печати дано указание избегать "двусмысленных или способных вызвать недоразумения высказываний". 4 августа фракция СДПГ в рейхстаге единогласно проголосовала за военные кредиты, причем сразу же нашлось и вполне "марксистское" объяснение этого сомнительного акта: особая реакционность русского царизма, о которой не раз предупреждали в прошлом веке Маркс и Энгельс. И хотя с тех пор положение значительно изменилось и царизм уже отнюдь не был главным и самым сильным оплотом мировой реакции, эта сомнительная версия получила широкое распространение среди германских и австрийских социалистов.

Как вспоминал Зиновьев, постоянно общавшийся в то время с Лениным, последний был уверен, что германские социал-демократы проголосуют против военных кредитов. Получив номер центрального органа СДПГ газеты "Форвертс" с сообщением об итогах заседания рейхстага 4 августа, Ленин вначале даже не хотел верить этому известию. "Это не

может быть, — говорил он, — это, вероятно, поддельный номер "Форвертса". Эти каналы, германские буржуа, нарочно издали такой номер "Форвертса", чтобы заставить и нас поступить против Интернационала"*.

Однако вскоре сообщение из Берлина подтвердилось.

Социалисты других воюющих стран, за исключением России и Сербии, последовали примеру немецких социал-демократов: они тоже оправдывали свои правительства, голосовали за военные кредиты, принимали приглашения занять министерские кресла. В итоге II Интернационал как идейно-политический и организационный центр мирового рабочего движения, как инструмент международной солидарности трудящихся оказался в 1914 г. совершенно недееспособным.

Россия в общем и целом избежала того взрыва шовинистических чувств, которым встретила войну Западная Европа, включая и ее пролетариат. Здесь сказались и особая острота социальных конфликтов, и отсутствие у широких трудящихся масс заинтересованности в новых территориальных захватах, и давние интернационалистские традиции российского освободительного движения. Но сам факт немецко-австрийской агрессии**, тяжелые потери, которые несла русская армия, естественный страх перед таким сильным, жестоким и коварным врагом, как германский империализм, не могли не подогревать патриотические настроения, захватившие широкие народные массы, включая и рабочих, на которых так надеялись социалисты.

Психология добросовестного народного "оборончества" нашла отражение в таких очень популярных в начальный период войны крылатых высказываниях человека из толпы, как "Нам чужого не надо, но и своего мы не отдадим" или "Ежели немец прет, то как же не защищаться". Для рабочих большое значение имел также фактор солидарности со своими товарищами, призванными в ряды армии. Бастовать в условиях войны значило лишать их снарядов и патронов, артиллерии и амуниции и тем самым невольно увеличивать количество потерь русской армии. На фронте же действовали такие факторы, как военный приказ и инстинкт самосохранения, и требовалось немало времени, чтобы солдаты разобрались в смысле происходящих событий, посмели открыто выразить свое мнение и тем более прямо отказаться от продолжения бойни. Далеко не последнюю роль в психологии трудящихся масс играл и страх перед обвинениями в "измене" и репрессиями, к которым широко прибегали царские власти и на фронте, и в тылу. Давала свои плоды и патриотическая пропаганда, которую систематически вели официальная печать, цер-

*См.: Революция и РКП(б) в материалах и документах. Т. 7. М., 1924. С. 89.

**За исключением начального периода войны и контрастступления русской армии весной-летом 1916 г., военные действия все время шли на территории России.

ковь, средняя и высшая школа, консервативные и либеральные партии. Они внушали народу, что вся Россия как один человек должна по примеру своих предков, защищавших Родину в 1612 и 1812 гг., подняться на новую отечественную войну с врагом, обещали, что это будет последняя в истории война и т.д. И если более сознательная часть народа уже проводила различие между царем и разного рода "начальством", с одной стороны, и родной землей как исторической колыбелью нации и неперенным условием ее существования — с другой, то для основной части рабочих и тем более крестьян эта грань оставалась размытой, и в час грозной опасности, нависшей над Россией, они готовы были без долгих раздумий и колебаний выполнить свой воинский долг и безропотно идти в окопы.

В итоге рабочее и крестьянское движение в России в первые месяцы войны резко пошло на спад, хотя никакого чванливого шовинизма и агрессивности у русского народа, и прежде всего у рабочих, никогда не было.

2. Большевизм и война

В то же время в России достаточно громко заявили о себе рабочие-интернационалисты, резко осудившие войну. Их настроения наиболее полно выразили социал-демократы, в первую очередь большевики. В тревожные июльские дни 1914 г., когда в стране была объявлена мобилизация, депутат А.Е. Бадаев первым заявил корреспондентам столичных газет: "Рабочий класс будет бороться всеми силами против войны. Война не в интересах рабочих. Наоборот, всем своим острием она направлена против рабочего класса всего мира... "Война войне" — вот наш лозунг. За этот лозунг мы, действительные представители рабочего класса, и будем бороться"*.

Стремясь к сплочению всех антивоенных сил, большевистские депутаты Думы предложили меньшевикам и трудовикам совместно выступить с протестом против войны. Трудовики отказались от этого предложения, а меньшевистская фракция после серьезных колебаний приняла его. 26 июля 1914 г. обе социал-демократические фракции после долгого перерыва выступили в Думе с совместной антивоенной декларацией. Они возложили ответственность за начавшуюся войну на правящие круги всех воюющих держав, включая Россию, и заявили, что не может быть и речи о единении народа с царскими властями. По предложению меньшевиков в декларацию был включен тезис о необходимости защиты "культурных благ народа" от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили — извне или изнутри. При всей своей расплывчатости и недоговоренно-

*Бадаев А.Е. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. 8-е изд. М., 1954. С. 344.

сти он давал понять, что русские марксисты являются одновременно и патриотами, и революционерами.

Уход социал-демократов из зала заседания Думы во время одобрения военных кредитов еще больше подчеркнул антиправительственную и антивоенную направленность их декларации. Если учесть, что кадеты устами своего лидера П.Н. Милюкова недвусмысленно пообещали 26 июля правительству политическое перемирие на весь период войны, то позиция думской фракции РСДРП приобретала характер настоящего вызова царизму. И хотя Ленин воспринял эту совместную с меньшевиками акцию думских депутатов-большевиков без всякого энтузиазма и рекомендовал им в дальнейшем действовать только самостоятельно, первое официальное выступление большевиков в России в общем и целом было в политическом отношении достаточно определенным и успешным.

С началом войны большевики оказались, пожалуй, в особенно трудном положении. Находившийся в эмиграции в австрийской части Польши Ленин был арестован по подозрению в шпионаже. Лишь в начале сентября 1914 г. с помощью польских и австрийских социал-демократов он был освобожден из тюрьмы и вскоре прибыл с семьей в Швейцарию. В самой России наиболее видные партийные работники, в том числе семь членов и один кандидат в члены ЦК, находились в то время в тюрьмах или сибирской ссылке. "Правда" была закрыта. Аресты обескровили большевистские организации крупнейших промышленных центров страны.

Тем не менее с первых же дней войны большевики, в отличие от более осторожных меньшевиков, повели активную работу по разъяснению ее империалистического характера. В то время роль руководящего центра в России выполняла большевистская фракция IV Государственной думы в составе А.Е. Бадаева, Г.И. Петровского, М.К. Муранова, Ф.Н. Самойлова, Н.Р. Шагова. Депутаты-большевики шли к рабочим, налаживали связи с провинциальными партийными организациями, помогали пролетариату разобраться в истинных причинах войны, устоять под напором национализма. В ноябре 1914 г. за свою антивоенную деятельность пятерка большевистских депутатов была арестована, затем предана суду и сослана в 1915 г. на поселение в Сибирь. Несмотря на то, что, за исключением М.К. Муранова, депутаты не проявили на предварительном следствии и суде достаточной твердости — не будем забывать, что над ними висела угроза приговора к высшей мере наказания, — процесс над большевистской думской пятеркой имел большое агитационное значение. Из прессы рабочие смогли узнать о многих антивоенных документах большевиков, о позиции Ленина, а также о внедумской работе депутатов.

Вместе с депутатами был осужден и видный партийный работник Л.Б. Каменев (настоящая фамилия Розенфельд, 1883-1936), направленный в начале 1914 г. ЦК РСДРП в Россию для руководства "Правдой" и думской

фракцией большевиков. Он родился в семье железнодорожного машиниста (позже инженера), окончил гимназию, а затем поступил на юридический факультет Московского университета. Однако уже на первом курсе Каменев был арестован за революционную деятельность и в 1902 г. стал политическим эмигрантом. Член РСДРП с 1901 г., он быстро проявил себя как способный пропагандист, агитатор и публицист. В 1903-1908 гг. большевик Каменев вел революционную работу в Тифлисе, Москве, Петербурге и ряде других городов. Он был делегатом III и V съездов РСДРП, участником ряда партийных конференций (в том числе Пражской) и совещаний.

В конце 1908 г. Каменев вновь эмигрировал. Он был одним из редакторов газеты "Пролетарий", по поручению Ленина представлял большевиков в Международном социалистическом бюро, а также на Копенгагенском и Базельском конгрессах II Интернационала. Каменев был известен в партийных кругах как автор антиликвидаторской книги "Две партии", а также работ по истории русского освободительного движения XIX в.

Однако Каменев никогда не отличался твердостью своих политических взглядов. Его шурин Л.Д. Троцкий — а уж он-то хорошо знал Каменева по совместной работе в венской "Правде", а затем как союзника в борьбе со Сталиным в 1920-х гг. — оставил следующую его характеристику: "Большевик почти с самого возникновения большевизма, Каменев всегда стоял на правом фланге партии. Не лишенный теоретической подготовки и политического чутья, с большим опытом фракционной борьбы в России и запасом политических наблюдений на Западе, Каменев лучше многих других большевиков схватывал общие идеи Ленина, но только для того, чтобы на практике давать им как можно более мирное истолкование. Ни самостоятельности решения, ни инициативы действия от него ждать было нельзя". Троцкий вполне солидаризировался с мнением меньшевика Н.Н. Суханова, отмечавшего в Каменеве "отсутствие острых углов", а также его привычку идти "на буксире" у более волевых и решительных политиков*.

В ходе следствия и суда над депутатами-большевиками IV Государственной думы Каменев открыто заявил о своем несогласии с позицией Ленина по ряду вопросов, прежде всего по вопросу о поражении царизма в войне как меньшем для русского народа зле. Уже на совещании партийных работников в Озерках в ноябре 1914 г. Каменев постарался смягчить ленинскую формулировку лозунга поражения, придав ему более приемлемый для широких масс вид: "Особенно опасно усиление победоносной царской монархии". В косвенной форме здесь тоже присутствовали эле-

*См.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 314-315.

менты пораженческой тактики, на что сразу же обратил внимание царский прокурор на процессе депутатов. Когда А.Ф. Керенский, выступавший в качестве одного из защитников подсудимых, попытался представить дело так, будто новая формулировка существенно меняет содержание дела, прокурор ответил: если опасно усиление победоносной царской монархии, то что же в таком случае не опасно? И ответил: разумеется, поражение*. Однако совершенно очевидно, что разница между формулировками Ленина и Каменева была все же довольно существенной.

Имел ли Каменев право на собственную позицию в данном вопросе? Безусловно, да, тем более что и самому Ленину пришлось в дальнейшем считаться со стихийным "оборончеством" масс и антипораженческими настроениями ряда большевистских работников-практиков. Однако подчеркнута демонстративная форма, в которой Каменев на суде и следствии отмежевался от позиции Ленина, его просьба пригласить в качестве свидетеля меньшевика Иорданского (он должен был подтвердить, что Каменев одобрил его патриотическую статью "Да будет победа!"**) — все это звучало в устах уполномоченного большевистского ЦК (а об этой партийной миссии Каменева забывать нельзя) как желание любой ценой спасти свою жизнь и произвело на многих присутствовавших на суде очень тяжелое и неблагоприятное для Каменева впечатление.

После высылки Л.Б. Каменева в 1915 г. на поселение в Сибирь находившиеся там ссыльные большевики устроили собрание, на котором резко осудили его поведение. Каменеву пришлось оправдываться и перед Лениным. В конечном счете ЦК РСДРП не стал настаивать на наказании Каменева, но воспоминания об этом эпизоде сохранились в партии надолго и в течение некоторого времени даже сказывались на его партийной карьере после возвращения из ссылки в Петроград весной 1917 г.

Важную роль в пропаганде большевистской антивоенной платформы сыграли нелегальные листовки. Только за первые три с половиной месяца войны, до возобновления издания заграничного центрального органа большевиков газеты "Социал-демократ", в 30 городах России было выпущено свыше 80 антивоенных прокламаций общим тиражом до 400 тыс. экземпляров***. Они имели ярко выраженную антивоенную, интернационалистскую направленность, выдвигали лозунги прекращения войны и подготовки к новой демократической революции, республики, конфискации помещичьих земель, 8-часового рабочего дня.

*См.: Право. 1915. № 9. Стлб. 646.

**См.: там же. № 8. Стлб. 537.

***См.: Дажина И.М. Большевистские листовки в России периода первой мировой войны и Февральской революции. М., 1981. С. 29-46.

Однако Ленин пошел в этом направлении значительно дальше большевистских руководителей в России. По прибытии в Швейцарию он выступил в Берне перед группой большевиков-эмигрантов с докладом об отношении к войне. Затем тезисы этого доклада были направлены в Россию, и после получения известий о поддержке их большевистскими депутатами Думы и рядом партийных организаций страны, 19 октября (1 ноября) 1914 г. в газете "Социал-демократ" был опубликован написанный Лениным манифест ЦК РСДРП "Война и российская социал-демократия".

Анализ социально-экономических и политических причин войны привел Ленина к выводу об империалистическом, несправедливом с обеих сторон характере мирового конфликта. Традиционное деление войн на оборонительные и наступательные, а их участников — на агрессоров и жертв агрессии он считал теперь неуместным. Ленин не видел особого смысла в том, чтобы искать, у кого из участников войны было больше грехов в предвоенный период и кто сделал первый выстрел. Главное, с точки зрения лидера большевиков, состояло в том, что каждый из участников войны ставил перед собой захватнические цели, а значит, не заслуживал не только оправдания, но и снисхождения.

Исходя из этого, оптимальный вариант социалистической тактики в условиях войны Ленин видел в продолжении классовой борьбы, отказе от любых соглашений социалистов со своими правительствами, пропаганде революционных идей на фронте и в тылу, использовании создавшейся в период войны кризисной ситуации для ускорения свержения существующего строя во всех воюющих странах без исключения. Лениным был провозглашен лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, то есть в демократические или социалистические революции. Этот процесс должен был принять общеевропейский характер и завершиться созданием республиканских Соединенных Штатов Европы*.

*Лозунг Соединенных Штатов Европы (по аналогии с Соединенными Штатами Америки) появился еще в первой половине XIX в. и соединял в себе призывы к европейской демократической революции и всеобщему миру. Его сторонниками были известный французский писатель В. Гюго, итальянский революционер Дж. Мадзини и др. В дальнейшем наметилась тенденция к реформистскому толкованию этого лозунга, осуществление которого уже прямо связывалось с соглашением существующих европейских правительств о разоружении, третейских судах и т.п. С другой стороны, в партиях II Интернационала призыв к созданию СШЕ связывался в конце XIX-начале XX в. с европейской пролетарской революцией (Энгельс, Каутский). В агитационно-пропагандистском арсенале РСДРП лозунга Соединенных Штатов Европы до начала первой мировой войны не было, и его появление в ленинских документах, написанных осенью 1914 г., явилось для многих большевиков полной неожиданностью.

В основе ленинских взглядов на первую мировую войну лежали его представления о том, что на рубеже XIX-XX веков капитализм перерос в свою высшую и последнюю стадию — империализм. В этой связи хотелось бы кратко остановиться на истории появления этого термина в тогдашней социологической литературе и различных оттенках в его трактовке Лениным, Каутским и другими видными марксистами того времени.

В 1902 г. прогрессивный английский либеральный экономист Джон Гобсон опубликовал книгу "Империализм", которая привлекла внимание Ленина. В ней был поставлен вопрос о развитии трестов и монополизации рынков, перенакоплении на этой почве капитала и его стремлении к внешней экспансии — империализму. Гобсон справедливо связал рост милитаризма и агрессивные тенденции во внешней политике ведущих западных держав с этими экономическими процессами и подчеркнул паразитический характер колониальной системы. Но выход из этой ситуации английский экономист видел не в революции, а в реформах, направленных на то, чтобы лишить имущие классы излишков их нетрудовых доходов.

Марксисты развили многие идеи Гобсона, углубив анализ экономических основ империализма и сделав акцент на его тупиковом характере и неизбежности пролетарской революции. Уже в предвоенные годы различные аспекты теории империализма (концентрация производства, образование монополий и финансового капитала, паразитизм и загнивание капитализма, рост милитаризма) привлекли к себе внимание многих теоретиков и публицистов партий II Интернационала. Об этом писали Р. Гильфердинг, Р. Люксембург, К. Каутский, А. Паннекук, Ю. Мархлевский, К. Либкнехт, К. Радек, Парвус и другие зарубежные марксисты, а в России — В.И. Ленин, В.В. Воровский, И.И. Скворцов-Степанов, М.С. Ольминский, Н.И. Бухарин.

Во II Интернационале, в том числе и у русских меньшевиков, преобладала интерпретация империализма как специфической формы внешней политики высокоразвитых капиталистических государств, направленной на передел колоний и сфер влияния в зависимых странах. Одновременно в западных социалистических партиях постепенно складывалось представление об империализме как особой стадии в развитии капитализма. При этом подчеркивалось, что, достигнув своей высшей точки, он должен будет уступить место социализму, который "стал уже ближайшей практической целью миллионов и миллионов людей, готовых к борьбе"*.

Характерно, что вполне академический труд известного австрийского марксиста Р. Гильфердинга "Финансовый капитал" (1910) заканчивался следующим выводом: социализм перестает быть отдаленным идеалом и

*Leipziger Volkszeitung. 1912. 27 September.

становится существенным элементом непосредственной практической политики пролетариата. Гильфердинг, которого советское обществоведение долгие годы изображало классическим оппортунистом II Интернационала, в действительности был убежден, что диктатура магнатов капитала превратится в диктатуру пролетариата.

Многие годы изучением новых процессов в экономике и политике империалистических держав занималась и Р. Люксембург. Ее особенно интересовала проблема их борьбы за рынки сбыта и источники сырья, за передел мира, причины усиления милитаризма и военной опасности. И хотя попытка Р. Люксембург связать процесс накопления капитала с обязательным наличием некапиталистической, колониальной среды оказалась неудачной, ее книга "Накопление капитала" (1913) стала заметным явлением в марксистской экономической литературе.

В ленинском теоретическом наследии уже в довоенные годы также можно найти ряд глубоких мыслей о процессах, происходивших тогда в мировой экономике и политике. Еще накануне первой мировой войны Ленин отмечал появление гигантских трестов, характеризовал колониальную систему империализма как систему порабощения, грабежа и насилия. С новейшей стадией в развитии капитализма и обострением его противоречий Ленин связывал и острые международные кризисы предвоенной поры, и усиление классовой борьбы пролетариата, и пробуждение народов колониальных и зависимых стран.

С началом войны проблема империализма приобрела особую актуальность. При этом четко выявились две основные тенденции: марксисты-радикалы, прежде всего Ленин, создали целостную концепцию империализма как кануна пролетарской революции, тогда как центристы II Интернационала пришли к идее "ультраимпериализма" — то есть еще более высокой, чем империализм, стадии в развитии капитализма, когда, при его сохранении, чисто реформистским путем удастся устранить из жизни общества милитаризм и войну.

Итогом работы Ленина по осмыслению новой исторической эпохи стала книга "Империализм, как высшая стадия капитализма", подготовительные материалы к которой составили так называемые "Тетради по империализму". Книга была завершена летом 1916 г., но по цензурным условиям опубликована в России только в сентябре 1917 г.

Ленин показал, что для империализма характерны следующие признаки: смена свободной конкуренции господством монополий, в том числе международных; переход главной роли в экономических отношениях от промышленного капитала к финансовому; вывоз капиталов; завершение территориального раздела мира между крупнейшими державами-метрополиями, чреватое войнами за его передел в соответствии с новым соотношением сил на международной арене. Обращал он внимание и на

"союз (связь, слияние) банковского (финансового) капитала с государственной машиной"*.

Вместе с тем Ленин видел всю сложность и противоречивость новейшего капитализма: сосуществование тенденций к монополизации и конкурентной борьбе, постоянное переплетение элементов плановой организации и анархии производства, буржуазной демократии и различных ее деформаций, острейшего империалистического соперничества и интеграционных процессов, неприкрытой агрессивности империализма, с одной стороны, и буржуазного пацифизма — с другой. Ленин предупреждал, что тенденция к застою в отдельных отраслях народного хозяйства, в отдельных странах и в отдельные исторические периоды отнюдь не останавливает развитие капитализма, который в общем и целом растет даже неизмеримо быстрее, чем прежде, хотя этот рост и становится все более неравномерным. Не менее противоречивым было и воздействие империализма на рабочее движение, где еще больше обострилась борьба двух тенденций — революционной и реформистской, базирующейся на умелом систематическом подкупе части рабочего класса за счет империалистических сверхприбылей буржуазии.

Однако реальные судьбы мирового империализма сложились не так, как это виделось в свое время Ленину. Ход истории показал, что капитализму присущи достаточно большая гибкость и эластичность, способность адаптироваться к новым условиям и ситуациям. За прошедшие после выхода в свет ленинской книги об империализме 80 лет капитализм не раз перестраивал свою систему хозяйствования, перешел к государственному регулированию экономики, создал новые, межнациональные формы рыночных связей и корпораций. Несмотря на понесенные в XX в. существенные потери, он пережил распад колониальной системы, нашел внутренние ресурсы для осуществления нескольких этапов научно-технической революции, создал достаточно эффективный механизм социального маневрирования. Скоро уже полвека, как мир живет без глобальных военных конфликтов, а демократия остается основной формой политической организации западного общества. Поэтому сейчас уже нельзя механически переносить ленинские оценки империализма на современное западное общество, которое после двух мировых войн и целого ряда последовавших за ними революций, а также структурных реформ, проведенных правительствами ведущих стран мира, радикально изменило свое лицо.

Правда, и сам Ленин в 1914-1917 гг. представлял себе переход от капитализма к социализму в виде целой исторической эпохи, состоящей из нескольких приливов и отливов революционной волны, из ряда социа-

*Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 28. С. 91.

листических, демократических и национально-освободительных движений. Тем не менее в период первой мировой войны крах империализма казался Ленину (и не только ему) достаточно близким. Таким образом, с Лениным и многими другими революционерами его времени произошло то же, что случилось в середине прошлого века с Марксом и Энгельсом, которые в своем воображении слишком ускоряли ход мирового революционного процесса. Несостоятельными оказались ленинские тезисы об "умирающем" и "загнивающим" капитализме, а также его критика каутскианской теории "ультраимпериализма", в которой, бесспорно, было рациональное зерно, хотя путь к ее реализации оказался значительно длиннее, чем думал Каутский, да и само это явление носит сегодня куда более сложный характер, чем это представлялось в те далекие годы. Тем не менее, как показывает опыт истории, Ленин совершенно правильно указал на крайнюю противоречивость и неравномерность развития мировой системы государств и ее отдельных частей, возрастание роли субъективного фактора исторического процесса, огромное значение в XX в. национально-освободительных движений.

Говоря о разработке большевиками теории империализма в годы первой мировой войны, следует сказать и о той большой работе, которую вел в этом направлении параллельно с В.И. Лениным Н.И. Бухарин. Осенью 1915 г. он завершил книгу "Мировое хозяйство и империализм" (статья на эту тему была опубликована им за границей в журнале "Коммунист" в том же году, но полностью книгу напечатали в 1918 г. уже в Советской России). Формально оставаясь в рамках традиционных для II Интернационала взглядов на империализм как внешнюю политику финансового капитала, Бухарин в то же время, как и Ленин, был категорическим противником теории "ультраимпериализма", считал начавшуюся мировую войну неизбежной и был убежден, что империализм приведет к пролетарской революции. Особое внимание уделил он проблеме государственного капитализма, считая огосударствление производства и трестирование ведущими тенденциями развития мировой экономики XX в.

Ленина часто упрекали и упрекают в том, что он воспринял начало мировой войны чуть ли не как долгожданный "подарок судьбы"*. В этих утверждениях много надуманного и несправедливого, ибо Ленин прекрасно знал, что несет война народу. Но как политик и революционер он не мог ограничиться мещанскими lamentациями и пацифистскими мечтами. Логика рассуждений Ленина выглядела при этом так: если война

*При этом часто ссылаются на следующую фразу из письма В.И. Ленина А.М. Горькому (январь 1913 г.): "Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша (Николай II. - Авт.) доставили нам сие удовольствие (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 48. С. 155).

порождена империализмом, а империализм — это, по его мнению, последняя стадия капитализма, запутавшегося в своих неразрешимых противоречиях, то этот гордиев узел может быть разрушен только самым радикальным, революционным путем. И поскольку начавшаяся помимо воли пролетариата и социалистов война ведет к вызреванию в воюющих странах кризисной ситуации, долг сознательных пролетариев и их вождей состоит в том, чтобы в максимально возможной степени использовать такую ситуацию для ускорения исторически подготовленного, неизбежного и справедливого дела — международной антиимпериалистической революции.

Разумеется, это была только гипотеза, хотя Ленин декларировал ее как теоретическую аксиому. Характерно, однако, что на аналогичных позициях стояли в те годы и левые радикалы в других партиях II Интернационала. Да и глубочайший кризис, охвативший в период войны практически весь капиталистический мир, был реальным фактом. Вот почему, какой бы утопией ни казались ленинские планы той поры сегодняшнему читателю, в 1914–1917 гг. они выглядели в глазах многих совсем иначе.

Антивоенной программе Ленина нельзя было отказать в логической последовательности, однако далеко не все в ней было понятно и приемлемо не только для широких рабочих масс, но и для части самих большевиков. Самым трудным для массового сознания пунктом этой платформы был тезис, который гласил: "...для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии"*.

Лозунг поражения в столь категорической форме был отвергнут или поставлен под сомнение даже некоторыми большевистскими руководителями, например Каменевым, Бухариным, Петровским, не говоря уже о лидере меньшевиков-интернационалистов Мартове или внефракционном социал-демократе Троцком. Поэтому Ленин внес в свою формулу "революционного пораженчества" некоторые существенные коррективы. Уточнения эти шли по нескольким линиям. Прежде всего пораженческая тактика рекомендовалась теперь социалистам всех без исключения воюющих стран, которые должны были выступать за поражение своих правительств, поскольку поражения на фронтах ослабляют позиции господствующих классов внутри страны и тем самым ускоряют процесс вызревания революционного кризиса. Вместе с тем Ленин решительно отверг вульгарное толкование "революционного пораженчества" как действий,

*Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 26. С. 21.

направленных на прямую помощь военному противнику (саботаж, диверсии). Он подчеркивал, что содействие поражению своего правительства состоит прежде всего в пропагандистской и организационной работе марксистской партии, направленной на подготовку революции в собственной стране, как части мировой революции, на укрепление пролетарского интернационализма.

Многие сегодня убеждены в том, что в годы первой мировой войны большевики тайно получали денежные субсидии от германского правительства, которое затем организовало в 1917 г. возвращение Ленина в Россию через Германию с целью ускорить русскую революцию. Поводом для этих слухов послужила грандиозная афера, затеянная в 1915 г. уже упоминавшимся ранее немецким социал-демократом Парвусом, который стал в годы войны ярким социал-шовинистом. Обстоятельства этого дела и роль в нем немецкой разведки до сих пор во многом остаются тайной, поскольку убедительных документальных свидетельств о связи Ленина с Парвусом в распоряжении современных историков нет. Известно, что Парвус представил в 1915 г. германскому правительству свой план "революционизирования" России с помощью социалистов-"пораженцев" из числа членов различных революционных партий, особенно национальных (украинских, грузинских, армянских и т.д.). Главные надежды, естественно, возлагались при этом на большевиков и их лидера Ленина. План Парвуса получил одобрение в Берлине, и в его распоряжение были переданы значительные материальные средства. Однако Ленин, встретившийся весной 1915 г. с Парвусом в Швейцарии, категорически отверг все его предложения, о чем, кстати говоря, писал и сам Парвус*. Так это или нет, мы на сегодняшний день не знаем. Документы из секретных немецких архивов, опубликованные после второй мировой войны**, не содержат никаких прямых улик против Ленина. Не нашел их в 1917 г. и следователь, назначенный Временным правительством для проверки версии о Ленине-шпионе.

Набор антиленинских аргументов в связи с этой ситуацией известен: контакты некоторых лиц из ленинского окружения (Ганецкий и др.) с людьми Парвуса; предполагаемые связи с немецкой разведкой швейцарского социал-демократа К. Моора, субсидировавшего весной 1917 г. возвращение Ленина на родину; получение в 1917 г. в Петрограде денежных переводов на счета некой Суменсон, связанной с заграничной фармацевтической фирмой Ганецкого и с большевиками; достаточно туманные рассказы Э. Бернштейна об информации, полученной им от одного из высокопоставленных немецких чиновников в послеоктябрьский период о

*См.: Парвус. Правда глаза колет. Стокгольм., 1918. С. 52.

**См.: Germany and the Revolution in Russia. 1915-1918. London., 1958.

значительных суммах, истраченных Германией на поддержку русской революции. Кроме того, многократно обыгрывался в литературе и факт возвращения Ленина в Россию через Германию после Февральской революции. Однако все эти факты, а чаще слухи, не поддающиеся проверке, не дают оснований утверждать, что Октябрьская революция была "сделана" на немецкое золото, расплатой за которое якобы был унижительный Брестский мир.

Даже если допустить, что большевики (но не лично Ленин) теми или иными путями получали какие-то денежные суммы из немецких источников, то совершенно очевидно одно: никакими политическими обязательствами перед Германией это не сопровождалось, и предателями своей страны они никогда не были.

Еще в 1914 г. сам Ленин достойно ответил тем, кто утверждал, будто большевизм олицетворяет национальный нигилизм и порывает со всеми национальными традициями. В статье "О национальной гордости великороссов" он прямо заявил, что у пролетариата есть своя Родина, которую он горячо любит, своя национальная гордость, свой революционный патриотизм.

Важное место в первых ленинских документах военного периода заняла также оценка поведения вождей II Интернационала. Ленин считал, что они изменили в августе 1914 г. делу социализма. Это была до предела заостренная политическая характеристика, которая вызывала возражения и со стороны современников событий, и со стороны многих историков, считающих термин "измена" чересчур резким и указывающих на фатальную силу обстоятельств, сложившихся летом 1914 г., на повсеместное распространение шовинистических настроений в массах и т.д. Но Ленин твердо стоял на своем, подчеркивая, что на вождях II Интернационала лежала в сложившихся условиях неизмеримо большая, чем на рядовых социалистах и тем более беспартийных рабочих, ответственность за судьбу этой международной пролетарской организации, а они оказались явно не на высоте положения и не выполнили свой интернациональный долг. Путь к сплочению пролетариата разных стран Ленин видел в решительном разрыве левых, революционных элементов международного рабочего движения с открытыми и скрытыми социал-шовинистами, в создании нового, свободного от оппортунизма, III Интернационала.

Выработанный Лениным и получивший поддержку большевистских организаций за границей и в России антивоенный курс был закреплен в решениях состоявшейся в Берне конференции заграничных секций большевиков (февраль-март 1915 г.). Однако здесь Ленину пришлось столкнуться с рядом возражений со стороны Н.И. Бухарина, который в годы войны стал его главным оппонентом среди большевиков.

Н.И. Бухарин (1888-1938) вырос в бедной московской учительской семье и в 1906 г. вступил в ряды РСДРП. Он работал пропагандистом в различных районах Москвы, был членом МК РСДРП, подвергался арестам. Этот энергичный студент юридического факультета Московского университета запомнился незаурядной эрудицией, молодым задором, какой-то особой искренностью. Осенью 1911 г. он скрылся из-под надзора полиции г. Онеги, поселился в Германии, а через год познакомился в Кракове с Лениным, навсегда сохранив к нему чувство искреннего восхищения и глубокой человеческой привязанности, что впрочем, не мешало Бухарину часто спорить со своим старшим товарищем по партии. С конца 1912 г. Бухарин жил в Вене, занимаясь там политэкономией. Перед войной он закончил книгу "Политическая экономия рантье", сотрудничал по предложению Ленина в "Правде" и большевистском журнале "Просвещение".

После начала войны Бухарин поселился в Швейцарии, где возглавил маленькую группу большевиков-эмигрантов в местечке Божь, под Клараном. На Бернской конференции Бухарин и его товарищи выступили против некоторых положений ленинской антивоенной программы. Увлеченные идеями мировой пролетарской революции, они считали демократические требования из программы-минимум РСДРП пройденным этапом, защищали лозунг мира, не принимали некоторых ленинских формулировок по вопросу о тактике "революционного пораженчества". Кроме того, Бухарин и его друзья проявляли гораздо большую, по сравнению с Лениным, терпимость по отношению к левоцентристским элементам в российском и международном социалистическом движении, в частности к Троцкому. Эти разногласия усугублялись стремлением членов Божьейской группы наладить параллельно с "Социал-демократом" издание еще одного печатного органа, тогда как централист Ленин считал подобную затею вредной растратой партийных сил и средств, которых в условиях войны и без того не хватало.

В рассматриваемый период Бухарин проявил левацкие настроения, объяснявшиеся в основном его молодостью, неопытностью, нетерпеливостью, стремлением к самостоятельности, на чем порой искусно играло его окружение. Однако Бухарин неизменно подчеркивал, что не хочет создавать никакой особой фракции, а политический разрыв с Лениным для него абсолютно исключен*. Потерпев на Бернской конференции заграничных секций РСДРП полное поражение, Бухарин уехал летом 1915 г. в Скандинавию, а в конце 1916 г., после нового обострения разногласий с Лениным по вопросу об отношении марксистов к государству, перебрался в

*См.: РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 504. Л. 1; Д. 506. Л. 1; Д. 642. Л. 2-3.

США, откуда возвратился в Россию уже только после Февральской революции.

Столкнувшись на Бернской конференции с непониманием некоторых теоретических вопросов со стороны отдельных большевиков, Ленин не только терпеливо разъяснял им свою позицию, но и вносил в нее определенные коррективы. В резолюции "Поражение царской монархии" Ленин формулирует свою мысль таким образом, чтобы она не отпугивала тех товарищей по партии, которым этот лозунг казался слишком "непатриотичным". "В каждой стране, — пишет Ленин, — борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед *возможностью* в результате революционной агитации поражения этой страны"* (курсив наш. -Авт.).

Н.И. Бухарин, А.М. Коллонтай, А.Г. Шляпников и некоторые другие большевики считали, что В.И. Ленин делает ошибку, отказываясь от лозунга мира — этой естественной и доступной пониманию миллионных народных масс альтернативы войне. Ленин действительно критиковал этот лозунг (как и лозунг разоружения), полагая, что он заслоняет главную задачу пролетариата, состоящую в искоренении основной причины войны — капитализма. При этом он исходил из того, что лозунг мира может породить представление об отказе социал-демократов от революции, о необходимости простого возврата к довоенному статус-кво в системе международных отношений.

Ленин хотел идти к прочному демократическому миру через революцию, а не наоборот, как предлагали многие лидеры II Интернационала и русские меньшевики. Характерно, однако, что и в трактовке вопроса о мире в решениях Бернской конференции появился один новый для Ленина нюанс: указание на различие между абстрактным буржуазным пацифизмом и лозунгом мира, который дополняется лозунгом пролетарской революции. А осенью 1915 г. в статье "Несколько тезисов" Ленин счел нужным специально подчеркнуть: в агитационной работе необходимо отводить должное место требованию немедленного прекращения войны.

Ленинская критика пацифизма не означала, что большевики не имели собственной программы демократического мира. Такая программа у них была и включала в себя признание за всеми народами права на национальное самоопределение, отказ от аннексий и контрибуций, а также от уплаты военных долгов, аннулирование тайных дипломатических договоров. Если бы революция поставила партию большевиков у власти еще в ходе нынешней войны, писал Ленин, она "немедленно предложила бы демократический мир всем воюющим странам"***.

* Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т. 26. С. 166.

** Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 30. С. 124.

Ленинская программа по вопросам войны, мира и революции стала идеологической основой практической деятельности большевистских организаций в России. Заграничное бюро ЦК РСДРП во главе с Лениным вело с ними обширную переписку, направляло в крупные промышленные центры страны партийных работников, литературу. Большое значение имела издававшаяся под руководством Ленина газета "Социал-демократ", регулярно переправлявшаяся в Россию. Кроме того, за границей в 1915-1916 гг. вышли сдвоенный номер теоретического журнала "Коммунист" и два "Сборника Социал-демократа", в которых развивались многие основополагающие идеи большевистской антивоенной платформы.

Вместе с В.И. Лениным в состав Заграничного бюро ЦК РСДРП входил в годы войны и Г.Е. Зиновьев (настоящая фамилия Радомысльский, 1883-1936). Выходец из средних слоев с Юга России (его отец имел молочную ферму), он 18-летним юношей вступил в 1901 г. в РСДРП. В начале 1903 г. в Швейцарии состоялась его первая встреча с Лениным. В 1904-1905 гг. Зиновьев учился в Бернском университете. Возвратившись в 1906 г. в Россию, он развернул большую агитационную работу в Петербурге, был членом столичного комитета партии, а после V съезда РСДРП вошел в состав большевистского центра. В 1908 г. Зиновьев был арестован и несколько месяцев провел в тюрьме. С осени того же года он почти 10 лет работал в эмиграции бок о бок с Лениным.

Зиновьев активно сотрудничал в большевистской печати — "Пролетарии", "Социал-демократе", "Звезде", "Правде". Он был хорошим оратором и партийным журналистом, хотя и отличался некоторой склонностью к цветистым фразам и многословию. Ленин ценил в Зиновьеве его энергию, исполнительность, большую работоспособность, но генератором новых идей Зиновьев никогда не был. Тем не менее его авторитет в партийных кругах был очень высок: на VI (Пражской) конференции РСДРП Зиновьева единогласно (случай довольно редкий) избрали в состав ЦК.

В период войны в различных большевистских изданиях Зиновьевым было опубликовано несколько десятков статей, в которых он популяризировал партийные лозунги, вел борьбу с социал-шовинизмом и центризмом. Все его работы прошли ленинскую редакцию и не раз перерабатывались автором в соответствии с замечаниями Ленина. Зиновьев был также соавтором Ленина при написании брошюры "Социализм и война" (1915) — случай редчайший и говорящий сам за себя. Важной вехой в биографии Зиновьева стало его активное участие в проводившейся Лениным работе по сплочению интернационалистских сил в масштабах всего международного социалистического движения. В известной мере это подготовило Зиновьева к будущей работе на посту руководителя Коминтерна в 1919-1926 гг.

С весны 1915 г. началась консолидация большевистских сил и восстановление сети их подпольных организаций в России. По подсчетам историков, в 1914 - начале 1917 г. здесь вели работу 33 комитета и областных центра, 215 организаций и групп РСДРП*. Почти повсеместно была восстановлена сеть фабрично-заводских ячеек, партийные группы были созданы во многих воинских частях.

Осенью 1915 г. в Петрограде, как стал по патриотическим мотивам называться в 1914 г. Петербург, был сформирован новый состав Русского бюро ЦК РСДРП, действовавший до апреля-мая 1916 г. В ноябре 1916 г. Русское бюро было вновь реорганизовано и вело работу в этом составе вплоть до победы Февральской революции. Самой крупной и колоритной его фигурой стал высококвалифицированный рабочий-металлист, член РСДРП с 1901 г. А.Г. Шляпников. Он был ярким представителем большевистской рабочей интеллигенции, отличался самостоятельностью мышления, знал иностранные языки, бывал за границей. В годы войны Шляпников выполнял функции связного между российской и заграничной частями ЦК, сыграл большую роль в практической реализации большевистской антивоенной программы. Осенью 1915 г. его кооптировали в состав ЦК РСДРП. Но в характере и взглядах Шляпникова были и такие черты, как преувеличенное самомнение, стремление к полной самостоятельности. Поэтому отношения между Лениным и Шляпниковым и в период войны, и позже складывались далеко не гладко.

Царская охранка следила за каждым шагом большевиков-подпольщиков: московская партийная организация подвергалась в годы войны разгромам 25 раз, Харьковский комитет — 24 раза, Петербургский — 10 раз и т.д. Но на место арестованных каждый раз вставляли новые партийцы, что позволило большевикам прийти к февралю 1917 г. с наиболее крепкой, по сравнению с меньшевиками и эсерами, хотя и немногочисленной, организацией всероссийского масштаба. В 1915 г. городские и региональные конференции и совещания большевиков прошли в Иваново-Вознесенске, Киеве, Екатеринбурге, Твери, Баку, Харькове, Риге, а в 1916 г. — в Макеевке, Екатеринославе.

В своей антивоенной деятельности большевики широко использовали подпольную печать, а также уцелевшие легальные организации — профсоюзы, кооперативы, больничные кассы, страховые общества, культурно-просветительные учреждения. В различные периоды войны в России выходило в общей сложности 18 большевистских нелегальных периодических изданий, в том числе — 5 на латышском и по одному — на литовском и эстонском языках. Петербургский комитет выпустил в 1915-

*Подсчитано по перечню организаций РСДРП (1905 - февраль 1917 г.), хранящемся в Российском Независимом Институте социальных и национальных проблем.

1916 гг. несколько номеров нелегальной газеты "Пролетарский голос", в Иркутске вышли два номера газеты "Пролетарское слово". С 1915 г. удалось наладить издание ряда легальных газет и журналов — "Вопросы страхования", "Заря Поволжья", "Наша газета", "Голос печатного труда". В 80 городах и населенных пунктах страны было напечатано более 700 большевистских листовок общим тиражом до 2 млн. экземпляров*. Большевики вели работу в деревне, среди студентов, во фронтовых частях и в тыловых гарнизонах, руководили забастовочным движением рабочих.

С началом войны большевики начали работу по сплочению всех левых, интернационалистских сил. Наиболее стойкими революционерами-интернационалистами за рубежом были К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин (Германия), Д. Благоев, В. Коларов (Болгария), Д. Маклин (Англия) и др. Однако большинство левых социалистов на Западе стояло на центристских позициях, что проявилось, в частности, во время состоявшейся в сентябре 1915 г. в швейцарской деревне Циммервальд антивоенной социалистической конференции. Ленин возглавил на ней левую группу из 8 человек (около 20% делегатов). Официальный манифест конференции, составленный при участии Л.Д. Троцкого, носил центристский характер. В нем говорилось об империалистическом характере войны, осуждалось голосование западноевропейских социалистов за военные кредиты, их участие в правительствах. Красной нитью через весь манифест проходила идея борьбы за мир.

Участники Циммервальдской левой группы поставили свои подписи под манифестом, но в специальном заявлении отметили недостаточный, по их мнению, радикализм этого документа. Жизнь показала перспективность циммервальдского антивоенного движения: через два месяца после конференции в Циммервальде к ее решениям присоединились уже свыше 20 партий и организаций, представлявшие рабочих 13 стран. Участниками этого международного движения от России были большевики во главе с Лениным и часть левых меньшевиков и эсеров во главе с Ю.О. Мартовым, Л.Д. Троцким, В.М. Черновым, М.А. Натансоном. Ко времени второй конференции участников циммервальдского движения, состоявшейся в апреле 1916 г. в швейцарской деревне Кинталь близ Берна, позиции Циммервальдской левой укрепились.

В годы войны перед российскими революционерами-интернационалистами (будь то марксисты или социалисты-революционеры) во весь рост встала проблема мировой социалистической революции.

Как известно, еще в 1845-1846 гг. Маркс и Энгельс пришли к выводу, что "коммунизм эмпирически возможен только как действие господству-

*См.: Дажина И.М. Большевистские листовки в России периода первой мировой войны и Февральской революции... С. 7, 162.

ющих народов, произведенное "сразу", одновременно..."*. В "Принципах коммунизма", отвечая на вопрос, возможна ли победа социалистической революции в одной стране, Энгельс вновь подчеркнул, что пролетарская революция есть всемирная революция, которая произойдет одновременно во всех "цивилизованных" странах, т.е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции, Германии. При этом он ссылаясь на процесс интернационализации экономической и общественно-политической жизни человечества и на усиление взаимозависимости судеб отдельных народов в условиях развития мирового рынка**. Подтверждением этому могли служить и события 1848-1849 гг. в Европе, когда революции охватили одновременно Францию, Германию, Австро-Венгрию, Италию. При этом само понятие "одновременность" применительно к социалистической революции носило у Маркса и Энгельса достаточно относительный характер, причем они никогда не уточняли, каким может быть разрыв во времени между первым и последующими актами этого процесса.

Конкретизируя свои представления о механизме развития будущей европейской революции, Энгельс особо выделял роль трех стран — Франции, Германии и Англии. Однако толчок к началу революции на континенте могли дать, по его представлениям, и более отсталые государства, в том числе и Россия***. Ее роль в развитии революционного кризиса в Европе на рубеже 70-80-х годов XIX в. Маркс и Энгельс оценивали очень высоко. Незадолго до смерти, в 1893 г., Энгельс говорил, что недалеко уже то время, когда станет реальностью союз европейских социалистических государств — Соединенные Штаты Европы****.

Указанные положения оставались общепризнанными среди марксистов, в том числе и русских, вплоть до первой мировой войны. Достаточно сказать, что ведущий теоретик II Интернационала К. Каутский писал в 1911 г.: если в Европе разразится война, то за ней неотвратимо последует социальная революция, которая будет "международным явлением". Даже в том случае, если вначале она и ограничится пределами одного государства, то долго такое положение продолжаться не сможет. Революция перебросится на другие страны, возникнут Соединенные Штаты Европы, а затем и Соединенные Штаты всего цивилизованного мира.

По мере углубления марксистских представлений о новой исторической эпохе, в которую мир вступил в начале XX века, становилось, однако, ясно, что традиционная для капитализма неравномерность экономического и политического развития отдельных стран приобретает теперь

*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 34.

**См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 334.

***Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 6; Т. 38. С. 465; Т. 39. С. 76, 253.

****Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 568.

качественно новый, гораздо более скачкообразный, чем прежде, взрывной, конфликтный характер. Неравномерно развивались и различные компоненты общественного строя внутри каждой отдельно взятой страны: более резкими и контрастными стали несоответствия между базисом и надстройкой, объективными и субъективными факторами общественного прогресса. В результате в рамках мировой системы государств стали возникать особо опасные для буржуазии "горячие" точки, являвшиеся наиболее вероятными очагами пролетарской революции. Кроме того, ситуация существенно менялась и еще в одном, очень важном отношении: резкое обострение империалистических противоречий, особенно в период войны, значительно расширяло для революционных сил возможности маневра между различными группировками государств, а тем самым и возможность "выживания" тех стран, где победила бы пролетарская революция, при сохранении капиталистического окружения.

Исходя из этого, в августе 1915 г. Ленин сделал вывод о возможности "победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране"* . Через год, развивая эту мысль, он пишет, что революция начнется в одной или нескольких странах, тогда как остальные останутся на некоторое время буржуазными или даже добуржуазными**. При этом Ленин не уточнил тогда, что он имеет в виду под "победой социализма" в одной стране, но в контексте других его высказываний той поры этот тезис можно понимать как возможность установления там пролетарской диктатуры и первые шаги по обобществлению производства, т.е. созданию социалистического экономического уклада, в расчете на поддержку мировой революции. Не назвал он в своей статье и конкретной страны, где мог, по его мнению, произойти прорыв мировой капиталистической системы.

В дальнейшем, в ходе борьбы с троцкизмом в 20-х годах Сталин придал данной ленинской формуле характер теоретического обоснования курса на строительство социализма в СССР. Дело стало изображаться таким образом, будто Ленин уже в 1915 г. предвидел, что в рамках одной страны, в частности России, будет пройден весь цикл социалистического строительства — от взятия пролетариатом государственной власти до полного построения социалистического общества. Если следовать букве приведенного выше ленинского высказывания из статьи "О лозунге Соединенных Штатов Европы", то Сталин и его единомышленники как будто бы имели основания для подобной интерпретации мысли Ленина. Однако есть все основания считать, что в тот момент Ленин не заглядывал так далеко, оставаясь в общем и целом в рамках прежней марксистской кон-

*Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 26. С. 354.

**Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 30. С. 133.

цепции мировой революции, но несколько иначе расставляя в ней акценты в пользу большей самостоятельности социалистов каждой отдельной страны.

Такое толкование статьи "О лозунге Соединенных Штатов Европы" подтверждается и тем, что в ней вслед за выводом о возможности победы социализма в одной стране автор пишет о перспективах революционной войны, как вероятном последствии первого пролетарского переворота и притом последствии не очень отдаленном. Пролетариат той страны, где он первым совершил бы прорыв к власти, писал Ленин, привлек бы на свою сторону угнетенные классы других стран, поднимая их своим примером на восстание против капитализма и "выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств"*.

К осени 1915 г. большевики сняли лозунг Соединенных Штатов Европы. При сохранении капитализма он был в то время либо совершенно утопическим, либо мог просто прикрывать сговор одной группы империалистов против другой. Лозунг же революционных США мог сковать инициативу революционеров отдельных стран ненужным взаимным ожиданием. Неудачным этот лозунг был еще и потому, что в XX в. можно было ждать не только европейской, но и более широкой антиимпериалистической революции (об этом еще до войны писала, в частности, Р. Люксембург, а во время войны К. Радек). Кроме того, Ленина явно не устраивало то, что выдвигая лозунг создания Соединенных Штатов Европы, он невольно оказывался в одной компании с целой группой русских и зарубежных политиков, которые вкладывали в идею США совершенно разное, в том числе и отнюдь не революционное, содержание. А таких ситуаций лидер большевиков всегда стремился избегать.

Курс на мировую революцию стал лейтмотивом всей теоретической и практической деятельности Ленина в годы войны. Напомним в этой связи его выступление на III конгрессе Коминтерна в 1921 г., где он с полной откровенностью раскрыл логику мышления большевиков в 1917 г.: "Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее, мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в других странах, капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть. Несмотря на это сознание, мы делали все, чтобы при всех обстоятельствах, и во чтобы то ни стало сохранить советскую систему, так как знали, что работаем не только для себя, но и для международной революции"**. При этом количество подобных высказываний Ленина можно многократно умножить.

*Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 26. С. 354-355.

**Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 44. С. 36.

Заметим, что Ленин отнюдь не собирался "перепрыгнуть" при этом через не пройденный еще Россией этап демократической революции, рассматривая ее, правда, как пролог и составную часть антиимпериалистической революции на Западе. Большое значение имела в этом плане его статья "Несколько тезисов", написанная в последней декаде сентября 1915 г. и опубликованная в качестве редакционной в газете "Социал-демократ". В ней подчеркивалось, что ближайшая революция в России может привести в лучшем случае к установлению той самой революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, о которой большевики мечтали еще в 1905 г. Задача состоит в том, писал лидер большевиков, чтобы довести в России демократическую революцию до конца и "разжечь социалистическую революцию в Европе".

Касаясь вопросов тактики, Ленин допускал возможность вхождения большевиков вместе с другими интернационалистскими (но не революционно-оборонческими) течениями в будущее временное революционное правительство, категорически отвергал план участия большевистских организаций в работе создававшихся в то время в России по инициативе буржуазии военно-промышленных комитетов (хотя и считал целесообразным участие в выборной кампании для пропаганды антивоенных взглядов и организации рабочих), предостерегал от бойкота следующей, V Государственной думы, выборы в которую должны были состояться в 1917 г. Вместе с тем Ленин настоятельно рекомендовал социал-демократии не только расширить и углубить свою работу среди пролетарских масс, но и распространить ее на сельскохозяйственных рабочих, беднейшее крестьянство, солдат и матросов. При проведении агитационной работы социал-демократы должны были уделять особое внимание требованию немедленного прекращения войны, а также настаивать на возвращении из сибирской ссылки депутатов-большевиков. Наконец, обращаясь к опыту 1905 г., Ленин считал, что необходимо пропагандировать идею создания Советов рабочих депутатов, которые могут принести огромную пользу "в связи с развитием массовой политической стачки и в связи с восстанием..."*.

Ленин дал вполне определенный ответ и на вопрос о том, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция уже во время войны поставила ее у власти. Мы, писал Ленин, "предложили бы мир всем воюющим на условии освобождения колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов"**. Однако, по его мнению, ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах, этого предложения. "Тогда, — продолжал Ленин, — мы должны были бы

*Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 27. С.49.

**Там же. С. 50.

подготовить и повести революционную войну, т.е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии, и в Европе"*.

Ленинские теоретические установки и тактические директивы стали основой всей практической работы большевиков в России.

3. Меньшевизм: проблемы войны, мира и революции

Переходя к характеристике меньшевистской платформы в период войны, следует прежде всего подчеркнуть, что меньшевики и эсеры в общем и целом разделили судьбу партий II Интернационала: они раскололись в 1914 г. на социал-патриотов, умеренно пацифистское центристское течение и небольшие группы революционно-интернационалистского направления. Как отмечали после начала войны сами меньшевистские руководители, "общее состояние меньшевизма может быть сформулировано двумя словами: полная дезорганизация... С самого начала войны пошла невероятная идейная мешанина и путаница... Общепартийного меньшевистского мнения нет"**.

Выше уже говорилось о том, что 26 июля 1914 г. меньшевики вместе с большевиками осудили в Государственной думе войну и, с рядом оговорок, отказались поддерживать правительство в его усилиях по мобилизации фронта и тыла на борьбу с внешним врагом. Однако уже через месяц, в сентябре 1914 г. в ответной телеграмме лидеру бельгийских социалистов Э. Вандервельде, который стал с началом войны королевским министром и предложил русским социал-демократам занять "конструктивную", т.е. оборонческую позицию меньшевики-"ликвидаторы", группировавшиеся вокруг журнала "Наша заря", заявили, что не будут противодействовать войне. Думская же фракция меньшевиков во главе с Чхеидзе от ответа на телеграмму Вандервельде предпочла дипломатично воздержаться.

Неистребимая тяга меньшевиков-"ликвидаторов" к соглашению с либералами, их ориентация на замену революции реформой и отречение от "подполья" трансформировались в условиях войны в призывы к гражданскому миру, безоговорочной защите отечества и отказу от нелегальной

*Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 27. С. 50-51.

**РЦХИДНИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

революционной работы. Один из наиболее видных меньшевиков Ю.О. Мартов вынужден был признать, что в шатаниях меньшевиков в период войны чувствовалось стремление "строить заранее будущее российского пролетариата на исторической победе российской буржуазии в ее попытке *через империализм — помимо национальной революции —* идти к европеизации России и решению ее внутренних проблем раскрепощения национальных производительных сил"* (курсив наш. -Авт).

Как видим, меньшевики тоже довольно широко использовали и в предвоенный период, и в годы войны термин "империализм". Так, еще в 1912 г. в двенадцатом номере "Нашей зари" была опубликована статья известного меньшевика М.С. Макоджуба (Панина), где он определял империализм как современную фазу развития капитализма, которой присущи всемирная по своим масштабам борьба за колонии и рынки сбыта, милитаризм и маринизм, угроза войн и обострение всех социальных противоречий. При этом автор подчеркивал, что капитализм далеко не везде еще достиг своего "предела", а Россия, где возможности внутреннего рынка далеко не исчерпаны, вполне может обходиться без новых колоний, а значит, и без империалистической политики.

Как и большинство теоретиков II Интернационала, меньшевистские идеологи видели в империализме захватническую внешнюю политику финансового капитала. При этом А.Н. Потресов, например, справедливо писал о "сверхсметных грехах" прусских империалистов, действовавших в противоположность английским и французским методами прямой агрессии и войны и являвшихся главным препятствием к прочному миру в Европе. Примерно так же ставил вопрос и Г.В. Плеханов, который считал принципиальной ошибкой ставить на одну доску британский, германский и тем более совсем слабый русский империализм. Г.В. Чичерин тоже противопоставлял демократический и миролюбивый английский капитализм агрессивному, феодально-цезаристскому германскому империализму и считал, что если первый порождает лишь возможность войн, то второй делает их неизбежными.

Многие меньшевики откровенно обеляли внешнюю политику царизма и считали, что о русском империализме вообще можно говорить лишь весьма условно.

На крайне правом фланге меньшевистского оборончества оказался Г.В. Плеханов. Он справедливо считал Германию главной виновницей войны, но явно обелял при этом Англию и Францию и как бы сбрасывал со счетов агрессивные устремления царизма. Плеханов рисовал мрачные картины политического и экономического порабощения России Германией в случае победы последней и подчеркивал "право и обязанность

*Интернационал и война. 1915. № 1. С. 107.

русского пролетариата защищать свою страну"*. Он уверял, что классовая борьба во время войны отнюдь не прекращается, а лишь приобретает новые, специфические формы борьбы российского пролетариата с немецкой буржуазией. Плеханов советовал рабочим "отвергнуть как неразумную, — скажу больше: как безумную, — всякую вспышку и всякую стачку, способную ослабить силу сопротивления России неприятельскому нашествию"**.

Однако взгляды Плеханова и близких к нему П.П. Маслова, В.И. Засулич, Н.И. Иорданского и др. не имели в меньшевистских кругах большого успеха. В целом социал-патриотизм в России выступал в более прикрытых, чем на Западе, формах, маскируясь лозунгами "непротиводействия" войне и "самообороны", т.е. передачи дела обороны страны из рук царизма в руки демократии, включая рабочих и буржуазию. На этих позициях стояли А.Н. Потресов, Вл. Левицкий, Евг. Маевский и др. меньшевики, группировавшиеся вокруг журналов "Наша заря", а затем "Наше дело" и "Дело".

По мере того, как становилось ясно, что царизм явно не справляется со своей традиционной ролью "сторожа земли русской" и не хочет идти на раздел власти с либеральной буржуазией и уступки народным массам, среди части меньшевиков и эсеров стали усиливаться революционно-оборонческие настроения (революция во имя победы над Германией).

Так, Плеханов в статье "Две линии революции", опубликованной в октябре 1915 г. в парижской меньшевистско-эсеровской газете "Призыв", нарисовал следующую картину развития революции в России по "восходящей линии" (термин Маркса): на смену царской бюрократии должны были последовательно прийти октябристы, кадеты, трудовики и только после этого социал-демократы и эсеры.

Большинство же меньшевиков во главе с их думской фракцией и созданным еще в 1912 г. Организационным комитетом РСДРП на словах осуждало империализм и войну, но ограничивалось призывами к миру без аннексий и контрибуций и к "демократизации России", причем активные революционные действия во время войны объявлялись ими "преждевременными". В состав ОК, который был во время войны очень текучим, входили в разное время Н.С. Чхеидзе, А.И. Чхенкели, В.И. Хаустов, П.А. Гарви, Е.Л. Бройдо, Б.О. Богданов, Б.С. Цейтлин (Батурский) и др. Близкую к ОК позицию занимали находившиеся в Сибири на поселении Ф.И. Дан, И.Г. Церетели, С.Л. Вайнштейн, К.М. Ермолаев и др.

Что касается позиции небольшой группы левых меньшевиков-интернационалистов во главе с Ю.О. Мартовым, то она заметно отличалась от

*Плеханов Г.В. Интернационализм и защита Отечества. Пг., 1917. С. 16.

**International Review of Social History. 1981. Vol. XXVI. Part 3. P. 343.

других меньшевистских течений резкой критикой международного империализма и русского царизма, а также социал-патриотов из обеих воюющих группировок, призывами к мировой революции и к революции в России. Эта позиция нашла наиболее яркое выражение на страницах русских эмигрантских газет ("Наш голос", "Голос", "Наше слово", "Начало"), издававшихся в Париже в 1914-1917 гг. Вокруг этих изданий, помимо меньшевиков, объединялась часть так называемых большевиков-примиренцев и бывших членов группы "Вперед", а также сторонников Троцкого (В.А. Антонов-Овсеенко, Г.В. Чичерин, Д.З. Мануильский, А.В. Луначарский, А.С. Лозовский, М.С. Урицкий и другие).

Ленин называл в 1914 г. "Голос" лучшей социалистической газетой Европы, подчеркивая, что Мартов делает там именно то, что должен делать социал-демократ в условиях войны: критикует "свое" правительство, разоблачает "свою" буржуазию, ругает "своих" министров. Но соглашение большевиков-ленинцев с меньшевиками-интернационалистами типа Мартова оказалось невозможным, ибо последние отвергали лозунг поражения царского правительства в войне, делали особый акцент на пацифистском характере своей платформы, не шли на организационный разрыв с меньшевиками-оборонцами и критиковали излишние, по их мнению, идейную нетерпимость и сектантство большевиков.

Осенью 1915 г., когда в России стала складываться революционная ситуация, Мартов выступил на страницах журнала "Интернационал и война" (первый номер этого заграничного органа меньшевиков-интернационалистов остался единственным) с большой программной статьей "Война и российская социал-демократия", где достаточно откровенно изложил свои взгляды на предстоящую русскую революцию. По мнению Мартова, борьба с царизмом идет пока в России при гегемонии торгово-промышленной буржуазии, причем и в дальнейшем этот класс будет играть очень важную политическую роль. Пролетариат, разумеется, должен использовать любое либерально-патриотическое движение под флагом национальной обороны, но не приспосабливаться к его классово-ограниченным целям, а решать свои собственные задачи, состоящие в организации и сплочении рабочих под лозунгом борьбы за мир. "Не революция во имя национальной обороны, а революция во имя мира!" — вот наш лозунг, подчеркивал Мартов.

Он довольно язвительно высмеивал революционеров-оборонцев, которые внушали рабочим: боритесь, но так, чтобы не расплескать ни капли из патриотической чаши, предпочитайте забастовкам демонстрации в свободное от изготовления снарядов время или, если уж так не терпится бастовать, отрабатывайте потом эти прогулы в воскресные дни. Меньшевики-интернационалисты, писал Мартов, не изобретают "сухой воды" —

революции, которая не расшатывала бы государственный порядок и не вносила бы классовую борьбу в армию (так, в частности, ставился вопрос на страницах парижской меньшевистско-эсеровской газеты "Призыв", издававшейся с осени 1915 г. при участии Плеханова).

Таким образом, Мартов не собирался "играть" в революцию и подменять ее верхушечным дворцовым переворотом. Он был убежден, что до тех пор, пока в России не будет революционным путем создана демократическая республика, опирающаяся на широкую коалицию демократических сил (пролетариат, городская мелкобуржуазная демократия, крестьянство), не может быть и речи о том, чтобы социал-демократы приняли лозунг защиты отечества. Если же к власти придет русская империалистическая буржуазия, писал он, то характер войны со стороны России не изменится и защищать в ней пролетариату будет по-прежнему нечего. Но Мартов был убежден, что демократическая революция в России станет частью европейской антиимпериалистической революции под лозунгом демократического мира. Только в этом широком контексте он и мыслил себе предстоящие революционные события в России.

С еще более радикальных позиций выступал в период войны Л.Д. Троцкий, сотрудничавший с осени 1914 г. в "Голосе", а затем в "Нашем слове" и постепенно вытеснивший оттуда Мартова. Он последовательно отстаивал основные положения теории "перманентной революции", провозглашал типично центристский лозунг "Ни побед, ни поражений", яростно критиковал "крайности" Ленина и большевиков, хотя и признавал важную роль последних в российском революционном движении. Как и в предшествующий период, влияние Троцкого в РСДРП в годы войны осталось крайне незначительным.

Характерной чертой антивоенной платформы Троцкого был страстный призыв к мировой революции как единственному выходу из того тупика, в который завел человечество капитализм. Как и Ленин, Троцкий считал империализм кануном пролетарской революции, был горячим сторонником лозунга Соединенных Штатов Европы, подчеркивая, что без мировой революции пролетарский переворот в отдельно взятой стране — будь то отсталая Россия или передовая Германия — обречен на поражение.

В годы войны мысль Троцкого продолжала развиваться в рамках той концепции русской революции, которая сложилась у него еще в 1905 г. Он считал, что национальная буржуазная революция в России невозможна из-за отсутствия буржуазной демократии. В стране есть лишь один серьезный революционный фактор — пролетариат, утверждал он. Поэтому революция, которая должна вырасти из сложившейся осенью 1915 г. революционной ситуации, в случае победы закончится, по его мнению, созданием революционного **рабочего** правительства. Лозунгами момента

Троцкий считал: созыв всенародного Учредительного собрания, установление демократической республики, 8-часовой рабочий день, конфискацию помещичьих земель плюс немедленное прекращение войны, предоставление всем нациям права на самоопределение, создание Соединенных Штатов Европы.

Учитывая отмеченную выше пестроту оттенков во взглядах меньшевиков на войну, интересно познакомиться с официальным меньшевистским документом под названием "Пролетариат и война", появившимся, правда, лишь в ноябре 1915 г. в Цюрихе в качестве проекта платформы, предложенной Заграничным секретариатом ОК РСДРП организациям "Августовского блока" в России. Напомним, что Заграничный секретариат Организационного комитета меньшевиков, выполнявший роль их идеологического центра и работавший в период войны в своем старом составе (Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод, А.С. Мартынов, И.С. Астров, С.Ю. Семковский), занимал интернационалистские позиции, пытаясь нащупать равнодействующую между левоцентристскими (Мартов) и правоцентристскими (Аксельрод) подходами к анализу происходивших в мире и в России событий.

Тезисы начинались с заявления о том, что РСДРП признала империалистический, антидемократический характер войны и отказалась считать вмешательство в нее царской России актом, продиктованным интересами русского народа. Причиной войны ЗСОК считал империалистическое соперничество великих держав из-за экономического и политического господства над отсталыми и более слабыми государствами, не делая при этом исключения и для захватнической политики российского правительства и буржуазии. По мнению авторов этого документа, ни одна из столкнувшихся в войне коалиций не преследует никаких других целей, кроме империалистических.

Констатируя распад II Интернационала и глубокий кризис международного социалистического движения, меньшевистские руководители призывали возродить сотрудничество пролетариата всех воюющих стран "под знаменем скорейшего прекращения войны, под знаменем мира" без аннексий и контрибуций.

Для России заграничные секретари ОК меньшевиков выдвигали лозунг "созыва Всероссийского Учредительного собрания для ликвидации царизма и войны", а в качестве средства давления на царское правительство — "массовые организованные революционные выступления" в защиту политических и экономических требований рабочих. При этом всякое участие пролетариата в деле организации "национальной обороны", будь то голосование за военные кредиты в Думе, вхождение в военно-промышленные комитеты или прекращение либо смягчение форм классовой борь-

бы на период войны категорически отвергалось. В равной мере отвергалась, однако, и тактика "революционного пораженчества".

Заграничный секретарит выступал против "правительства измены", как называли тогдашний кабинет Горемыкина, выдвигал лозунги свободы коалиций и печати, отмены цензуры, исключительных положений и милитаризации труда, освобождения ссыльных и политзаключенных.

Однако для большинства российских меньшевиков такая платформа была чересчур левой. Ее разделяли лишь небольшие интернационалистские организации и группы (самой крупной из них была Центральная инициативная группа в Петрограде численностью не более 200 человек), тогда как основная часть меньшевиков занимала более сдержанную, выжидательную позицию, для которой была характерна смесь умеренного интернационализма с условным оборончеством или полуоборончеством, временный отказ от активных антиправительственных действий и даже от забастовок, стремление "переждать" тяжелые времена в немногих уцелевших легальных организациях (профсоюзы, кооперативы и т.д.).

На счету меньшевиков, работавших в России, были немногочисленные листовки (так, ОК РСДРП выпустил в 1914-1915 гг. лишь три антивоенные прокламации), проведение в 1915 г. региональных конференций в Поволжье, Центральном промышленном районе и на Кавказе, выпуск нескольких легальных газет и журналов*, вынужденных говорить подцензурным эзоповым языком, деятельность думской фракции РСДРП во главе с Чхеидзе, а также работа в разного рода легальных организациях, в том числе в оборонческих по своему характеру рабочих группах военно-промышленных комитетов (конец 1915 - начало 1917 гг.)**.

Характеризуя настроения российских меньшевиков, один из петроградских сторонников Мартова, А. Гриневиц (К. Шехтер) писал в 1916 г. своим заграничным лидерам: "Среди интеллигенции, в частности литераторов, преобладает оборончество. То же самое, и даже в еще большей степени, к сожалению, и среди самой верхушки наиболее обывательски настроенных рабочих. Они же как раз и наиболее квалифицированные и хорошо оплачиваемые. Но в широкой массе меньшевиков оборончество совершенно отсутствует и вызывает к себе самое озлобленное отношение"***. С последней оценкой согласиться довольно трудно, поскольку фракционный "патриотизм" заставил автора письма явно преувеличить

*Среди них следует выделить газеты "Северный голос", "Утро" и "Рабочее утро", выходившие друг за другом в Петрограде в 1915 г.; самарские газеты "Наш голос", "Голос труда" и "Голос" (1915-1916 гг.); "Сибирский журнал" и "Сибирское обозрение", издававшиеся группой Дана — Церетели в Иркутске в 1914-1915 гг. и др. Кроме того, в Петрограде выходили журналы "Современный мир" и "Страхование рабочих".

**Подробнее о них см. ниже.

***РЦИХДНИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

степень меньшевистского радикализма: во всяком случае сравнительно мирное сосуществование интернационалистов и оборонцев продолжалось до самой Февральской революции, а затем большинство из них соединилось под знаменами "революционного оборончества".

Центристские элементы меньшевизма (ОК, фракция Чхеидзе) готовы были пожертвовать своими интернационалистскими принципами во имя решения более важных, "наддоктринальных" практических задач — сплочения пролетарских масс в ходе кампании по выборам рабочих групп ВПК, превращения этих групп в опорные пункты меньшевистского движения, созыва рабочего съезда. Не проявляя особого рвения во время выборов рабочих групп, эти меньшевистские инстанции тем не менее и не порывали с ними (это сделала в конце 1916 г. лишь Центральная инициативная группа).

Знаменательно, что и программа самих рабочих групп ВПК носила компромиссный характер: оборончество эклектически соединялось в ней с пацифистскими призывами в духе решений Циммервальдской и Кинтальской международных конференций, а призывы к соглашению с либеральной буржуазией — с критикой царского правительства, оказавшегося неспособным наладить дело обороны страны. Нельзя отрицать, что рабочие группы Центрального и местных военно-промышленных комитетов выполняли и немало полезной организационной работы (так, рабочая группа ЦВПК выпускала информационные бюллетени, сформировала 10 комиссий, включая профсоюзную и кооперативную, занималась продовольственным вопросом, устройством столовых для рабочих и т.д.). Однако большинство ее начинаний (рабочий съезд, биржи труда, примирительные камеры из представителей рабочих и фабрично-заводской администрации, установление твердого минимума заработной платы) так и осталось на бумаге.

Ставка меньшевиков на "левение" буржуазных кругов по мере затягивания войны оправдалась лишь частично. С одной стороны, бурные дебаты в Государственной думе, деятельность Союза земств и городов, образование Прогрессивного блока и военно-промышленных комитетов и даже туманные планы дворцового переворота, к которым были причастны некоторые представители либеральной оппозиции, говорили о том, что конфликт торгово-промышленного класса с царизмом постепенно набирает силу. С другой, — союз царизма и буржуазии против рабочих оставался непреложным фактом, контакты меньшевиков с либералами практически не налаживались, а гегемония буржуазии в освободительном движении, на которую делали ставку некоторые меньшевистские лидеры, оставалась фикцией. Так или иначе, преодолеть коренное расхождение интересов двух главных социальных полюсов российского общества в

ходе борьбы против самодержавия не удалось, что во многом предопределило и характер последующих событий 1917 г.

Поэтому в конечном счете меньшевики больше наблюдали за ходом стихийного массового движения и нарастанием народного протеста против царизма и войны, чем формировали это движение и руководили им.

4. Назревание общенационального кризиса

К осени 1915 г. в России вновь стала складываться революционная ситуация. В ее основе лежали противоречия, вызвавшие в свое время к жизни первую российскую революцию и еще более обострившиеся в 1907-1915 гг. Война, приглушившая вначале открытый протест масс, не только не устранила этих противоречий, а напротив, усугубила их и подготовила новый взрыв народного возмущения. Поражения на фронтах и экономическая разруха в тылу стали мощным ускорителем процесса назревания общенационального кризиса в стране.

Кризис "верхов" выразился прежде всего в полной неспособности центральных и местных органов управления справиться с трудностями, вызванными войной. С лета 1915 г. в обстановке военных поражений на фронтах, роста революционных и оппозиционных настроений в тылу началась так называемая министерская "чехарда", сопровождавшаяся быстрой и далеко не всегда мотивированной сменой лиц в верхнем эшелоне власти. В конце августа 1915 г., несмотря на сопротивление ряда министров, произошла смена Верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича, место которого решил занять сам царь. Но укрепить таким путем пошатнувшееся положение династии Николаю II не удалось. За 30 месяцев войны, предшествовавших Февральской революции, в России сменились 4 главы правительства, 6 министров внутренних дел, 4 военных министра, 4 министра юстиции, 3 министра путей сообщения. Во время войны огромного влияния при дворе добился малограмотный и аморальный сибирский крестьянин Григорий Распутин. Недаром "распутинщина" превратилась в наиболее яркое выражение морального разложения правящих "верхов" царской России.

Перманентно углубляющийся паралич власти привел к тому, что царское правительство перестало не только контролировать, но и понимать развитие событий. Когда после Февральской революции Временное правительство создало Чрезвычайную следственную комиссию, пытавшуюся разобраться в причинах падения старого режима и допросившую многих его видных деятелей, она столкнулась с поистине поразительной картиной. Бывшие министры, как правило, демонстрировали такой низкий уровень политического мышления, такую умственную бедность и слабоволие, что можно было только удивляться, как эти люди правили Россией.

За редким исключением это был настоящий паноптикум слабовольных посредственностей и беспринципных карьеристов, которые своими несогласованными и непродуманными действиями только запутывали клубок противоречий русской жизни. Ни о каких серьезных реформах не было больше и речи. Государственный подход к решению тех или иных проблем вытеснялся личным, служение Отечеству — карьеризмом, честность — подлостью, достоинство — угодничеством, ум — хитростью. В итоге в "верхах" господствовал всеобщий цинизм и безразличие, которые оправдывались невозможностью что-либо изменить. Конечным итогом этого процесса были изоляция верховной власти от своей собственной социальной опоры и полное отчуждение от общества.

Острейшая борьба различных группировок внутри правительственного лагеря еще больше расшатывала государственную власть, продемонстрировавшую неспособность к оперативному решению текущих задач, связанных со снабжением армии вооружением и продовольствием, а населения крупных промышленных центров — элементарно необходимыми средствами существования. Несмотря на то, что вплоть до самого последнего дня царизм отчаянно сопротивлялся натиску народа, кризис не мог не захватить и карательный аппарат самодержавия. В итоге правительство царской России жило в то время, как на вулкане.

Кризис власти еще больше ухудшил положение правых партий и организаций, тщетно пытавшихся разжечь в народе монархические настроения и патриотизм. Война на какое-то время гальванизировала их, но вскоре они стали катастрофически разваливаться. В местных организациях Союза русского народа остались буквально десятки людей. Углубление кризиса правых партий подталкивало их лидеров к резкой критике придворной камарильи и к отчаянным поступкам во имя спасения монархии. В ночь на 17 декабря 1916 г. группа великосветских заговорщиков, среди которых был один из лидеров правых В.М. Пуришкевич, совершила убийство Распутина. При помощи такой криминальной акции они хотели освободить царскую семью от "темных сил" и тем самым оздоровить обстановку в правящих "верхах". Однако подобные отчаянные шаги ультрамонархистов уже не могли спасти обреченный режим.

Весьма сложные и неоднозначные процессы происходили внутри либерального лагеря. Война привела к окончательной дезорганизации партии октябристов. Постепенно заглохла политическая деятельность их ЦК, 1 июля 1915 г. прекратилось издание официального органа — газеты "Голос Москвы", развалились местные отделы партии. Лишь в Петрограде, Москве, а также в некоторых крупных губернских и уездных городах продолжали существовать изолированно друг от друга крайне малочисленные группки октябристов, отказавшиеся вести какую-либо партийную работу и сосредоточившиеся, главным образом, на организации по-

мощи раненым и беженцам. Фактически же "Союз 17 октября" как партия в полном смысле этого слова прекратил свое существование.

Дезорганизация партийной структуры прослеживается и у кадетов, хотя им, в отличие от октябристов, все же удалось сохранить часть местных организаций. Однако по сравнению с предвоенным периодом их число заметно уменьшилось. Если накануне войны в стране, по подсчетам историков, функционировали 80 кадетских организаций, то в период с июля 1914 по март 1917 г. их осталось всего 50 (губернских — 26, городских — 13, уездных — 11). В отличие от октябристов и "прогрессистов", кадетам удалось провести один общепартийный съезд (февраль 1916 г.) и три конференции, а также областные съезды в Москве, Киеве, Самаре и Саратове. Однако масштабы и интенсивность деятельности местных кадетских организаций значительно сократились, что в свою очередь не могло не отразиться на их работе в массах.

С другой стороны, в годы войны произошло резкое усиление экономической мощи российского торгово-промышленного класса. Намного продвинулся вперед и процесс его политической консолидации, хотя тенденция к созданию единой буржуазной партии так и осталась в России нереализованной. В 1914-1917 гг. еще более возросло влияние буржуазии на экономическую политику царизма. В августе 1915 г. ее представители вошли в чрезвычайные правительственные органы — Особые совещания по обороне, перевозкам, топливу и продовольственному делу, которые занимались распределением военных заказов, следили за их выполнением, устанавливали цены на многие виды промышленной и сельскохозяйственной продукции. Буржуазия выступила также с инициативой создания военно-промышленных комитетов, которые, по замыслу ее лидеров, должны были стать своеобразным мостом, соединяющим "деловой мир" с представителями правительства. В июле 1915 г. на 1 съезде военно-промышленных комитетов председателем ЦВПК был избран лидер октябристов А.И. Гучков, а его заместителем — "прогрессист" А.И. Коновалов. Московский ВПК возглавил лидер "прогрессистов" П.П. Рябушинский. ВПК тоже занимались распределением военных заказов, снабжением предприятий сырьем и рабочей силой, транспортировкой готовой продукции. Однако взаимоотношения буржуазии с царизмом и во время войны продолжали складываться далеко не просто, а трения с царской бюрократией даже возросли. Наряду с наметившимся сотрудничеством в сфере экономики все острее и острее становились противоречия между царизмом и буржуазией в области политики.

Уже весной 1915 г. патриотический подъем первых месяцев войны сменился в либеральных кругах тревогой, сопровождавшейся повышением на несколько градусов политических требований буржуазной оппозиции к "верхам". Думские либеральные круги в августе 1915 г. выдвинули

довольно умеренный лозунг создания правительства, пользующегося доверием Думы. В выступлениях с думской трибуны и в печати кадеты высказывались за необходимость проведения ряда политических реформ и за создание компетентного правительства, состоящего из бюрократов-профессионалов и представителей либеральной общественности. "Министерство доверия" и должно было обеспечить победоносное завершение войны, а также осуществить серию политических и социальных реформ, позволивших бы стабилизировать обстановку в стране и избежать новой революции. Такая постановка вопроса и предопределила все поведение либеральной оппозиции, стремившейся во что бы то ни стало найти общий язык с правящими кругами. Ярким проявлением подобного рода стремлений явилось создание в августе 1915 г. Прогрессивного блока, объединившего большинство фракций IV Государственной думы за исключением крайне правых, трудовиков и меньшевиков.

Компромиссная по своему характеру программа блока сводилась к требованиям создания "министерства доверия" и проведения весьма умеренных реформ (смягчение национальных ограничений, частичная политическая амнистия, введение волостного земства, восстановление профсоюзов и т.п.). Радикального обновления политического режима в условиях войны члены Прогрессивного блока боялись как огня, прикрывая свой страх перед революцией красивыми притчами о "лошадях, которых не меняют на переправе", и о "безумном шофере", из рук которого нельзя вырвать во время езды руль автомобиля, чтобы не погубить находящихся в нем людей. По образному выражению В.В. Шульгина, члены блока готовы были пересест в министерские кресла лишь с тем условием, чтобы их охранял императорский караул, ибо от одной только мысли о возможном падении власти у них "кружилась голова и немело сердце"*.

Однако даже умеренная программа Прогрессивного блока не была принята царизмом, продолжавшим надеяться на традиционные военно-полицейские средства подавления революционного движения в стране. Резко усилившаяся в России осенью 1916 г. социальная напряженность побудила либеральную оппозицию пойти на обострение отношений с правительством. 1 ноября 1916 г. П.Н. Милюков выступил в Думе с острой демагогической политической речью, в которой, не имея в руках реальных фактов, обвинил "придворную партию", группирующуюся вокруг царицы, в подготовке сепаратного мира с Германией и в провокационном подталкивании масс к антиправительственным выступлениям. Эта речь кадетского лидера, не разрешенная цензурой к печати, стала широко известна не только в тылу, но и в армии. Разумеется, она не была и не могла быть призывом к революции, ибо этого больше всего не хотел и

*Шульгин В.В. Дни. Л., 1925. С. 101.

боялся сам ее автор, последовательно ратовавший за борьбу с правительством исключительно законными средствами. Тем не менее речь Милюкова и другие оппозиционные выступления либералов вносили определенный разлад в действия господствующих классов и еще больше усугубляли кризис "верхов", ставший важной частью общеполитического кризиса в стране.

В последние годы очень много говорят и пишут о той роли, которую якобы сыграли в подготовке Февральской революции члены тайных масонских организаций, существовавших в то время в России. Скучность источников делает спор сторонников и противников масонской версии во многом беспредметным. Историки приходят к выводу, что русские масоны, бесспорно, были исторической реальностью, но их немногочисленность не позволяет видеть в этой организации тот "Архимедов рычаг", с помощью которого была сброшена в пропасть 300-летняя романовская династия. Вместе с тем наличие в России начиная с 1908-1910 гг., возродившейся после почти столетнего перерыва масонской организации, видимо, действительно оказало определенное влияние на решение главного вопроса революции — вопроса о власти, поскольку многие министры первого состава Временного правительства (Керенский, Некрасов, Терещенко, Коновалов, Шингарев) были масонами. Однако сам по себе этот факт не дает оснований для того, чтобы принять версию о Февральской революции как о масонском заговоре.

Главным фактором назревания революционного кризиса в России в 1915-1917 гг. было стремительно нараставшее в стране народное движение. Хозяйственная разруха, разорение деревни, рост дороговизны, развал власти были той объективной основой, на которой развивались скрытое брожение, а затем и открытый протест во всех слоях трудящегося населения страны. Резкий контраст между сверхприбылями буржуазии и беспросветной нуждой масс, огромное психологическое перенапряжение от войны, грубый полицейский гнет и твердолобое упрямство правительства — все это рано или поздно должно было привести Россию к взрыву.

Главной пружиной в сложном механизме назревания и развития революционного кризиса было рабочее движение. Несмотря на ряд мобилизаций, основное ядро фабрично-заводского пролетариата оставалось в годы войны на своих рабочих местах. Оправившись от первого шока, вызванного началом войны, рабочие вновь стали протестовать против своего быстро ужудшавшегося экономического положения и политического бесправия.

Раньше других почувствовали на себе тяготы войны рабочие-текстильщики Центрального промышленного района. В Иваново-Вознесенске в конце мая 1915 г. прошла более чем 30-тысячная экономическая стачка, сопровождавшаяся антивоенными массовками и закончившаяся

победой рабочих, которым удалось добиться снижения цен на продукты питания. 10 августа весь город вновь был охвачен забастовкой. На собраниях и митингах рабочих раздавались возгласы: "Долой правительство!", "Долой войну!", "Всеобщая амнистия!", распространялись большевистские листовки с призывами к восстанию. Это был явный авантюризм. Вечером, когда многотысячная рабочая демонстрация направилась к тюрьме, чтобы освободить арестованных накануне товарищей, войска открыли огонь. Больше 80 рабочих были убиты и ранены. Среди жертв оказались и шедшие в первых рядах демонстрантов руководители местных большевиков.

Несколько раньше, в июне 1915 г. такая же расправа была учинена над костромскими пролетариями: тогда было убито и ранено около 60 человек. Ответом на новое проявление жестокости царских властей в Иваново-Вознесенске стали стачки солидарности, прошедшие в августе в Петрограде, Москве, Нижнем Новгороде, Сормове, Туле, Екатеринославе.

В сентябре 1915 г. прокатилась еще одна волна массовых политических забастовок в Петрограде, Москве, ряде городов Поволжья, Украины и некоторых других местах. Непосредственным толчком к выступлениям в столице послужили аресты рабочих-путиловцев и роспуск на полгода Государственной думы в ответ на образование Прогрессивного блока. Бастующие требовали не только продолжения нормальной работы Думы, но и освобождения своих арестованных товарищей и сосланной в Сибирь пятерки большевистских депутатов, свободы печати, всеобщего избирательного права, отправки на фронт полицейских. В Москве дело дошло до прямых столкновений рабочих и студентов с полицией, в ходе которых с обеих сторон были убиты и ранены.

В 1916 г. ведущая роль в рабочем движении вновь перешла к металлистам, причем наибольшую активность проявлял пролетариат Петрограда. В январе питерские рабочие широко отметили забастовками, митингами и демонстрациями память жертв "Кровавого воскресенья". В январе-феврале прошла также мощная экономическая стачка на николаевском судостроительном заводе "Наваль". В феврале-марте снова бастовал рабочий Петроград, в апреле-мае — шахтеры Донбаса и металлурги Украины. Политическими стачками отметил пролетариат 4-ю годовщину Ленского расстрела и праздник международной рабочей солидарности 1 Мая.

В октябре 1916 г. стачки приобрели невиданный еще в годы войны размах. В одном только Петрограде бастовало около 250 тыс. рабочих, выступления которых носили политический характер и проходили под руководством большевиков. Протест против дороговизны, войны, суда над матросами-кронштадтцами, локаута на ряде военных заводов — все это слилось воедино и дало поразительные для военного времени резуль-

аты: суд не посмел вынести морякам смертные приговоры, а локаут был тменен.

По числу забастовщиков Россия прочно вышла в годы войны на первое место в мире. В 1916 г. в стране бастовало около 1,3 млн. рабочих — вдвое больше, чем в 1915 г. Большинство забастовщиков, как в 1915 г., выдвигало экономические требования, однако в условиях войны грань между политическими и экономическими стачками была уже довольно условной. Непрерывно росло и количество политических выступлений рабочих, застрельщиками которых были, как правило, большевики и интернационалистски настроенные группы меньшевиков и эсеров.

Показателем роста антивоенных настроений пролетариата стали выборы рабочих групп военно-промышленных комитетов, проходившие, начиная с осени 1915 г., в промышленных центрах страны. Рабочие группы ВПК были созданы по предложению либеральной буржуазии для налаживания сотрудничества рабочих и предпринимателей в интересах мобилизации промышленности на выполнение военных заказов. Эта идея была одобрена и царским правительством, которое пошло на легализацию кампании по выборам рабочих групп военно-промышленных комитетов.

Выборы рабочих групп ВПК стали своеобразным референдумом по вопросу об отношении индустриального пролетариата к войне. Большевики решили бойкотировать выборы, считая эти группы инструментом классового сотрудничества и политики социал-реформизма. Вместе с тем они умело использовали предвыборные собрания для легальной антивоенной агитации. Особенно напряженно проходили выборы рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета в Петрограде. На общегородском собрании 27 сентября 1915 г. большинством голосов была принята резолюция большевиков о принципиальной недопустимости участия пролетариата в организациях, призванных помогать правительству и буржуазии в ведении империалистической войны. На следующем собрании, состоявшемся 29 ноября, большевики вместе с эсерами-интернационалистами и межрайонцами демонстративно отказались от участия в голосовании и покинули зал. Оставшиеся "оборонцы" (их было менее половины общего числа избранных на предприятиях уполномоченных) по существу незаконно избрали рабочую группу ЦВПК во главе с меньшевиком К.А. Гвоздевым, а также рабочую группу Петроградского ВПК.

32-летний Кузьма Гвоздев был сыном крестьянина и с 13 лет начал работать в железнодорожных мастерских. В ряды меньшевиков он пришел уже зрелым человеком, разочаровавшись в русском неонародничестве, которому он первоначально симпатизировал. Гвоздев работал на заводе телефонных аппаратов Эриксона в Петрограде. Его отличали природный ум, твердость характера, чувство такта в отношениях с людьми.

Отсутствие ораторских способностей не мешало ему пользоваться популярностью в рабочей среде. В 1917 г. Гвоздев активно работал в Петроградском Совете и был министром труда в последнем коалиционном составе Временного правительства. В 30-40-е годы он прошел через сталинский ГУЛАГ.

По примеру большевиков Петрограда активную борьбу против участия рабочих в военно-промышленных комитетах развернули большевистские организации Москвы, Харькова, Нижнего Новгорода, Самары, Баку и других городов. В итоге рабочие группы были созданы к февралю 1917 г. лишь при 58 из 244 военно-промышленных комитетов. "Военно-промышленные социалисты", как стали называть их членов, не пользовались доверием широких рабочих масс. Попытки "гвоздевцев" предотвращать забастовки, их закулисные переговоры с руководителями ВПК, обещания добиться улучшения положения рабочих вызывали сначала раздражение и озлобление, а затем и открытый протест пролетариата.

Вынужденным маневрировать между хозяевами, властями и пролетариатом руководителям рабочих групп все чаще приходилось вступать в конфликт с правящими "верхами", которые в свою очередь начали прибегать к репрессиям и против "оборонцев". В итоге руководство рабочей группы ЦВПК под давлением обстоятельств на рубеже 1916-1917 гг. пришло к признанию неизбежности открытой борьбы с правительством в рамках единого общенационального патриотического фронта.

Нельзя отрицать тот факт, что рабочие группы ВПК стали одной из легальных баз меньшевиков и эсеров в рабочем движении, и это, несомненно, помогало им укреплять свое влияние на тех рабочих, которые были охвачены стихийным "оборончеством". Что касается большевиков, то они сознательно отказались от перспективы как-то легализоваться в рамках рабочих групп, считая, что твердая интернационалистская позиция несовместима с конструктивной работой в ВПК.

Росло и революционное брожение в деревне: за период войны здесь было отмечено около 800 крестьянских выступлений. 149 раз для умирения крестьян правительству приходилось прибегать к помощи сельских стражников и воинских команд*. Крупными очагами крестьянских выступлений были Кубань, Дон, Ставрополье, Поволжье, Центрально-черноземный район, Украина. Осенью 1916 г, обобщая материалы о настроениях крестьян, Департамент полиции констатировал: "...в деревнях наблюдается революционное брожение вроде того, которое имело место в 1906-1907 гг., повсюду обсуждаются политические вопросы, делаются постановления, направленные против помещиков и купцов, устраивают-

*См.: Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 - февраль 1917 г.: Сб. документов. М.; Л., 1965. С. 466-514.

ся ячейки разных организаций..."* Опасаясь роста возбуждения в деревне, правительство уже в апреле 1915 г. вынуждено было приостановить проведение столыпинской аграрной реформы. Наглядным показателем отношения крестьянства к царским властям в годы войны может служить тот факт, что план государственных закупок хлеба был выполнен зимой 1916-1917 гг. лишь на 4%**.

Настроение деревни быстро передавалось армии, в большинстве своем по-прежнему состоявшей из крестьян. К началу 1917 г. на фронте и в запасных частях внутренних военных округов находилось свыше 9 млн. человек. Всего же за время войны в России было мобилизовано около 15 млн. человек, что составляло более трети всех солдат, поставленных под ружье в странах Антанты.

Уже осенью 1914 г. были отмечены отдельные случаи стихийных антивоенных выступлений на фронте. В дальнейшем усталость от войны, тяжелые поражения в боях, дезорганизация материально-технического снабжения армии, письма от родных с рассказами о тяготах тыловой жизни еще более усилили революционное брожение солдатских и матросских масс. К концу 1916 г., по свидетельству военной цензуры, настроение в армии приобрели ярко выраженный антиправительственный характер. Отмечалось стремление солдат к миру, их утомление от войны и тягот фронтовой жизни, недовольство плохой пищей, грубостью офицеров, их безразличием к нуждам солдат.

Революционизированию армии в немалой степени способствовала и антивоенная пропаганда, которую вели среди солдат социал-демократы и эсеры интернационалистского направления, прежде всего большевики.

Осенью 1915 г. в Кронштадте произошли выступления матросов-балтийцев. С весны 1916 г. участились случаи братания солдат на фронте, росло дезертирство. В октябре 1916 г. восстали 4 тыс. солдат на войсковом распределительном пункте в Гомеле. Почти одновременно произошло восстание на таком же пункте в Кременчуге. Наконец, в декабре на Рижском плацдарме отказались идти в наступление солдаты 2-го Сибирского корпуса. Все это свидетельствовало о том, что царизм уже не мог видеть в армии надежную опору существующего строя.

Революционный кризис 1916 г. ознаменовался еще одним важным событием — подъемом национально-освободительного движения. Восстание охватило широкие народные массы Средней Азии и Казахстана. Причиной этого выступления было резкое ухудшение экономического положения трудящихся этих регионов. Царский указ от 25 июня 1916 г. о привлечении коренного населения Казахстана, Средней Азии, Сибири

*Красный архив. 1926. Т. 4(17). С. 20.

**Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. С. 27.

и Кавказа к тыловым работам в прифронтовых районах послужил поводом к началу открытого восстания. Восставшие уничтожали списки мобилизованных, громили полицейские участки и волостные канцелярии. В ряде мест восстание было направлено не только против царских властей, но и против местных феодалов и ростовщиков. Руководителями восставших в Ташкенте были рабочие Ю. Ибрагимов и Р. Икрамов, а в Казахстане — сын бедного пастуха А. Иманов и большевик А. Джангильдин. Несмотря на то, что это восстание носило стихийный характер и не было непосредственно связано с революционными выступлениями в Европейской части страны, его роль в обострении общенационального кризиса была достаточно велика.

Усиливалось также недовольство средних слоев городского населения — демократического студенчества, трудовой интеллигенции, ремесленников, мелких служащих. Наибольшую активность проявляли при этом студенты. Только в Петроградском университете с сентября 1914 г. по февраль 1917 г. было зарегистрировано 40 студенческих выступлений. В сентябре 1915 г. в Москве состоялась студенческая забастовка протеста против расстрела мирной демонстрации трудящихся на Страстной площади. В марте 1916 г. в Москве вновь прошла студенческая забастовка в знак протеста против ареста социал-демократического студенческого центра. Сходки и демонстрации в высших учебных заведениях происходили в ряде других городов (Саратов, Харьков, Томск, Киев) во время мобилизации студентов в действующую армию весной 1916 г.

Таким образом, на рубеже 1916-1917 гг. Россия вновь стояла на пороге революции, причем на этот раз страна шла к ней в обстановке неизмеримо большей социальной напряженности и морально-политической дискредитации правящего режима в глазах народа, чем это было в преддверии 1905 г. Налицо был глубочайший кризис империи, грозившей теперь уже самому ее существованию. Стратегия "догоняющего развития" была наглухо блокирована социально-эгоистичной, недальновидной и чрезвычайно жесткой по отношению к народу политикой царского правительства. Старая, складывавшаяся веками модель модернизации России по западному образцу, в основе которой лежали гиперэтатизм, крайнее перенапряжение всех ресурсов страны, резкая поляризация общества и донельзя неравномерное и несправедливое распределение материальных тягот, связанных с индустриализацией и другими реформами, явно терпела крах. Конфликты между богатыми и бедными, властной элитой и обществом, включая значительную часть его имущих слоев, центром страны и окраинами, городским и сельским социумом приняли накануне 1917 г. такие размеры, что грозили неминуемым взрывом.

Если добавить к этому ослабление религиозных и монархических чувств народа, падение авторитета имперского центра в национальных

районах России, резкое снижение ее международного престижа, то общая картина развала будет еще более впечатляющей. "Дотянуть" войну до победного конца императорская Россия не смогла даже в союзе с таким мощным военно-политическим блоком, как Антанта.

Царизм не использовал свой последний шанс, который давали ему патриотические чувства народа, пробудившиеся с началом войны. "Гражданского мира" в России явно не получилось. В общественных настроениях на первый план выходили усталость, отчаяние, взаимное озлобление и ненависть. Расплата за это пришла в 1917 году.

5. Свержение самодержавия

События первых двух месяцев 1917 г., круто изменившие ход нашей истории, общеизвестны и не нуждаются в подробном изложении. Механизм начала второй демократической революции в России существенно отличался от того, что происходило здесь двенадцать лет назад, накануне 9 января 1905 г. На этот раз не было ни харизматического лидера типа Гапона, ни мирного шествия народа к царю, ни массового расстрела, разбудившего от политического сна миллионы людей. Зато была бесконечная, изнурительная череда серых военных будней, полная бесперспективность надежд на победу и заключение почетного для страны мира, угроза голода для жителей больших городов, слухи об измене в "верхах" и даже при дворе. К этому добавлялись новый, очень резкий по тону виток конфронтации между думской оппозицией и правительством, повышенная активность рабочих, прежде всего в Петрограде, падение дисциплины в армии, включая фронтовые части. Активизировались и революционные партии и течения, причем не только революционеры-интернационалисты, но и оборончески настроенные элементы меньшевиков и эсеров.

Центром массового движения, как и в 1905 г., стал Петроград, где насчитывалось почти 400 тыс. промышленных рабочих, занятых в основном на крупных современных предприятиях, и 200 тыс. солдат (еще 260 тыс. были размещены в пригородах столицы). Политическая стачка питерских рабочих в память о жертвах 9 января стала в 1917 г. самой массовой за все время войны (около 150 тыс. участников). Массовые стачки и демонстрации прошли в тот день также в Москве, Баку, Харькове, Ростове-на-Дону, а также в ряде других мест. Всего по стране бастовали в январе около 300 тыс. рабочих.

Та же картина наблюдалась и в феврале, причем события шли по нарастающей. Многого ждали, в частности, от открытия очередной сессии Государственной думы, намеченной сначала на 12 января, а потом перенесенной на 14 февраля 1917 г. В отличие от большевиков, которые в интересах чистоты партийного знамени предпочитали дистанцироваться от царского парламента и либеральной оппозиции, меньшевики, наобо-

рот, взяли курс на подготовку акций общенационального протеста против политики правительства именно в день открытия Думы. Принципиальное решение об этом было принято еще на совещании 13-15 декабря в Петрограде с участием представителей рабочих групп военно-промышленных комитетов, ОК и думской фракции меньшевиков, профсоюзов, кооперативов и крупнейших петроградских заводов. Под нажимом рабочих меньшевики решили не сдерживать больше стачечную активность пролетариата, как они делали на протяжении первых двух лет войны, и, кроме того, провести в день открытия Думы мирную демонстрацию к Таврическому дворцу, чтобы революционизировать оппозиционно настроенных депутатов, подтолкнуть их к более решительным действиям и к созданию правительства спасения страны от грозящего ей военного разгрома.

Были подготовлены ораторы для выступлений перед рабочими, а также текст воззвания "Режим самовластья душит страну..." с требованием немедленного создания временного революционного правительства, "способного вывести страну из тупика и губительной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на условиях, приемлемых для пролетариата всех стран"*. При этом наметился определенный альянс между руководством рабочей группы ЦВПК во главе с Гвоздевым и лидерами этой организации А.И. Гучковым и особенно А.И. Коноваловым. Однако в ночь на 27 января большинство членов группы, в том числе и сам К.А. Гвоздев, были арестованы. Освободила их из Петропавловской крепости только Февральская революция, сам народ.

Арест Гвоздева, призывы большевиков приурочить стачку не к открытию Думы, а ко второй годовщине суда над членами большевистской думской фракции (10 февраля 1915 г.), колеблющаяся позиция меньшевиков-интернационалистов из Центральной инициативной группы в Петрограде — все это помешало проведению демонстрации 14 февраля. У Таврического дворца собралось лишь несколько сот демонстрантов. Однако в этот день в столице бастовало в общей сложности около 90 тыс. рабочих. У Казанского собора состоялся митинг под лозунгами: "Хлеба!", "Долой войну!", "Долой правительство!". 15 февраля вновь бастовало около 25 тыс. рабочих. 16 февраля было принято решение о введении в Петрограде хлебных карточек, что сразу же вызвало увеличение очередей у булочных и новую волну озлобления в рабочих кварталах. 17 февраля начались забастовки в цехах Путиловского завода. По городу распространялись листовки Петербургского комитета большевиков, Центральной инициативной группы меньшевиков, организации "межрайонцев", которые стремились поддержать и разжечь настроения протеста против существующего строя. Тем не менее никто в те дни не предпола-

*Канун революции. Пг., 1918. С. 100.

гал, что новая революция стоит уже буквально у порога. Об этом не догадывались ни революционеры, ни царь, отправившийся 22 февраля в Ставку в Могилев.

Гром грянул 23 февраля, когда по старому стилю, принятому тогда в России, отмечался международный женский день. Реальная угроза голода в Петрограде еще больше накалила обстановку. В итоге 130 тыс. рабочих забастовали и вышли на улицы Петрограда. Стихийно возникали митинги и демонстрации, застрельщиками которых были рабочие-металлисты и работницы-текстильщицы с Выборгской стороны. Однако ситуация в центре города в общем и целом еще контролировалась властями. В последующие дни народное движение нарастало подобно снежной лавине. Нерешительность властей, боявшихся применять оружие, и активизация революционеров стимулировали дальнейшее обострение обстановки. 24 февраля бастовало уже более 200 тыс. рабочих, а 25 февраля — 300 тысяч. Центром притяжения народной стихии стал Невский проспект, где то и дело возникали митинги под лозунгами: "Долой войну!", "Долой царизм!", "Да здравствует демократическая республика!". Начались столкновения демонстрантов с полицией при благожелательном нейтралитете армейских частей и казаков. К рабочим присоединялись студенты, служащие, гимназисты, ремесленники. Очень активно вели себя женщины и молодежь.

Революционеры в лице Русского бюро ЦК РСДРП, Петербургского и районных комитетов большевиков, Центральной инициативной группы меньшевиков-интернационалистов, "межрайонцев"* эсеров-интернационалистов постепенно наращивали свое влияние на массы, выпускали листовки, вели летучую агитацию прямо на улицах города и на заводах, пытались руководить действиями забастовщиков и демонстрантов. Особенно выделялись в этом отношении большевики, оказавшиеся в февральские дни 1917 г. в своей родной стихии. Делались попытки координировать усилия революционно-интернационалистских организаций, однако большевики легче договаривались с левыми эсерами и "межрайонцами", чем с меньшевиками. Раскол русских марксистов был к тому времени уже совершившимся фактом, и преодолеть его не удалось даже в революционные февральские дни 1917 г. В целом же стихийный порыв масс явно преобладал тогда над целенаправленными, заранее продуманными действиями под четкими революционными лозунгами. "Улица",

*Петроградская группа "межрайонцев", возникшая еще в 1913 г., занимала промежуточное положение между большевиками и меньшевиками. За время войны она эволюционировала влево, пройдя через революционный пацифизм к признанию лозунга гражданской войны. Группой было выпущено около 20 антивоенных листовок, один номер журнала "Вперед", три номера журнала "Текстильщик", три номера "Рабочих ведомостей". В 1917 г. группа "межрайонцев" была одно время опорной базой Троцкого. На VI съезде РСДРП (б) "межрайонцы" вместе с Троцким вступили в партию большевиков.

толпа, масса были главным действующим лицом Февральской революции.

Уже с вечера 23 февраля большевики взяли курс на расширение забастовочного и демонстрационного движения в Петрограде. Однако лишь к вечеру 26 февраля, когда, реализуя приказ Николая II прекратить беспорядки, власти решились, наконец, применить против народа оружие, что привело к многочисленным жертвам, был окончательно взят курс на переход от стачки к восстанию, братание рабочих с солдатами, разоружение полицейских, освобождение из тюрем политзаключенных. В этот роковой для самодержавия день начался процесс перехода солдат столичного гарнизона на сторону народа. Армия не захотела быть, как в 1905 г., его палачом. И если 26 февраля на стороне революции было еще лишь несколько сот солдат, то к вечеру следующего дня под влиянием агитации со стороны рабочих и революционеров из повиновения властям вышло уже до 70 тыс. военнослужащих.

Эти события предопределили фактически победу революции 28 февраля. Всеобщая стачка питерских рабочих, массовый переход на их сторону солдат, сочувствие и поддержка со стороны широких демократических слоев, фактическая изоляция старой власти — вот те факторы, которые решили исход февральских событий в Петрограде. Уже 27 февраля Русское бюро ЦК РСДРП выпустило манифест "Ко всем гражданам России", где говорилось, что "твердыни русского царизма пали" и ставилась задача создания временного революционного правительства. Вечером того же дня состоялось первое заседание Петроградского совета рабочих депутатов, а днем был образован Временный комитет Государственной думы с участием руководителей Прогрессивного блока и социалистов Керенского и Чхеидзе.

В Москве революционные события начались 28 февраля с забастовок, митингов и демонстраций, а на следующий день переход солдат на сторону рабочих решил судьбу царской администрации. Затем лавинообразно пошел процесс смены старой власти на местах. При этом "сценарий" развития событий повсюду был примерно одинаков: забастовки (в промышленных центрах), демонстрации, митинги, выход из подполья членов революционных партий, активизация либерально-демократической общественности, освобождение из тюрем политзаключенных, братание населения с солдатами местных гарнизонов. Эти бескровные чаще всего перевороты заканчивались смещением, а нередко и арестами представителей царской администрации, созданием Советов рабочих и солдатских депутатов и различных общественных организаций типа временных исполнительных комитетов, комитетов общественного спасения и т.д.

Вечером 2 марта 1917 г., убедившись в том, что события в Петрограде приняли необратимый характер, а на поддержку действующей армии

рассчитывать не приходится, Николай II отрекся в Николье от престола. Немного позже, в ночь со 2 на 3 марта, в столице было образовано Прременное правительство. 300-летняя история романовской династии подошла к концу.

Большевики, сыгравшие в феврале 1917 г. более активную, чем другие революционные партии и организации роль в революционных событиях на улицах Петрограда, тем не менее оказались в явном меньшинстве и Совете рабочих депутатов. Здесь преобладали меньшевики и эсеры, у которых в тот момент было больше опытных ораторов и известных рабочим деятелей различных легальных организаций, чем у большевиков. Главное же заключалось в том, что рабочие и солдатские массы не были готовы тогда принять большевистский радикализм, бескомпромиссную позицию по отношению к буржуазии, отрицательное отношение к оборончеству.

Итак, один из главных пунктов программы-минимум РСДРП — уничтожение самодержавия — был выполнен. Марксисты могли торжествовать. Но жизнь уже готовила им новые испытания, да и сами они понимали, что революционная стихия еще не скоро войдет в свои берега. В России продолжался судьбоносный 1917 год.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы расстаемся с российскими марксистами на очередном и очень важном рубеже в процессе их внутренней эволюции. На первый взгляд, начало 1905 и начало 1917 г. в истории большевизма и меньшевизма во многом схожи: каждая из фракций РСДРП имеет всего по несколько тысяч организованных членов, лидеры фракций находятся в эмиграции либо в ссылке, массовое движение рабочих, не говоря уже о других социальных группах, остается загадочно-неуправляемым и развивается по каким-то своим законам... Может создаться впечатление, что 12 лет, отделяющие первую демократическую революцию в России от второй, прошли для марксистов зря — в сварах и склоках, в тщетных вроде бы попытках доказать свою историческую дееспособность и значимость, в горьких разочарованиях.

Однако такой вывод был бы явно преждевременным и поспешным. Корни, которые пустил в начале XX века марксизм в российскую действительность, оказались достаточно глубокими и прочными, тем более, что наше неонародничество и отечественный либерализм не могли похвастаться в это время большими успехами. За период с 1905 по 1917 гг. марксисты накопили большой опыт нелегальной и легальной работы в массах, попробовали свои силы и на баррикадах, и на думской трибуне. Не стояла в эти годы на месте и марксистская теория, хотя ее достижения, прямо скажем, могли бы быть более весомыми, а ведущие теоретики большевизма и меньшевизма могли бы более точно и ясно ответить на вопрос о перспективах развития России после свержения царизма.

Не подлежит сомнению, что российские марксисты стали в 1905-1917 гг. ближе к рабочим и к народу в целом, вырос их авторитет в глазах масс, хотя преувеличивать эти успехи все же не стоит. Как бы то ни было, к 1917 г. марксисты могли рассчитывать на активную поддержку значительной части пролетариата и радикально настроенной интеллигенции, сочувствие многих крестьян и солдат. С таким активом уже можно было рассчитывать на превращение в серьезную политическую силу, что в полной мере продемонстрировали большевики, а отчасти и меньшевики, пережившие весной и летом 1917 г. свой короткий звездный час.

В 1917 г. пути этих марксистских течений окончательно и бесповоротно разошлись. Большевики взяли курс на жесткую диктатуру, осуществляемую от имени пролетариата, а в действительности подминающую под себя и сам рабочий класс, а меньшевики постепенно самоопределялись как сторонники демократического социализма, более адекватного перво-

начальному замыслу Маркса, но явно не вписывавшегося в тогдашнюю российскую действительность. 1917 г. решил исторический спор большевиков и меньшевиков в пользу первых. Однако последующие события показали, что каждого из соперников ожидала своя трагедия: меньшевиков — физическое уничтожение в советской России, большевиков — сначала триумф диктаторов, а затем перерождение их режима в особую разновидность тоталитаризма. Но это уже особая тема.

1989 — весна 1991 г.

С.В. Тютюкин, В.В. Шелохаев
МАРКСИСТЫ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
(1905-февраль 1917 г.)

Художественное оформление - А.Сорокин

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 23.01.1996г.

Формат 60X88 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл.печ. л. 15. Уч.-изд. л. 15. Тираж 2000. Заказ № 3838

Издательство "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д.4, корп.1. Тел. 181-00-13. Факс. 181-0113

В издательстве "РОССПЭН" имеются в наличии книги:

ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ. Российский политический процесс XX столетия. - М., 1995, - 400 с.

Пайпс Р. Русская революция. - М., 1994. В 2-х тт. Т.1. - 398 с., Т.2. - 584 с.

Программы политических партий России. Конец XIX-начало XX вв. - М., 1995. - 464 с.

Зевелев А., Павлов Ю. Расколотая власть. - М., 1995. - 120 с.

Семиряга М.И. Как мы управляли Германией - М., 1995. - 400 с.

Хибберт К. Бенито Муссолини. Биография. - М., 1996. - 416 с.

Планируются к выходу в 1996 году:

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ (конец XIX - первая треть XX вв.). Энциклопедия. Объем - 140 п.л.

Энциклопедия подготовлена в рамках исследовательского проекта Ассоциации РОССПЭН, в ходе которого впервые в таком объеме предпринят опыт комплексного изучения многопартийной политической системы досоветской России, включая национальные регионы. Издание подготовлено на основе архивных изысканий. Хронологические рамки издания охватывают период с момента возникновения партий до момента прекращения их активной деятельности в советской России. В энциклопедию входят статьи трех типов: а) очерки истории партий; б) персоналии; в) статьи о печатных изданиях партий. Статьи сопровождаются справочным аппаратом и иллюстрациями. В приложении - перечень политических партий, действовавших в России в указанный период, а также списки членов их руководящих органов.

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. Золотая книга эмиграции. Энциклопедический биографический словарь.

Объем - 100 п.л.

Данное издание не имеет аналогов ни в российской, ни в зарубежной историографии. Оно включает в себя биографические статьи более, чем о 400 выдающихся деятелях отечественной науки, культуры, общественного движения, вынужденных эмигрировать из России, начиная с 1917 года. Книга проиллюстрирована неизвестными широкой публике фотопортретами персонажей.

КСЕНОФОНТОВ И.Н. Вымысел и правда о священнике Георгии Гапоне. Объем - 15 п.л.

РОЗЕНТАЛЬ И.С. Провокатор Роман Малиновский: судьба и время. Объем - 15 п.л.

СОРОКИН К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. Объем - 10 п.л.

Книги издательства "РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ" Вы можете заказать по системе Книга-почтой РОССПЭН.

Розничная торговля:

- *м.Академическая*, ул. Дмитрия Ульянова,19

тел.: 126-94-18.

- *м.Ботанический сад*, ул.В.Пица,4, корп 1, комн. 216.

тел.: 181-00-13.

Мелкооптовая и оптовая торговля:

м.Ботанический сад, ул.В.Пица,4, корп 1, комн. 216.

тел.: 181-00-13, 181-01-13, 181-04-13.

Мелкооптовая и оптовая торговля осуществляется по гибкой системе скидок.

Наши книги Вы можете приобрести и в других магазинах с торговой наценкой, в том числе:

г.Москва:

"Библио Глобус". *м.Лубянка*. ул.Мясницкая,6.

Тел. 925-24-57.

"19 октября". *м.Полянка*. 1-й Казачий пер.,8.

Тел. 238-64-89.

"Эйдос". *м.Кропоткинская*. Чистый пер.,6.

Тел. 201-26-08.

г.Санкт-Петербург:

"Петербургский дом книги". Невский пр.,28.

Тел. (812) 312-01-84.

"Пятая коллегия". Университетская наб.,7/9.

Тел. (812) 218-96-91.

г.Владимир:

"Былина". ул. III Интернационала,44.

Тел. (09222) 2-31-59.

г.Жуковский:

"Дом книги". ул.Фрунзе,22.

Тел. (095) 556-99-26.

КНИГИ ПО ИСТОРИИ,

а также:

научную, научно-популярную, энциклопедическую и учебную литературу по гуманитарным наукам издательства "РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ" (РОССПЭН)
Вы можете приобрести по ценам издательства в книжных магазинах РОССПЭН.

г. Москва

Издательством РОССПЭН создана одна из наиболее удобных для читателя систем "Книга-почтой", по которой распространяются книги нашего и других издательств России.

ЧТО ЖЕ ЕЕ ОТЛИЧАЕТ ОТ ДРУГИХ?

- дешевизна;**
- быстрота обработки заказов;**
- удобство оплаты заказа;**
- специальные скидки для библиотек.**

Каталог издательства высылается **БЕСПЛАТНО.**

Для получения Каталога и занесения в базу данных Вы высылаете на наш адрес (указан внизу) открытку-заявку с указанием точного и полного своего адреса (с индексом) и телефона.

После получения открытки Ваши данные заносятся в картотеку и Вы автоматически становитесь получателем Каталога издательства, обладателем информации обо всех изданиях, издательских планах и нововведениях в "Российской политической энциклопедии".

По вопросам заказов литературы обращаться по адресу:
Россия, 129256, Москва, ул. В.Пика, д.4, корп.1.

Справки по телефонам в Москве:

тел. (095) 181-00-13; факс/тел. (095) 181-0113.